

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ

**Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)**

Литовский эдукологический университет

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XI

**Москва
2016**

УДК 80
ББК 81 + 82.3(2) + 84.3я43
Р 88

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГАОУ ВО МГПУ*

Главный редактор:
М.Б. Лоскутникова (Москва)

Редакционная коллегия:
И.А. Беляева (Москва), *Е.Ю. Геймбух* (зам. гл. редактора, Москва),
С.А. Джанумов (Москва), *Г. Кундротас* (зам. гл. редактора, Вильнюс),
Г. Петкевич (Вильнюс), *С. Радзивичене* (Вильнюс), *Д. Сабромене* (Вильнюс),
М. Сарновски (Вроцлав), *Л. Сельмистрайтис* (Вильнюс),
Э. Тышковска-Каспшак (Вроцлав), *Е.С. Ярыгина* (Москва)

Рецензенты:
профессор кафедры русской литературы
Московского педагогического государственного университета,
доктор филологических наук, профессор *Л.Н. Целкова*,
профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального образования
Пензенского государственного университета,
доктор филологических наук, профессор *И.В. Замятина*

Р 88 **Русистика и компаративистика:** сб. науч. ст. / гл. ред.
М.Б. Лоскутникова. – Вып. XI. – М.: МГПУ, 2016. – 196 с. –
(Научное издание.)

Сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (вып. XI) является результатом научного сотрудничества Московского городского педагогического университета и Литовского эдукологического университета. Выпуск состоит из лингвистической и литературоведческой частей, а также включает в себя рубрики «Школа молодого исследователя», «Актуальное интервью», «Рецензии».

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов, студентов, учителей-словесников.

ISBN 978-5-243-00485-5

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

© Литовский эдукологический университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	7
------------------------------	---

ЛИНГВИСТИКА

<i>Авина Н.</i> Речевой этикет билингвов в межъязыковой коммуникации (на материале электронных писем)	9
<i>Белошапкина Т.В.</i> Понимание дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания	21
<i>Девятова Н.М.</i> Наречия с приставкой <i>по-</i> : об особенностях сравнительной семантики одной словообразовательной модели	35
<i>Захарова М.В.</i> Интенсивность языковой игры как показатель состояния русского литературного языка	47
<i>Михайлова И.Д.</i> Концепция «Словаря радикалоидов современного русского языка»	60
<i>Бирней М.</i> Интертекст как фактор концептуализации воды в прозе И. Бунина	73

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Полтавец Е.Ю.</i> Охотничий миф в произведениях Л.Н. Толстого	86
<i>Лоскутникова М.Б.</i> Образы «дворянского гнезда» в знаковой системе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	100
<i>Карпачева Т.С.</i> О возможном влиянии трактата Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» на образный строй и идейно-тематическое содержание романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	122

ШКОЛА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

<i>Дамирбекова А.Р.</i> Ольфакторный код в прозе И.С. Тургенева 1850-х годов.....	135
<i>Гребенищikov Ю.Ю.</i> Образы «дворянских гнезд» в романах И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо».....	141
<i>Медведева Д.С.</i> Райский как читатель в романе И.А. Гончарова «Обрыв».....	147
<i>Кортаева В.В.</i> Лес в структуре художественного пространства в романе И.А. Гончарова «Обрыв».....	154
<i>Семакина А.А.</i> Женские образы в романе И. А. Гончарова «Обрыв» и «фаустовский сюжет».....	161
<i>Баев Е.В.</i> Особенности употребления темпоральной лексики в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв».....	167

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Беседа с Ононгийном Чинбаяром, президентом Союза переводчиков Монголии	174
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Джанумов С.А.</i> Рецензия на книгу: Функционально- структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: сб. ст. и материалов / отв. ред. С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева (М.: ГИИ, 2015. 456 с.)	180
<i>Ярыгина Е.С.</i> Рецензия на учебник: Борисова Е.Г., Геймбух Е.Ю. Стилистика и литературное редактирование (М.: Юрайт, 2016. 275 с.).....	186
Коротко об авторах	191

CONTENTS

Introduction	7
---------------------------	---

LINGUISTICS

<i>Avina N.</i> Speech Etiquette of Bilinguals in the Interlingual Communication (Based on the E-mails)	9
<i>Beloshapkova T.</i> The Understanding of Discourse in the Cognitive-Discourse Paradigm of Linguistic Knowledge.....	21
<i>Devyatova N.</i> Adverbs with the Prefix <i>po-</i> : about the Comparative Semantics of One Word- Formative Model	35
<i>Zaharova M.</i> Intensity of Language Game (Speech Play) as Indicator of a Condition of the Russian Literary Language.....	47
<i>Mikhaylova I.</i> The Concept of the «Russian Language Radixoids Dictionary»	60
<i>Birney M.</i> Intertext as a Factor in the Conceptualization of <i>Water</i> in the Prose of I. Bunin	73

LITERARY CRITICISM

<i>Poltavets E.</i> Hunting Myth in the Works of L.N. Tolstoy	86
<i>Loskutnikova M.</i> Images of «a Nest of Noble Family» in Sign System of I.S. Turgenev's Novel «Fathers and Children».....	100
<i>Karpacheva T.</i> On the Possible Impact of the Treatise C. Beccaria «On Crimes and Punishments» on the Imagery and the Ideological and Thematic Content of the Novel F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment».....	122

YOUNG RESEARCHER WORKSHOP

<i>Damirbekova A.</i> Olfactory Code in Turgenev's Prose in the 1850s.....	135
<i>Grebenshchikov Yu.</i> Images of «Dvorjanskoe Gnezdo» («Noble Nest») in I.A. Goncharov's Novel «The Precipice» and in I.S. Turgenev's Novel «The Noble Nest».....	141
<i>Medvedeva D.</i> Raisky as a Reader in Goncharov's Novel «The Precipice».....	147
<i>Korotaeva V.</i> Forest in the Structure of Space in I.A. Goncharov's Novel «The Precipice».....	154
<i>Semakina A.</i> Female's Characters in the I.A. Goncharov's Novel «The Precipice» and «Faustian Plot».....	161
<i>Baev E.</i> Features of the Usage of Temporal Lexis in the Ivan Goncharov's Novels «Oblomov» and «The Precipice».....	167

INTERVIEW

A Conversation with Chinbayar Onon, President of the Union of Mongolian Translators.....	174
---	-----

REVIEWS

<i>Dzhanumov S.</i> Book Review: P.G. Bogatyrev's Functional and Structural Method in Modern Folklore Researches: Collected Articles and Materials (Moscow, 2015. 456 p.)	180
<i>Yarygina E.S.</i> Review of the Textbook: Borisova E.G., Gaymbukh E. Yu. Stylistics and Literary Editing (M.: Yurait, 2016. 275 p.).....	186
About Authors	191

Вместо введения

Сборник научных статей «Русистика и компаративистика» является результатом научного сотрудничества филологов Московского городского педагогического университета и Литовского эдукологического университета.

Выпуск XI сборника традиционно включает в себя лингвистический и литературоведческий разделы.

В лингвистическом разделе представлены статьи, в которых анализируется речевой этикет билингвов в межъязыковой коммуникации (Н. Авина, Вильнюс), понимание дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания (Т.В. Белашапкина, Москва), наречия с приставкой *по-* (Н.М. Девятова, Москва), особенности языковой игры (М.В. Захарова, Москва), концепция «Словаря радикалоидов современного русского языка» (И.Д. Михайлова, Москва), интертекст в прозе И. Бунина (М. Бирней, Вильнюс). К этим статьям примыкают работа молодого исследователя, посвященная особенностям употребления темпоральной лексики в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» (Е.В. Баев, Москва), а также рецензия на учебник Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух «Стилистика и литературное редактирование» (Е.С. Ярыгина, Москва).

Литературоведческий раздел содержит статьи, в которых рассматриваются охотничий миф в произведениях Л.Н. Толстого (Е.Ю. Полтавец, Москва), образы «дворянского гнезда» в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (М.Б. Лоскутникова, Москва), возможное влияние трактата Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях» на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (Т.С. Карпачева, Москва). К разделу «Литературоведение» примыкают статьи молодых исследователей — студентов и аспирантов МГПУ. Внимание в них сосредоточено на своеобразии ольфакторного кода в прозе И.С. Тургенева 1850-х годов (А.Р. Дамирбекова), на сопоставительном изучении образов «дворянских гнезд» в романах И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (Ю.Ю. Гребенщиков), на анализе феномена

книги и читательской культуры в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (Д.С. Медведева), на рассмотрении структуры художественного пространства в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в ракурсе изображения леса (В.В. Коротаяева), на «фаустовских» интертекстуальных началах в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (А.А. Семакина). В разделе «Рецензии» освещены основные положения новой книги — «Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора» (С.А. Джанумов, Москва).

В разделе «Актуальное интервью» представлена беседа с Ононгийном Чинбаяром, президентом Союза переводчиков Монголии.

Сборник завершается рубрикой «Коротко об авторах».

Редколлегия РИК благодарит всех коллег, принявших участие в рецензировании данного выпуска сериального издания.

Н. Авина,

Литовский эдукологический университет,

г. Вильнюс, Литва.

E-mail: natalja.avina@leu.lt

Речевой этикет билингов в межъязыковой коммуникации (на материале электронных писем)

В ряду исследований межъязыковой коммуникации особый интерес вызывает речевой этикет как неотъемлемая часть коммуникативного взаимодействия говорящих. Специфика современного речевого этикета наиболее ярко проявляется в коммуникативной среде Интернета, способствующей появлению новых форм существования языка и, соответственно, новых стереотипов речевого поведения. В данной статье представлены некоторые наблюдения над русским речевым этикетом билингов в межъязыковой коммуникации в социокультурном пространстве Литвы. Материалом исследования являются электронные письма делового содержания, написанные на русском языке студентами-билингвами.

Исследуемый материал в целом подтверждает специфику современного речевого этикета, связанного с определенным снижением уровня вежливости. В рассматриваемом речевом материале отражаются, с одной стороны, процессы демократизации современного речевого общения, типичные жанрово-коммуникативные особенности электронной переписки; с другой стороны, отмечаются некоторые региональные особенности, обусловленные литовско-русским языковым взаимодействием. Данные особенности касаются в большей степени функционирования ряда этикетных формул (в частности, отступлений от речевого этикета обращения), а также неуместности использования некоторых форм речевого этикета или их структурного изменения. Поскольку подобные отступления от норм речевого этикета в деловой электронной переписке могут приводить к некоторым коммуникативным неудачам, владению навыками деловой электронной переписки следует уделить особое внимание в процессе обучения студентов-билингов.

Ключевые слова: межъязыковая коммуникация; языковое взаимодействие; билингв; речевой этикет; речевое поведение; электронное письмо.

Speech Etiquette of Bilinguals in the Interlingual Communication (based on the e-mails)

In a series of studies of interlingual communication, the speech etiquette attracts some particular interest as an integral part of communicative interaction of speakers. This is most clearly demonstrated by the online communication environment, promoting new forms of existence of language and, consequently, new patterns of verbal behaviour. The present article represents some observations on the Russian speech etiquette in the interlingual communication in the socio-cultural space of Lithuania. The materials of study are business e-mails written in Russian by bilingual students.

The test material generally confirms the specificity of the modern speech etiquette related to a particular decline in politeness. The speech etiquette in review reflects, on the one hand, the general processes of democratization of the modern verbal communication, typical genre communication features of e-mails; on the other hand, some regional variations caused by the Lithuanian-Russian language interaction are noted. These features relate to a greater degree to functioning of some etiquette formulas (in particular, deviations from the speech etiquette of address), as well as the inappropriateness of use of some certain forms of speech etiquette or their structural change. Since such deviations from the norms of speech etiquette in business e-mails can lead to some communicative failures, some special attention should be given to proficiency in business e-mail skills in the course of training of bilingual students.

Keywords: interlingual communication; language interaction; bilingual; speech etiquette; speech behaviour; e-mail.

Вводные замечания

В современной лингвистике активно исследуются проблемы межъязыковой коммуникации в различных этнокультурных ситуациях: анализируются лексические инновации как культурно-специфический компонент отражения языковой картины мира билингов, изучается стратегия речевого поведения говорящих и мн. др.

(см., например, работы о языке русского зарубежья: [4; 10]). Исследования показывают: человек, сформировавшийся в поликультурной среде, обладает особым мировосприятием ([9] и др.): «...Личность, владеющая двумя и более языками, обогащается духовно — ее “смешанная” концептосфера, которая является результатом симбиоза концептосфер разных языков, наполняется нюансами значений и множественными ассоциациями» [7: с. 115]. Речевое поведение представителей разных этнокультур обусловлено спецификой коммуникативного сознания — особыми коммуникативными установками, определяющими принятые в обществе нормы и правила общения; в результате в межкультурной коммуникации имеет место лингвокультурная коммуникативная интерференция (например, [6]).

В ряду исследований межъязыковой коммуникации особый интерес вызывает речевой этикет как неотъемлемая часть коммуникативного взаимодействия говорящих. Известно, что речевой этикет представляет собой образец ярко выраженного стандартизованного речевого поведения (например, [11]). Важный регулятор речевого поведения — коммуникативная категория вежливости, представляющая собой систему «коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на бесконфликтную коммуникацию...» [6: с. 167]. Следовательно, в процессе коммуникации не только происходит обмен информацией, но и устанавливаются и демонстрируются определенные отношения между собеседниками. Основная функция речевого этикета — формировать и использовать такие правила поведения, которые способствуют взаимопониманию говорящих в процессе общения. Модификация же этих правил в речевом общении XXI века, и конкретно — в условиях этнокультурного взаимодействия, вероятно, закономерна и определена коммуникативной целесообразностью; речевой этикет живо реагирует на социальные изменения, «приспосабливается» к обстоятельствам.

Наиболее ярко такие изменения демонстрирует коммуникативная среда Интернета, способствующая появлению новых форм существования языка и, соответственно, новых стереотипов речевого поведения. В частности, в электронной переписке находит отражение, с одной стороны, современная тенденция к демократизации коммуникации, раскрепощенности языковой личности, стремление

к творчеству и изобретательности; с другой же стороны, наблюдается снижение общей языковой культуры коммуникантов, в том числе и снижение требований к речевому этикету (см. об этом, например: [3; 5]). Как известно, типичная структура электронного письма включает приветствие, обращение, текст (информация, просьба и др.), благодарность, прощание (например, [5]). Но в современной деловой переписке наблюдается смешение признаков делового и дружеского письма; форма письма становится более свободной, границы системы этикетных формул размываются. Большая скорость обмена письмами влияет на частотность переписки, и в связи с этим часто происходит усечение структуры электронного письма: «потери» обращения, приветствия, подписи, сокращение повторяющихся элементов, этикетных формул вежливости ([5] и др.).

В нашей статье представлены некоторые наблюдения над русским речевым этикетом билингов в межъязыковой коммуникации в ситуации литовско-русского взаимодействия. Материалом исследования являются электронные письма делового характера, написанные на русском языке студентами и магистрантами ряда вузов г. Вильнюса преподавателю. Адресанты — билингвы (нередко из смешанных семей), родной язык которых преимущественно литовский (в ряде случаев — польский, белорусский). Анализируемые деловые письма отражают круг актуальных для данной письменной речевой ситуации тем, связанных с учебными интересами: написание контрольных, бакалаврских, магистерских работ; назначение даты экзаменов, консультаций и т. д. В таких письмах сообщается информация, касающаяся учебного процесса; приносятся извинения за невыполненную работу; выражается благодарность за помощь в работе и т. п.

Необходимо отметить, что отношение адресантов исследуемых писем к речевому этикету разное. Письма некоторых адресантов отличаются неизменной вежливостью и соблюдением форм речевого этикета, использованием соответствующих этикетных формул, например: *Добрый день, (имя, отчество)! Может быть, Вы уже просмотрели мою работу и есть вопросы. Спасибо. С уважением, (имя); Здравствуйте, (имя, отчество). Пришлите, пожалуйста, для нашей группы оценки по предмету.*

С уважением, (фамилия, имя). В электронной переписке других адресантов ярко проявляется разговорная манера, нарушаются статусные признаки речевого этикета, например: *Скажите, могу завтра на консультацию приехать? Во сколько?; Хотела бы спросить, можно составить содержание работы таким образом? Пример прикрепляю.* Отсутствие речевых формул в подобных письмах может быть обусловлено рядом причин: как особенностями конкретной ситуации письменного общения, спецификой личных отношений между коммуникантами, так и уровнем владения литературным русским языком, общей речевой культурой и др. В целом же рассмотренный нами в зеркале электронного письма речевой этикет билингов подтверждает специфику современного речевого этикета, связанную с определенным снижением уровня вежливости. Наиболее распространенные отступления от норм речевого этикета касаются прежде всего функционирования ряда этикетных формул, а также их структуры.

Сопоставление же особенностей речевого этикета электронных писем студентов в ситуации литовско-русского языкового контактирования с соответствующими фактами электронной переписки российских студентов с преподавателями, представленными, в частности, в статье К.А. Гиляровой [1], позволяет сделать некоторые интересные наблюдения.

Результаты исследования

Речевой этикет билингов в ситуации литовско-русского взаимодействия

1. Особенности функционирования некоторых этикетных формул

А. Использование этикетных формул обращения и приветствия.

Известно, что формулы обращения имеют большое значение в коммуникации: они несут информацию о социальном статусе коммуникантов, типе взаимоотношений между ними (степени близости,

социальной и статусной дистанции и др.). Уместность использования обращения имеет большое значение для установления контакта между собеседниками. Разные ситуативные сферы «предполагают исполнение личным именем этикетного предназначения, ограничивая этикетом, обычаем, ритуалом, нормами речевого поведения национально-специфические типизированные его формы» [12: с. 186]. Но, как отмечают исследователи, в период последних десятилетий изменения в русской антропонимической системе, обусловленные процессами глобализации, ориентацией на стереотипы поведения и специфику западной культуры, процессами демократизации русского языка, касаются и форм обращения.

В рассматриваемых нами деловых письмах обращения часто отсутствуют, и используется только этикетная единица приветствия — обычно *здравствуйте*, а также *добрый день, добрый вечер, доброе утро*, иногда — *доброго времени суток, вечер добрый*, например: *Здравствуйте, Вас беспокоит Ваша студентка (имя, фамилия). Может быть, Вы могли бы выслать мне задания? Заранее большое спасибо. Извините, что беспокою на каникулах. С уважением (имя); Добрый вечер. Подойду к Вам на кафедру в назначенное время. До встречи, спасибо.* По наблюдениям же К.А. Гиляровой [1], лишь около 15 % писем российских студентов преподавателям начинается приветствием без обращения (*Доброго времени суток!*; *Здрасьте!*; *Привет!*; *Hi!*).

Обращения к преподавателю, которые в ряде случаев используются нашими адресантами, разнообразны. Это может быть общепринятое в русском речевом этикете обращение по имени-отчеству, например: *Доброго времени суток, (имя, отчество), высылаю весь материал, аннотацию сократила, все пункты откорректировала. Большое Вам спасибо за поддержку! С уважением, (имя).* Сравним: российские студенты обращаются к преподавателю по имени-отчеству в 47,1 % писем [1]. При этом заметим, что некоторые наши адресанты придают большое значение отчеству; см. следующее письмо: *Уважаемая (имя, отчество), простите, пожалуйста, я перенервничала и неправильно к Вам обратилась в предыдущем письме <...> Очень стыдно.* Однако в современной межкультурной

коммуникации использование отчества характеризуется особой спецификой. Например, рассматривая язык русской эмиграции, Е.А. Земская [4] отмечает, что отчества используются редко, и прежде всего в официальных ситуациях по отношению к людям пожилого возраста. Тенденция к обращению без отчества, а только по имени, отмечается и в речевом поведении русскоязычных, живущих в Италии [2]; о развитии «нового» речевого этикета — отмене отчества — русских эмигрантов в США пишет также М. Осипова [8], рассматривая такую речевую стратегию коммуникантов, как ориентацию на ценности западной культуры.

В анализируемых нами электронных письмах встречается также обращение к преподавателю по имени, например: *Добрый вечер, (имя)! Я за коллоквиум отчитался. Завтра подойду на кафедру и подожду без проблем. Всего наилучшего, до встречи! С уважением, (имя, фамилия)*. В некоторых случаях отмечается обращение к преподавателю по занимаемой должности, званию — *уважаемая преподавательница, уважаемый доцент, уважаемый преподаватель* (к женщине), например: *Уважаемый доцент (имя, фамилия), извините, пожалуйста, что я не пришла. Я сделаю все задания позже, если вы мне разрешите. (Имя, фамилия)*. Обращение по занимаемой должности — западный стиль обращения, в том числе характерный и для литовского речевого этикета. В отдельных письмах возможно обращение *госпожа + имя, госпожа + фамилия*, например: *Добрый день, госпожа (имя)! Будет ли у Вас возможность поставить дополнительные занятия? С уважением, (имя, фамилия)*. Заметим, что факты подобных обращений к преподавателю российских студентов не приводятся в статье К.А. Гиляровой [1].

Б. Использование этикетных формул прощания, подписи.

В рассматриваемом материале речевой этикет в конце письма обычно соблюдается, и чаще всего письма наших респондентов заканчиваются этикетной формулой — *С уважением*; пожеланиями — *С наилучшими пожеланиями; Всего хорошего; Всего доброго*; выражением благодарности — *Спасибо!; Большое спасибо; Спасибо заранее*; формулами прощания — *До свидания; До завтра*;

До встречи!; иногда приносятся извинения за беспокойство — *Извините за беспокойство*. Довольно часто в конце письма используется несколько этикетных формул одновременно, например: *До встречи, с уважением (имя)*; *Заранее благодарю. С уважением (имя)*; *Доброго вечера. До завтра*. Письмо обычно заканчивается подписью — это имя или имя и фамилия. Письма же, в которых отсутствуют как формулы прощания, так и подпись, в нашем материале единичны, например: *Здравствуйте, я уже всем передала, что занятия не будет. Выздоровливайте*; *Добрый день, пересылаю вам электронный вариант работы. Аннотацию перешлю завтра*. Естественно, подобные тексты без этикетных единиц прощания и подписи могут представлять собой и реплики на предыдущее письмо: *Хорошо, подойду в 13:30, спасибо*. Сравним: в письмах российских студентов этикетные формулы прощания и подпись отсутствуют в 40,9 % случаев [1].

Наряду с некоторыми этикетными формулами в конце письма могут использоваться эмодзи (так называемые смайлики), широко распространенные в интернет-общении для передачи на письме невербального компонента устного дискурса. Однако эмодзи характерны лишь для некоторых наших адресантов и отмечаются в этикетных формулах благодарности — *Спасибо))))*), пожелания — *Хорошего вечера :)*, прощания — *Спокойной ночи, до завтра :)*. Судя по нашему материалу, деловые письма характеризуются эмоциональной сдержанностью. В электронной же переписке российских студентов эмодзи разнообразны и используются довольно активно [1].

В. Неуместность некоторых форм речевого этикета.

В каждом языке этикетные формулы, даже несмотря на кажущуюся эквивалентность, могут иметь различное значение, и поэтому важно понимать, в каком коммуникативном контексте они могут быть использованы, каковы их прагматическое значение и воздействие на собеседника (см. об этом, например, [6]). Так, использование следующих этикетных формул в рассматриваемых электронных письмах не представляется уместным: *Добрый вечер. Вас беспокоит (фамилия, имя). Мы договорились с группой на 20 мая насчёт экзамена. Если Вам подходит это время, пожалуйста, напишите мне*

ответ. Большое Вам спасибо. **Извините за неудобства.** До свидания. (Фамилия, имя) — ср.: «извините за беспокойство»; *Добрый день, это вам пишет студентка заочного отделения (имя), хотела бы получить задание.* **Спасибо за внимание** — ср.: подобная форма благодарности характерна для устного выступления.

Г. Вариативность написания «Вы-формы».

Традиционно в письменной коммуникации «Вы-форма» свидетельствует об официальной ситуации общения, применяется к старшему по возрасту, положению и т. п. Распространенным фактом демократизации речевого этикета является варьированность написания «Вы-формы», и это ярко проявляется в рассматриваемых нами деловых письмах: то с прописной буквы — *Хорошего **Вам** вечера. Здоровья, счастья, радости, удачи и творческого вдохновения **Вам**;* то со строчной буквы — *Хотела бы к **вам** прийти на консультацию. Напишите, пожалуйста, когда можно к **вам** прийти.* Написание «Вы-формы» может варьироваться в одном и том же письме: *Огромное **Вам** спасибо за помощь. В течение этой недели я буду писать вступительное слово, и в пятницу тогда подойду к **вам**.*

2. Особенности структуры некоторых этикетных формул

Известно, что языковые средства речевого этикета устойчивы, и замена компонентов этикетных формул свидетельствует о недостаточном владении речевым этикетом. Это наблюдается в электронной коммуникации некоторых адресантов. Таковы, например, следующие этикетные единицы пожелания: *Здравствуйтесь, понимаю, вы заболели. **Восстанавливайтесь!*** — ср.: «Поправляйтесь!»; *«Хорошо проводите выходные!»* — ср.: «Хороших выходных!».

Заключительные замечания

Специфика межъязыковой коммуникации проявляется в различных сферах и жанрах общения. В рассматриваемой электронной переписке билингов в речевом этикете отражаются, с одной стороны,

процессы демократизации современного речевого общения, типичные жанрово-коммуникативные особенности электронной переписки; с другой стороны — некоторые региональные особенности, касающиеся в большей степени отступлений от речевого этикета обращения, а также неуместности использования некоторых форм речевого этикета или их структурного изменения. В частности, обычно отсутствуют обращения, при этом редко используется имя-отчество; вместе с тем используются нетипичные для русского речевого этикета обращения к преподавателю по имени, занимаемой должности, званию; обращение *госпожа + имя (фамилия)*; подобные письма характеризуются эмоциональной сдержанностью.

Отношение к анализируемым фактам речевого этикета не может быть однозначным в аспекте культуры речи. Некоторые отступления от норм русского речевого этикета в деловой электронной переписке могут приводить к определенным коммуникативным неудачам, связанным с неадекватным восприятием и пониманием письменной коммуникации в межкультурном общении. Владению речевым этикетом в деловой электронной переписке следует уделить особое внимание в процессе обучения билингов, поскольку роль электронной переписки в различных сферах коммуникативной деятельности весьма значительна.

Литература

1. *Гилярова К.А.* Курсач в аттаче: особенности электронной коммуникации между преподавателем и студентом [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (г. Бекасово, 25–29 мая 2011 г.) / под ред. А.Е. Кибрик. Вып. 10. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 219–235. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/en/pdf/24.pdf> (дата обращения: 29.10.2014).
2. Дель Гаудио С. Речевое поведение русскоязычных в Италии // Проблемы речевого общения: тезисы докладов Междунар. конф. «Десятые Шмелевские чтения». М., 2012. С. 36–39.
3. *Зализняк А.А., Микаэлян И.Л.* Переписка по электронной почте как лингвистический объект [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Междунар. конф. «Диалог 2006» / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея.

М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 157–162. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm> (дата обращения: 12.01.2016).

4. *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья* / ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 25–277.

5. *Курьянович А.В.* Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации [Электронный ресурс] // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2008. Вып. 2. С. 44–49. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pismo-kak-funksionalno-stilevaya-raznovidnost-epistoljarnogo-zhanra-v-prostranstve-sovremennoj-kommunikatsii> (дата обращения: 12.01.2016).

6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

7. *Леонтович О.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.

8. *Осипова М.А.* Современный русский язык в России и США: социально обусловленные параллели развития // *Русский язык сегодня*: сб. ст. / ред. Л.П. Крысин. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 502–510.

9. *Привалова И.* Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2005. 472 с.

10. *Протасова Е.Ю.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.

11. *Формановская Н.И.* Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009. 334 с.

12. *Формановская Н.И.* Социокультурное пространство личного имени, или зачем русскому отчество // *Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии*: сб. науч. ст. / ред. В.В. Красных. М.: Азбуковник, 2011. С. 182–193.

References

1. *Gilyarova K.A.* Kursach v attache: osobennosti e'lektronnoj komunikacii mezhdru prepodavatelem i studentom [E'lektronny'j resurs] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e texnologii: materialy' ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (g. Bekasovo, 25–29 maya 2011 g.) / pod red. A.E. Kibrik. Vy'p. 10. М.: Izd-vo RGGU, 2011. S. 219–23. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/en/pdf/24.pdf> (data obrashheniya: 29.10.2014).

2. *Del' Gaudio S.* Rechevoe povedenie russkoyazy'chny'x v Italii // Problemy' rechevogo obshheniya: tezisy' dokladov Mezhdunar. konf. «Desyaty'e Shmelevskie chteniya». M., 2012. S. 36–39.

3. *Zaliznyak A.A., Mikae'lyan I.L.* Perepiska po e'lektronnoj pochte kak lingvisticheskij ob'ekt [E'lektronny'j resurs] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e tekhnologii: trudy' Mezhdunar. konf. «Dialog 2006» / pod red. N.I. Laufer, A.S. Narin'yani, V.P. Selegeya. M.: Izd-vo RGGU, 2006. S. 157–162. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm> (data obrashheniya: 12.01.2016).

4. *Zemskaya E.A.* Obshhie yazy'kovy'e processy' i individual'ny'e rechevy'e portrety' // Yazy'k russkogo zarubezh'ya / red. E.A. Zemskaya. M.; Vena: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2001. S. 25–277.

5. *Kur'yanovich A.V.* E'lektronnoe pis'mo kak funkcional'no-stilevaya raznovidnost' e'pistol'yarnogo zhanra v prostranstve sovremennoj kommunikacii [E'lektronny'j resurs] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. Vy'p. 2. S. 44–49. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pismo-kak-funktsionalno-stilevaya-raznovidnost-epistol'yarnogo-zhanra-v-prostranstve-sovremennoy-kommunikatsii> (data obrashheniya: 12.01.2016).

6. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. 512 s.

7. *Leontovich O.* Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikaciju. M.: Gnozis, 2007. 368 s.

8. *Osipova M.A.* Sovremenny'j russkij yazy'k v Rossii i SShA: social'no obuslovlenny'e paralleli razvitiya // Russkij yazy'k segodnya: sb. st. / red. L.P. Kry'sin. Vy'p. 2. M.: Azbukovnik, 2003. S. 502–510.

9. *Privalova I.* Interkul'tura i verbal'ny'j znak. Lingvokognitivny'e osnovy' mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Gnozis, 2005. 472 s.

10. *Protasova E.Yu.* Fennorossy': zhizn' i upotreblenie yazy'ka. SPb.: Zlatoust, 2004. 308 s.

11. *Formanovskaya N.I.* Rechevoj e'tiket v russkom obshhenii. Teoriya i praktika. M.: VK, 2009. 334 s.

12. *Formanovskaya N.I.* Sociokul'turnoe prostranstvo lichnogo imeni, ili zachem russkomu otchestvo // Russkij yazy'k v usloviyax yazy'kovoj i kul'turnoj polifonii: sb. nauch. st. / red. V.V. Krasny'x. M.: Azbukovnik, 2011. S. 182–193.

Т.В. Белошапкина,

Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.

E-mail: beloshapkovat@mail.ru

Понимание дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания

Е.С. Кубряковой была сформулирована когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания, неотъемлемой частью которой являются дискурсивные исследования. На современном этапе в науке сложились два подхода в понимании дискурса. Первый связан с динамичностью и процессуальностью дискурса, второй — с изучением дискурса как совокупности многих отдельных текстов. Эта идея связана с отечественным направлением когнитивной лингвистики, которое во главу угла ставит возможность получения знаний о ментальном мире из дискурса.

На сегодняшний день она воплощена в двух концепциях: автора и О.Г. Дубровской. Концепция автора основана на изучении культуры одного этноса — русского. Ею были проведены дискурсивные исследования аспектуальных концептов в период с конца XVIII века по наши дни, параметрами анализа были такие понятия, как продуктивность и функциональность.

Концепция О.Г. Дубровской связана с изучением дискурса через его социокультурные особенности. Ее основными понятиями являются: социокультурные знания, социокультурный контекст, метаконцепты, когнитивно-дискурсивная интерпретанта.

Социокультурные знания в языковом сознании существуют в виде следующих метаконцептов: роли, стереотипа, языкового опыта, ценности, нормы, пространства, времени. Соединение социокультурных знаний с интерпретационной составляющей языкового сознания создают понятие когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Результат исследования заключается в установлении того, что в отечественной когнитивной лингвистике сложилось свое собственное понимание дискурса как совокупности многих отдельных текстов, которые используются для изучения «когнитивного конструирования мира», но единые параметры его описания еще не выработаны.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания; дискурс; аспектуальные концепты; социокультурные особенности дискурса.

The Understanding of Discourse in the Cognitive-Discourse Paradigm of Linguistic Knowledge

The notion of cognitive-discourse paradigm of linguistic knowledge was introduced by E.S. Kubrjakova. The discourse investigation is part and parcel of this paradigm. At present there are two interpretations of discourse. The first concerns the dynamic and processualness of discourse, the second is connected with studying discourse as the unity of many texts. This idea is connected with the Russian branch of cognitive linguistics; within its framework it is stated that knowledge about the mental universe is gained from the discourse.

Nowadays the author and O.G. Dubrovskaja develop this idea. The author applies it to the culture of Russian ethnos, having carried out discourse research of aspectual concepts from the end of the 18th century up to the present days. The parameters of that research were the productivity and the functionality.

Dubrovskaja's approach is connected with the study of discourse through its sociocultural peculiarities. The main notions here are sociocultural knowledge, sociocultural context, metaconcepts, cognitive-discourse interpretant.

Sociocultural knowledge exists in the language consciousness as the following metaconcepts: role, stereotype, value, norm, space, time. The unity of the sociocultural knowledge with the interpretant of language consciousness creates the concept of cognitive-discourse interpretant.

As a result of the current research it has been found out that the Russian branch of cognitive linguistics proposes its own understanding of discourse as the unity of many texts that are used to study «cognitive construction of the world» in Russian cognitive linguistics. However, universal parameters of the world description have not been formulated yet.

Keywords: cognitive-discourse paradigm of linguistic knowledge; discourse; aspectual concepts; sociocultural distinctness of discourse.

Современная лингвистика в России отличается мультипарадигмальностью, о чем свидетельствуют исследования, выполненные в рамках сравнительно-исторического языкознания, системно-структурной парадигмы, коммуникативно-прагматической парадигмы.

В 2005 году Е.С. Кубряковой были сформулированы принципы еще одной парадигмы лингвистического знания — когнитивно-

дискурсивной парадигмы. Е.С. Кубрякова указывает, что «согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют — когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [17: с. 33]. Эта лингвистическая парадигма сформировалась внутри такого лингвистического направления, как когнитивная лингвистика (подробнее см.: [5; 6]).

Когнитивная лингвистика в России развивается интенсивно и плодотворно уже несколько десятилетий, за это время она прошла несколько этапов своего развития (подробнее см.: [3]). На сегодняшний день можно говорить о том, что в ней имеется два направления исследований: первое направление связано с развитием идей американской лингвистики, а второе — с развитием идей отечественной лингвистики. Первое направление, связанное с развитием идей американской лингвистики, находит отражение в исследованиях А.А. Кибрика, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной ([15; 20; 21]). Второе направление, берущее свое начало в ономаσιологических исследованиях 70–80-х годов прошлого века и в теории номинации, нашло отражение в отечественном направлении когнитивной лингвистики, созданном Е.С. Кубряковой. Результаты деятельности этого направления представлены в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики», в серии научных изданий «Когнитивные исследования языка», в докладах ученых на регулярных международных конгрессах по когнитивной лингвистике.

Понятие дискурса занимает одну из ключевых позиций в когнитивной лингвистике. Но если когнитивная составляющая является атрибутом когнитивной лингвистики, то дискурсивная составляющая — атрибут не только когнитивной лингвистики, но и коммуникативной лингвистики, в силу этого понятие дискурса весьма размыто (подробнее см.: [19]). В.Е. Чернявская указывает на то, что

«в российском пространстве оперирование термином “дискурс” отличается особой мозаичностью в силу иных обстоятельств: он наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в советской науке в функционально-стилистическом формате» [23: с. 56].

Оставив в стороне вопросы соотношения дискурса и функционального стиля, мы можем говорить о том, что на современном этапе в науке сложились две точки зрения на изучение дискурса. В первом случае внимание уделяется процессуальности дискурса (подробнее см.: [23; 14]). Во втором случае исследования связаны «с акцентом на изучении дискурса как совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных» [23: с. 57].

Второй подход в понимании дискурса относится к отечественному направлению когнитивной лингвистики, созданному Е.С. Кубряковой. Еще в 2000 году она в обзоре «О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике» обращала внимание на то, что когнитивная лингвистика обладает возможностью «увидеть за дискурсом (текстом, имеющим своего автора и создаваемым для выражения его позиции в определенных конкретных условиях его социального бытия) особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности. Сигналами для подобного восстановления и служат определенные языковые формы или же, точнее, их система (ср., например, номинализация или же безличные формы высказываний)» [16: с. 16–17]. Также ей принадлежит основополагающая мысль о том, что «сами тексты начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, — источники данных об особых ментальных мирах» [16: с. 20]. Е.С. Кубрякова дает следующее определение дискурсу: «**Дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (online), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или — его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый**

акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [18: с. 525].

Таким образом, в рамках данного направления дискурсивный анализ — это неотъемлемая часть лингвистического анализа в целом. В.И. Заботкина указывает, что «этот подход к дискурсу помещает ментальные репрезентации и дискурс в контекст культуры, в рамках которой происходит взаимодействие между людьми и интерпретация окружающего мира. Развивая далее теорию дискурса, Е.С. Кубрякова считает, что дискурс имеет значение для изучения когнитивного конструирования мира (cognitive construal of the world) потому, что он строится из различных единиц номинации и основывается на различных способах описания одного и того же предмета или ситуации» [14: с. 45].

Идея о возможности получения знания о ментальном мире из дискурса воплотилась на сегодняшний день в двух научных концепциях — концепции Т.В. Белошапковой и концепции О.Г. Дубровской.

Если двигаться хронологически, что первой нужно указать концепцию автора, которая воплощена в когнитивно-дискурсивном описании категории аспектуальности в современном русском языке. В рамках этого исследования данная категория передается следующими концептами: **единичностью, длительностью, началом, продолжением, концом, результативностью, повторяемостью, степенью проявления, соотношением с нормой** (подробнее см.: [7]). Возможностям использования результатов проведенного исследования в теории и практике перевода была посвящена статья автора, опубликованная в данном издании в 2011 году [4].

В рамках этой концепции дискурс определяется как **реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира.**

Предложенное автором понимание дискурса и сам принцип его исследования связаны с культурой одного этноса — русского. Можно сказать, что это понимание дискурса интровертно. Предложенные

параметры дискурсивной части исследования: **продуктивность** (общее представление об употребляемости вне статистических исследований), **функциональность** (это принятая практика, мода в употреблении средств и способов передачи аспектуального концепта) — позволяют расширить временной отрезок исследования. Так, автором в ряде статей было проведено дискурсивное исследование концепта **степень проявления** (с конца XVIII века по наши дни) и прослежена их эволюция [2, 8, 9]. Исследование строилось путем сопоставления трех временных дискурсов: конца XVIII века и первой трети XIX века, второй половины XIX века, XX и XXI веков.

Методология исследования была следующей: материал исследования был собран из произведений определенного круга авторов, затем определялась **продуктивность** каждого средства передачи — его употребляемость в каждый из обозначенных периодов. Следующий этап исследования представлял собой сопоставление результатов продуктивности в каждый из обозначенных периодов, т. е. определялась **функциональность**. В результате проведенных исследований было установлено, что:

1) функциональность разных дискурсов различается, но при этом имеется некое ядро, которое продуктивно во все анализируемые периоды. Это ядро составляют четыре наречия: **очень, так, сильно, медленно**;

2) имеется круг средств, которые во все периоды обладают примерно одинаковой продуктивностью. Так, наречие **ужасно** обладает следующей продуктивностью: конец XVIII века – первая треть XIX века — 28,5 %; вторая половина XIX века — 30 %, XX–XXI века — 25 % (*Она ужасно мучилась... М.Ю. Лермонтов; Она ужасно боялась сказать что-то глупое... С.В. Ковалевская; ...был ужасно возмущен... М. Шолохов*);

3) есть круг средств, который имеют достаточно высокую продуктивность в дискурсе XX–XXI веков (25 %), но не продуктивен в других дискурсах, например, наречие **крепко** — (*Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре... В.А. Жуковский; ...крепче схватилась за руку князя... Л.Н. Толстой; ...он крепко жмет мне руку... И.А. Бунин*);

4) имеются такие средства, которые весьма продуктивны в дискурсе конца XVIII века — первой трети XIX века, но не продуктивны или не употребляются в других дискурсах. Так, наречие **чрезвычайно** обладает продуктивностью 42,9 % в дискурсе конца XVIII века — первой трети XIX века, в дискурсе XIX века — это не универсальное средство, в дискурсе же XX–XXI веков оно вообще не встречается (*...чрезвычайно бранил свою жену... А.А. Крылов; Армия наша **чрезвычайно** нуждалась в продовольствии... А.П. Ермолов; ...я **чрезвычайно** хотел услужить тому человеку. В.А. Жуковский; ...я все это **чрезвычайно** хвалю... Ф.М. Достоевский*);

5) наблюдаются устаревшие средства, встречающиеся в дискурсе конца XVIII века — первой трети XIX века у отдельных авторов, но не отраженные в этом значении в современных словарях, например, наречие **много** (*Ты **много**, **много** бы одолжил меня этим (В.А. Жуковский)*).

Проведенное исследование позволило увидеть механизмы эволюции **концепта-примитива**, т. е. концепта, обозначающего не ситуацию, а лишь ее модификаторов, в культуре одного этноса.

Таким образом, предложенная автором концепция связана с изучением дискурса у определенного этноса. Здесь можно провести некую параллель с исследованиями Л.П. Дроновой, изучающей концепт как диахронный феномен на материале немецкого и английского языков [12].

Концепция О.Г. Дубровской основана на изучении дискурса через его социокультурные особенности [13]. Здесь важно подчеркнуть, что изучение социокультурных особенностей предполагает связь культурами разных социумов, поэтому можно сказать, что эта концепция носит экстравертный характер.

Изучение социокультурных знаний представляет исследовательский интерес для ряда лингвистических направлений традиционной лингвистики: лингвистика текста, коммуникативной лингвистики, межкультурной коммуникации, дискурсивного анализа. В связи с этим в рамках традиционной лингвистики определенным интересом представляет лингвистическая теория общения, сформулированная Н.И. Формановской. В центр лингвистической теории общения

автор ставит лингвистику текста, которая, в свою очередь, пересекается с рядом других лингвистических направлений — функциональной стилистикой, прагмалингвистикой, культурой речи, социолингвистикой, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой, этнолингвистикой, лингвострановедением (культуроведением), теорией речевого этикета, риторикой (подробнее см.: [22]).

О.Г. Дубровская в центр своей теории ставит когнитивную лингвистику и соотносит изучение дискурса с познавательной деятельностью человека, так как «в рамках когнитивной лингвистики анализ познавательной деятельности человека связывается, прежде всего, с языковыми проявлениями этой деятельности, поскольку язык — главная составляющая когнитивной системы, обеспечивающей осуществление процессов, направленных на получение и обработку, хранение и использование, организацию и накопление структур знания» [1: с. 43].

Основными понятиями, используемыми в концепции О.Г. Дубровской, являются: социокультурные знания, социокультурный контекст, метаконцепты, когнитивно-дискурсивная интерпретанта.

Точкой отсчета у О.Г. Дубровской выступают **социокультурные знания**, которые создают **социокультурный контекст дискурса**. **Социокультурные знания** — «это знания субъекта о социуме и культуре, о мире (включая знания об адресате), в котором он (субъект) осуществляет свою деятельность и выступает как представитель той или иной социокультуры (профессиональной, территориальной, национальной, гендерной и др.)» [13: с. 206]. **Социокультурный контекст дискурса** определяется О.Г. Дубровской «как индивидуальная концептуальная система субъекта, сформированная социокультурными знаниями и активизируемая субъектом в процессе языковой интерпретации как социокультурная специфика дискурса» [13: с. 15]. Здесь важно подчеркнуть, что это совокупность знаний, полученных в процессе множества концептуализаций.

Социокультурные знания в языковом сознании существуют в виде **метаконцептов**. Процесс категоризации мира в языковом сознании индивида осуществляется сквозь призму метаконцептов. О.Г. Дубровская указывает, что «носители универсальных структур

знания — метаконцепты. Посредством именно метаконцептов, сформированных в определенной социокультурной среде, субъект осуществляет в первую очередь интерпретацию мира в дискурсе» [13: с. 76]. О.Г. Дубровская выделяет следующие метаконцепты: **роль, стереотип, языковой опыт, ценность, норму, пространство, время.**

Каждый человек индивидуален, поэтому каждый из нас интерпретирует действительность в своем сознании. Когнитивная лингвистика еще в период своего становления в России осознавалась как «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят “ментальные” основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются (“репрезентируются”) и участвуют в переработке информации» [11: с. 21], т. е. изначально когнитивная лингвистика выступала как некий интерпретирующий подход.

Здесь важно указать, что «интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности» [13: с. 90]. Н.Н. Болдырев дает следующее определение понятию «интерпретация» — это «проекция мира, или знание о мире, “погруженное” в индивидуальное сознание человека» [10: с. 12].

Соединение социокультурных знаний — метаконцептов — с интерпретационной составляющей языкового сознания, связанной с конкретным социокультурным контекстом, создает понятие **когнитивно-дискурсивной интерпретанты**. О.Г. Дубровская дает следующее определение этому понятию: «присутствующее в дискурсе указание на ту концептуальную область, характерную для того или иного социума или культуры, которая задается субъектом для понимания соответствующего дискурса (область его определения), и с позиции которой должен интерпретироваться его смысл; это выбор определенных языковых средств, используемых для репрезентации данной области в этом социуме или культуре» [13: с. 94].

Последовательное использование предлагаемых параметров анализа позволяет О.Г. Дубровской сформулировать **субъектный**

принцип формирования социокультурной специфики дискурса, который «проявляется в самом дискурсе, а именно в наличии указания на социокультурный контекст в виде КДИ (*когнитивно-дискурсивной интерпретанте*. — Т. Б.) [13: с. 208].

О.Г. Дубровская приходит к выводу о том, что «существующие подходы к анализу дискурса и его национально-культурной составляющей со всей очевидностью требуют пересмотра социокультурной специфики дискурса в парадигме когнитивной лингвистики» [13: с. 199].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в данный период в отечественной когнитивной лингвистике сложилось понимание дискурса как совокупности многих отдельных текстов, которые используются для изучения «когнитивного конструирования мира». Можно говорить о том, что существует как интровертное понимание, связанное с изучением дискурса у определенного этноса, так и экстравертное понимание, сопряженное с изучением дискурса через его социокультурные особенности. К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют единые параметры исследования дискурса. Но чем больше параметров изучения, тем глубже и детальнее анализ, что в последующем, безусловно, приведет к созданию единого, но при этом многоуровневого описания дискурса.

Литература

1. *Бабина Л.В.* Когнитивные основы вторичных явлений языка и речи: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 264 с.
2. *Белошапкина Т.В.* Категория аспектуальности в языке XIX–XXI веков // Текст, контекст и интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (г. Москва, 15–17 окт. 2013 г.). Т. 1. Ч. 1. М.: МГПУ, 2014. С. 32–39.
3. *Белошапкина Т.В.* Когнитивная лингвистика в России // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве: сб. ст. М., 2009. С. 431–441.
4. *Белошапкина Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания и литературный перевод (на материале категории аспектуальности) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. VI. Вильнюс: Литовский эдукологический ун-т, 2011. С. 161–171.

5. *Белошапкина Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма в кругу лингвистических парадигм современного отечественного языкознания // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сб. ст. Всерос. науч. конф. с международным участием, посвящ. 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского гос. ун-та и 30-летию памяти И.П. Распопова (г. Уфа, 23–24 марта 2012 г.). Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 31–37.

6. *Белошапкина Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. «XII Виноградовские чтения» (г. Москва, 10–11 ноября 2011 г.). Т. 1: Русский язык. Зарубежная филология М.: МГПУ, 2012. С. 125–130.

7. *Белошапкина Т.В.* Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 336 с.

8. *Белошапкина Т.В.* Концепт СТЕПЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ в современном дискурсе и дискурсе предпушкинской поры // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когнитивной и коммуникации: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием (г. Тамбов, 25–26 июня 2016 г.). М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 301–305.

9. *Белошапкина Т.В.* Эволюция концепта-примитива ‘степень проявления’ в период с конца 18 века по начало 21 века // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике (г. Тамбов, 30 сентября – 2 октября 2015 г.). М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 196–198.

10. *Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.

11. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

12. *Дронова Л.П.* Концепт как диахронический феномен // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике (г. Тамбов, 30 сентября – 2 октября 2015 г.). М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина; СПб.: Книжный Дом, 2015. С. 209–2011.

13. *Дубровская О.Г.* Социокультурная специфика дискурса: субъективный принцип формирования: монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 266 с.

14. *Заботкина В.И.* К вопросу о динамической модели порождения и трансфера знаний посредством дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 768 с.
15. *Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
16. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
17. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 13–35.
18. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
19. *Макаров Л.М.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
20. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 446 с.
21. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Либроком, 2010. 480 с.
22. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
23. *Чернявская В.Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 54–62.

References

1. *Babina L.V.* Kognitivny'e osnovy' vtorichny'x yavlenij yazyka i rechi: monografiya. M.; Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2003. 264 s.
2. *Beloshapkova T.V.* Kategoriya aspektual'nosti v yazy'ke XIX–XXI vekov // Tekst, kontekst i intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. «XIII Vinogradovskie chteniya» (g. Moskva, 15–17 okt. 2013 g.). T. 1. Ch. 1. M.: MGPU, 2014. S. 32–39.
3. *Beloshapkova T.V.* Kognitivnaya lingvistika v Rossii // Slavyanskij mir v tret'em ty'syacheletii. Rossiya i slavyanskije narody' vo vremeni i prostranstve: sb. st. M., 2009. S. 431–441.
4. *Beloshapkova T.V.* Kognitivno-diskursivnaya paradigma lingvističeskogo znaniya i literaturny'j perevod (na materiale kategorii

aspektual'nosti) // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st. Vy'p. VI. Vil'nyus: Litovskij e'dukologicheskij un-t, 2011. S. 161–171.*

5. *Beloshapkova T.V. Kognitivno-diskursivnaya paradigma v krugu lingvisticheskix paradigim sovremennogo otechestvennogo yazy'koznaniya // Prioritety' sovremennoj rusistiki v osmy'slenii yazy'kovogo prostranstva: sb. st. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashh. 35-letiyu kafedry' sovremennogo russkogo yazy'koznaniya Bashkirskogo gos. un-ta i 30-letiyu pamyati I.P. Raspopova (g. Ufa, 23–24 marta 2012 g.). T. 1. Ufa: RICz BashGU, 2012. S. 31–37.*

6. *Beloshapkova T.V. Kognitivno-diskursivnaya paradigma lingvisticheskogo znaniya // Tekst, kontekst, intertekst: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. konf. «XII Vinogradovskie chteniya» (g. Moskva, 10–11 noyabrya 2011 g.). T. 1: Russkij yazy'k. Zarubezhnaya filologiya, M., MGPU, 2012. S. 125–130.*

7. *Beloshapkova T.V. Kognitivno-diskursivnoe opisaniye kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom yazy'ke. M.: KomKniga, 2007. S. 336.*

8. *Beloshapkova T.V. Koncept STEPEN' PROYAVLENIYA v sovremennom diskurse i diskurse predpushkinskoj pory' // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. Vy'p. XXI: Problemy' sovremennoj lingvistiki: na sty'ke kognicii i kommunikacii: materialy' Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodny'm uchastiem (g. Tambov, 25–26 iyunya 2016 g.). M.: In-t yazy'koznaniya RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 2015. S. 301–305.*

9. *Beloshapkova T.V. E'volyuciya koncepta-primitiva 'stepen' proyavleniya' v period s konca XVIII veka po nachalo XXI veka // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. Vy'p. XXII: yazy'k i soznanie v mezhdisciplinarnoj paradigme issledovanij: materialy' Mezhdunar. kongressa po kognitivnoj lingvistike (g. Tambov, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2015 g.). M.: In-t yazy'koznaniya RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 2015. S. 196–198.*

10. *Boldy'rev N.N. Interpretiruyushhaya funkciya yazy'ka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 33 (248). Vy'p. 60. S. 11–16.*

11. *Dem'yankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushhego podxoda // Voprosy' yazy'koznaniya. 1994. № 4. S. 17–33.*

12. *Dronova L.P. Koncept kak diaxronicheskij fenomen // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. Vy'p. XXII: Yazy'k i soznanie v mezhdisciplinarnoj paradigme issledovanij: materialy' Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike (g. Tambov, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2015 g.). M.: In-t yazy'koznaniya RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina; SPb.: Knizhny'j Dom, 2015. S. 209–211.*

13. *Dubrovskaya O.G.* Sociokul'turnaya specifika diskursa: sub'ektnyj princip formirovaniya: monografiya. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 2014. 266 s.

14. *Zabotkina V.I.* K voprosu o dinamicheskoj modeli porozhdeniya i transfera znaniy posredstvom diskursa // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. Vy'p. XXIII: Lingvisticheskie tehnologii v gumanitarny'x issledovaniyax: sb. nauch. tr. M.: In-t yazy'koznaniya RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. 768 s.

15. *Kibrik A.A.* Modus, zhanr i drugie paramtry' klassifikacii diskursov // Voprosy' yazy'koznaniya. 2009. № 2. S. 3–21.

16. *Kubryakova E.S.* O ponyatiyax diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funkcional'ny'e i strukturny'e aspekty': sb. obzorov. M.: INION RAN, 2000. S. 7–25.

17. *Kubryakova E.S.* Ob ustanovkax kognitivnoj nauki i aktual'ny'x problemax kognitivnoj lingvistiki // V poiskax sushhnosti yazy'ka: Kognitivny'e issledovaniya. M.: Znak, 2012. S. 13–35.

18. *Kubryakova E.S.* Yazy'k i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazy'ke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazy'ka v poznanii mira. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 560 s.

19. *Makarov L.M.* Osnovy' teorii diskursa. M.: Gnozis, 2003. 280 s.

20. *Raxilina E.V.* Kognitivny'j analiz predmetny'x imen: semantika i sochetaemost'. M.: Azbukovnik, 2010. 446 s.

21. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'ny'e napravleniya.* M.: Librokom, 2010. 480 s.

22. *Formanovskaya N.I.* Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika. M.: Ikar, 2007. 480 s.

23. *Chernyavskaya V.E.* Fantomy' i sindromy' diskursivnoj paradigmy' // Voprosy' kognitivnoj lingvistiki. 2014. № 1. S. 54–62.

Н.М. Девятова,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: deviatovan@mail.ru

Наречия с приставкой *по-*: об особенностях сравнительной семантики одной словообразовательной модели

В статье рассматриваются специфика сравнительного значения наречий с приставкой *по-*, соотносимых с прилагательными, образованными от существительных-зоонимов: *по-медвежьи*, *по-бычьи*, *по-лебединому* и др., выявляются особенности стоящих за ними эталонов сравнения, их отношение к синонимичным конструкциям — предложениям со сравнительными оборотами, место их в системе сравнения.

Бытие одних наречий и отсутствие других имеет объяснение в языковой культуре, отражающей опыт человеческого поведения в контактах с миром животных. В этом причина как неравномерной представленности разных наречий, так и отношения в паре «наречие — сравнительный оборот». Отношения в большинстве соотносимых пар нетривиальные.

Специфику многих наречий мы видим в их способности к изобразительной текстовой реализации. Представляя периферийную модель сравнения, наречия с приставкой *по-* отчасти восполняют потребность в изобразительных текстовых реализациях, редко выражаемых другими сравнительными единицами. Текстовая специфика наречий с приставкой *по-* сближает их с другой сравнительной моделью — творительным сравнительным: *по-лебединому* — (*плыть*) *лебедью*.

В работе уделяется внимание и проблеме соотношения наречий и производящих притяжательных прилагательных. Общность их значения отражается в одинаковых контекстах и одинаковой сочетаемости.

Ключевые слова: образное сравнение; эталон сравнения; синтаксическая синонимия; специфика сравнительного значения.

Adverbs with the Prefix *po-*: about the Comparative Semantics of One Word-Formative Model

The article considers the specificity of the comparative values of adverbs with the prefix *no-*, which is correlated with the adjectives formed from nouns-zoonyms: *no-медвежьи*, *no-бычьи*, *no-лебединому*, etc., identifies the features of the comparison models standing behind them and their relation to synonymous constructions — sentences with comparative constructions, their place in the system comparison.

The existence of some dialects and the other has no explanation in the linguistic culture that reflects the experience of human conduct in contacts with the animal world. This is the reason as uneven representation of different dialects, and relationships in the pair «adverb – comparative turnover». Relationship in most correlated pairs — the relationship is non-trivial.

The specifics of many of the adverbs we see in their ability to fine textual realization. Presenting a peripheral model of comparison, adverbs with the prefix *no-* partly fill the need for fine text implementations, seldom expressed in other comparative units. Text specifics of adverbs with the prefix *no-* is reminiscent of other comparative model — creative comparative: *no-лебединому* — (*float*) *Swan*.

The work pays attention to the problem of the relation between adverbs and producing possessive adjectives. The commonality of their values is reflected in the same contexts and the same compatibility.

Keywords: the image comparison; the comparison model; the syntax synonymy; the specificity of the comparative values.

Для выражения сравнения в русском языке существует богатый арсенал средств — синтаксических, лексических, словообразовательных. Среди последних назовем наречия с приставкой *no-*, образованные приставочно-суффиксальным способом от прилагательных. Семантически такие единицы соотносятся с существительными, точнее, с соответствующими субстантивными сравнительными оборотами: *no-медвежьи* — как *медведь*, *no-бычьи* — как *бык* и др. Однако говорить о полной семантической соотносительности таких единиц не приходится. И наречие, и сравнительный оборот

имеют свое особое значение, и отношения в каждой из пар не всегда повторяют отношения в других парах.

Выявить сравнительное значение наречия — значит определить специфику его словообразовательного значения, определить место в системе сравнения, отличие от близких по значению сравнительных оборотов.

При неиссякающем интересе к сравнению и значительном количестве работ, посвященных разным проблемам сравнения, наречия с приставкой *по-* упоминаются в работах лишь эпизодически и называются в числе синонимических средств выражения сравнения: например: *как заяц, (скакать) зайцем, по-заячьи* [2]. Такая ситуация вполне объяснима: эти наречия не составляют однородной группы, и проблема специфики их сравнительной семантики и места в системе сравнения требует широкого подхода.

В настоящей статье речь пойдет о наречиях, соотносящихся с существительными-зоонимами. Основу анализа таких единиц составит методика, предложенная в наших работах [1]: выявление модусной специфики конструкции, характера парадигмы сравнительной модели.

Наречий, соотносимых с существительными-зоонимами, немного. Орфографический словарь [4] дает 15 примеров наречий¹: *по-бычьи, по-волчьи, по-жабьи, по-звериному, по-змеиному, по-козьи, по-лебединому, по-медвежьи, по-обезьяньи, по-птичьи, по-рыбьи, по-скотски, по-телячьи, по-утиному, по-шакальи*. В текстах эпизодически встречаются и другие наречия, например: *по-рысьи*.

Наречия выделенной словообразовательной модели соотносятся с притяжательными и относительными прилагательными. Существительные, входящие в основу таких единиц, называют как отдельных особей животного или птичьего мира, так и являются

¹ Обращение к орфографическому словарю и составление списка на его основе объясняется тем, что в таком словаре соответствующие наречия представлены в достаточно полном объеме, тогда как большинство толковых словарей не содержит соответствующих словарных статей. По умолчанию считается, что значение такой модели стандартно толкуется через обращение к производящему прилагательному.

родовыми обозначениями: *по-птичьи*, *по-скотски*, *по-звериному*. Прилагательных же, которые могли бы служить производящей базой наречия, значительно больше. Например, отсутствуют наречия **по-лисы*, **по-вороны*, **по-галочки* и др., хотя, казалось бы, внешних запретов на образование наречий нет. Соответствующие существительные активно встречаются в составе сравнительных оборотов и придаточных: *как ворона*, *как сорока*, *как лиса* и др. Ограниченные возможности словообразовательной модели объясняются не столько языковыми причинами, сколько особенностями русской языковой культуры. Реальное бытие одних наречий и отсутствие других говорит о том, что в русской языковой культуре в одних случаях сложилось представление об эталоне поведения, закрепленном за производящим зоонимом, в других случаях такого эталона не сложилось.

Анализ синонимичных конструкций позволит говорить об их сходстве и различиях, а выявленная сравнительная семантика наречий может составить основу их лексикографического описания.

Сходство и различия соотносимых единиц проявляются в их сочетаемости. Как показывают уже самые поверхностные наблюдения, наречия и сравнительные обороты имеют разную сочетаемость.

В отличие от соотносимых сравнительных оборотов наречия обладают более узкой сочетаемостью. Их сравнительное значение формируется в соединении с ограниченным количеством глаголов.

Так, наречие *по-медвежьи* отражает наблюдаемый признак и вступает в связь с глаголами, отражающими особенности походки (*ходить*², *ступать*, *подворачивать ноги*, *переваливаться*, *красться*, *подкрадываться* и др. *по-медвежьи*), определенный тип физического контакта (*обнять*, *облапить*, *подминать под себя по-медвежьи*), речевое действие (*зарявкать по-медвежьи*). Это, по-видимому, связано с особенностями «человеческого» взгляда на медведя. Человек в медведе отличает внешний облик — силу, размер, объем, способ передвижения — походку, особенности голоса. Медведь всегда представлял опасность для охотника, поэтому именно эти качества

² Основным материалом при работе над статьей был материал Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.02.2016).

медведя фиксирует человеческий глаз. Эти важные наблюдаемые признаки «обрабатывает» и словообразовательная модель.

Характер поведения, отражающийся в признаках наблюдаемых, объясняет регистровые особенности наречия. Типичный контекст употребления наречия — контекст изобразительного регистра, т. е. такого минимального текста, который отражает связь с фигурой наблюдателя и отражает ситуацию «здесь и сейчас». О коммуникативном регистре как минимальной текстовой единице и типологии коммуникативных регистров см.: [4: с. 30–33]. Например: *Подопригора вынул платок, обтирая лицо. С табуреток по-медвежьи сбрякивались слушатели. Грбовицкич вздохнул со всхлипом, по-ребячьи* (А.Г. Малышкин) (НКРЯ) — тяжело, неуклюже.

По-медвежьи расставив руки, он прыгал у костра, тряс жидким клоком на подбородке и кричал (А. Григоренко); *Он бешено каркал, выл и ревел по-медвежьи* (С. Довлатов) (НКРЯ) — громко, сильно, зловеще, вызывая страх у слушающих.

Реже наречие встречается в контексте других глаголов, например, при выражении межсубъектных отношений, например:

— *Дурак, человеком будет твой Петька, — коротко объяснил Палач, по-медвежьи покровительствовавший Еленке* (Д.Н. Мамин-Сибиряк) (НКРЯ), — т. е. не очень умело, неуклюже проявляя заботу. Здесь смысл «неуклюже» выражается метафорически.

В следующем примере М. Цветаевой *по-медвежьи* не имеет «типичного» значения. Контекст не проявляет заложенного в наречии значения, поэтому неясным оказывается и образ, стоящий за сравнением:

*Дом, что к городу — задом
Встал, а передом — к лесу.
По-медвежьи радушен,
По-оленьи рогат,
Из которого души
Во все очи глядят* (М.И. Цветаева) (НКРЯ).

Радушие составляет ментальный признак, и этот признак не составляет основу сравнительного образа. В подобных контекстах было бы уместнее, как представляется, употребление сравнительных оборотов *как медведь, как олень*.

Сравнение *как медведь* отражает разные признаки, как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые. Среди признаков наблюдаемых отметим: физическую силу (*крепкий, как медведь; ломал врага, как медведь; в плечах, как медведь; кряжистый, как медведь; здоров, как медведь; большой и сильный, как медведь*), особенности внешнего поведения, в том числе походки (*неуклюжий, как медведь; ходит, как медведь; ворочается, как медведь в берлоге; заваливаться, как медведь в берлогу; навалился всей тушей, как медведь; переваливаясь с ноги на ногу, как медведь; встал разлаписто, как медведь; вразвалочку, как медведь*), речевого поведения (*ревет, как медведь*); внешности (*всклоченный, как медведь на велосипеде; волосатый, как медведь; обросший бородой, как медведь шерстью; лохматый, как медведь*).

Сравнение *как медведь* может выражать и ненаблюдаемые признаки: эмоциональные (*раздосадованный, как медведь, обманувшийся в добыче; приходил мрачный, вонючий и злой, как медведь*); ментальные (*соображаю мало, как медведь после спячки; жаден до жизни, как медведь до меда*), привычки и состояния (*погружается в зимнюю спячку, как медведь; умирает один, как медведь в своей берлоге; зимой спит, как медведь*). Сравнительный оборот, нераспространенный и распространенный, позволяет представлять разные эталоны сравнения.

У наречия и сравнительного оборота есть и общая сочетаемость, отражающая особенности походки, физического контакта и речи. При отражении признака неуклюжести *по-медвежьи* и *как медведь* различаются степенью конкретности представления признака. Ср.: *ходит, как медведь; неуклюжий, как медведь; косолапать по-медвежьи; поводить плечами по-медвежьи*.

Наречие *по-медвежьи* закрепляет в своем значении признаки, проявляющиеся в его сочетаемости. Это смыслы, реализующиеся в трех типах контекстов, создающие «образ сравнения» и определяющие лексическую специфику наречия.

Близость наречия и сравнительного оборота мы связываем со спецификой их сравнительной парадигмы. Сравнительная парадигма модели — это ее способность отражать разные типы сравнения: образное, логическое, модальное [1: с. 110–120]. Так, самой богатой парадигмой характеризуются сравнительные придаточные и обороты с союзом *как*. Они могут передавать все типы сравнения:

образное, логическое, модальное сравнение. Названные типы сравнения различаются характером соотносимых в сравнении объектов, типом референции (и соответственно, характером выражаемого в сравнительной конструкции видо-временного значения). В образном сравнении чаще сравниваются объекты разных онтологических классов. Эталон сравнения характеризуется обобщенной референцией. Например: *Зима навалилась, как медведь, помяла Чердынь, треща костями, и уползла прочь, в ледяные пещеры на самоедских островах* (А. Иванов) (НКРЯ) — Ср.: как наваливается медведь.

В логическом сравнении сопоставляются объекты одного класса, характеризующиеся одинаковой референцией. Например: *Этой же весной Левитан написал «Осенний день в Сокольниках». Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце* (К. Паустовский).

В модальном сравнении объект класса сравнивается с классом. Например: *Разве, милая, тебя люблю я как человек человека? Я людей любить, страдая и ревнуя, не умею, не умею* (З. Гиппиус).

И наречие, и сравнительный оборот, соотносимые с существительными-зоонимами, выражают только образное сравнение — сравнение, в котором объекту сравнения приписывается не свой признак. В таком сравнении соединяются объекты разных онтологических классов. Например: *По-медвежьи расставив руки, он прыгал у костра, тряс жидким клоком на подбородке и кричал: «Ну!»* (А. Григоренко) (НКРЯ). Ср.: *Он поехал, сутулый и какой-то дикий, всклокоченный, как медведь на велосипеде* (В. Аксенов)³.

³ Среди других наречий с приставкой *по-* встречаются единицы с другой парадигмой. Так, сравнения *как брат* и *сестра* (изучаемые в соотношении с наречиями *по-братски* и *по-сестрински*) могут выражать не только сравнение образное, но также логическое и модальное. Логическое сравнение: *После смерти поэта Людмила Владимировна пришла на Гендриков и заявила, что хочет заниматься литературными делами брата, как сестра Чехова занимается Чеховым* (В. Катанян). Модальное сравнение: *С Никитой ты сама по себе, а Саша разговаривает как старший, как брат* (Ольга Новикова) — как разговаривает старший брат. Чтобы сравнение трактовалось как модальное, Саша действительно должен быть старшим братом.

Объектом сравнения (то, что сравнивают) в соотносимых конструкциях обычно выступает человек, и именно его действия, его поведение и высвечиваются в сравнении. Однако, отражая общий объект сравнения — человека, разные модели сравнения отражают его поведение по-разному. Если сравнительный оборот и придаточное вводят всю ситуацию сравнения (*как едет медведь на велосипеде*), то наречие закрепляет за собой только признак сравнения (как?): *по-медвежьи* — неуклюже и т. п. Если сравнительный оборот представляет обобщающую разновидность информативного регистра, то наречие (и это его основная функция) может включаться в текст изобразительного регистра. Например: *Смотрите, никогда в жизни так я не работал, как сейчас, — я работаю по способности! В лес, как медведь, не гляжу. Экономлю время не для чего-нибудь, а для работы!* (В. Дудинцев) (НКРЯ). — Ср.: как глядит медведь; *Вскинул Марей ружье и по-медвежьи, тяжело-легко ступая на пятки, медленно поплелся домой* (Е.И. Замятин) (НКРЯ).

С наречием *по-медвежьи* соотносится прилагательное *медвежий*, употребленное в качественном значении. Различия их определяются морфологическими особенностями. Прилагательное вступает в связь с существительными и передает те же смыслы, что и наречие: *медвежий натиск, медвежий шаг, медвежий голос, вид, медвежий обхват*. Особая сочетаемость во фразеологизмах *медвежий угол, медвежий край*.

Полной соотносительности значений нет и между наречием *по-бычьему* и сравнительным оборотом *как бык*. При сравнении этих пар выявляются их уникальные отношения.

По-бычьему, как и *по-медвежьи*, вводит в предложение не всю ситуацию эталона сравнения, а только наблюдаемый признак. И признак этот проявляется в особой, не очень богатой сочетаемости. Национальный корпус русского языка дает только два примера: *нагнуть голову по-бычьему, по-бычьему вздулись вены*. В быке выделенными признаками оказывается толстая, сильная шея — признак силы быка. Оба примера представляют употребление наречия в изобразительном регистре. Например: *Пантелей Прокофьевич разгладил на прилавке развернутую штучку материи и, круто повернувшись,*

захромал к выходу. Он направился прямо домой. Шел, по-бычьему угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев в кулак; заметней припадал на хроющую ногу (М. Шолохов); — Что делают дети, Кошачий Зуб? — спросил капитан, по-бычьему наклоняя голову, так что глаз его совсем не было видно за мохнатыми рыжими бровями (В. Губарев) (НКРЯ).

Сравнительный оборот и наречие обнаруживают как схожую сочетаемость (*наклонил голову, как бык*), так и различную. Сравнительный оборот *как бык* отражает разные признаки — внешние: *поглядывал кругом, как бык; отдуваясь, как бык; упирался, как бык; здоровый, как бык; застыл, как бык; упрется, как бык; бросился вперед, как бык; шел, как бык на привязи; уставился, как бык; паху, как бык; сильный, как бык; глаза вылупил, как бык*; отражающие качества, проявляющиеся как особенности поведения (*упрямый, как бык*).

Стандартным оказывается и отношение наречия и прилагательного. Прилагательное в качественном значении употребляется в сочетаниях *бычий загрювок, бычий затылок, бычий наклон*. Например: *А сейчас, говорят, суматоха началась, беляки бегут, в городе убийства, грабежи. — Широкий бычий затылок попалобагровел. — Дети* (К.С. Быдигин) (НКРЯ).

Отмечая особенность сравнительной семантики наречий с приставкой *по-*, соотносимых с существительными-зоонимами, и определяя их место в системе сравнения, обратим внимание на близость их к другим сравнительным конструкциям — творительному сравнительному (ТС). Образ, выражаемый ТС, — это тоже зрительный образ. Об особенностях ТС писала, в частности, Е.В. Рахилина [5]. Особенность ТС автор связывает с представлением особой выделенной формы: *падать птицей, ласточкой*.

Что касается наречия *по-птичьему*, оно не сформировало отчетливого образа сравнения. НКРЯ дает два примера: *Застучали по маленькой, точно оперной площади, над которой качался от влажного ветра электрический шар, их деревянные ножные скамеечки, по-птичьему засвистала и закувыркалась через голову орава мальчишек — и как по сцене пошел среди них господин из Сан-Франциско к какой-то средневековой арке* (И.А. Бунин) (НКРЯ).

Наречие подчеркивает наблюдаемый признак: стая птиц движется кучно и шумно. В другом примере *по-птичьему* не выражает сравнительного значения: *Так дня три это у них было. Все, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом вижу, мой приемщик затосковал.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк) (НКРЯ).

Немногие существительные-зоонимы формируют образ творительного сравнительного: *падать птицей, скакать козлом, вить волком, реветь белугой* и некоторые другие. Специфика сравнения связана с передачей особой формы движения или характера голоса.

Наречия *по-птичьему, по-козлиному* оказываются синтаксически неактивными. НКРЯ практически не дает примеров. Можно предположить, что образ сравнения, связанный с данными наречиями, не сложился в русской языковой культуре. Общее в ТС и наречии с *по-* — изобразительная текстовая реализация. Кроме того, обе модели вводят в сравнение не целую, стоящую за сравнением (эталонем сравнения) ситуацию, а отдельный признак сравнения. Когнитивная сущность этих моделей состоит в особом соединении двух ситуаций. Результатом такого соединения является замещение фрагмента сравниваемой ситуации (1) фрагментом ситуации (2), — с чем сравнивают — и это создает особый эффект «образа сравнения»: *лететь стрелой, виться лентой, двигаться по-медвежьи* и др. Фрагмент реальной ситуации замещается ее образным представлением.

Соотносимые единицы в паре *по-лебединому (плыть, ступать), лебедью* также выделяют в сравнении наблюдаемый признак — признак формы. Например: *Лошади шли дружно. Жеребец просил поводья, по-лебединому изгибая короткую шею, косил выпуклым глазом на седока, норовил укусить за колено* (М. Шолохов).

Поскольку текстовых примеров употребления наречия немного, о различиях в значении наречия и ТС говорить трудно.

Достаточное количество текстовых употреблений дает наречие *по-заячьи*. Оно входит и в самый богатый синонимический ряд: *по-заячьи – как заяц – зайцем – заячий*. Своеобразие наречия *по-заячьи* в том, что оно обозначает как признаки наблюдаемые (*скакать по-заячьи, петлять по-заячьи, встать на задние лапы по-заячьи; пожевать губами по-заячьи, сложить губы по-заячьи в улыбку, кричать по-заячьи*), так и ненаблюдаемые (*сердце билось по-заячьи*,

трусит по-заячьи, живет по-заячьи). Как эталон сравнения зооним *заяц* отражает разные признаки. Эти же признаки выражаются в сочетании с прилагательным: *заячий крик, прикус, испуг, страх*. Примеров употребления ТС немного: *скакать зайцем*, однако и они не обеспечены значительным текстовым материалом.

Те же признаки выражает и сравнительный оборот *как заяц*. Сравнение *как заяц* передает разные формы движения: *прижимается, прыгает, поднялся на задние лапы, понесся, припадает к земле, бросился в кусты, вильнул, бегать по кустам, полетел, закувыркался, как заяц с горы*), и здесь перечень глаголов достаточно разнообразный. Обе модели выражают также и признак голоса: *визжал, как заяц; взорвался криком, как заяц; вскрикнул, как заяц*). Различие моделей связано с разным модусом. Большая близость моделей наблюдается при выражении ментального признака: *трусить, как заяц (по-заячьи); жить, как заяц (по-заячьи)* и т. п. Такие модели выражают ментальный модус. Общность значения и модуса позволяет считать их синонимичными конструкциями.

Что касается последней пары, здесь нет распределения значений между сравнительными моделями, поэтому мы не будем говорить об уникальности значения наречия: в большинстве случаев отношение в паре наречие — сравнительный оборот здесь тривиально, наречие не выражает какого-либо значения, отличающего его от сравнительного оборота.

Говоря о специфике словообразовательной модели, организованной существительными-зоонимами, можно отметить разную ее активность. Там, где активность употребления наречия высока, можно говорить о сформированном в русской языковой культуре эталоне поведения, стоящем за определенным образом-зоонимом. Однако не каждое существительное дает такой образ, и это связано с культурой народа, обычаями и привычками человека.

Литература

1. *Девятова Н.М.* Сравнение в динамической системе языка. М.: URSS, 2010. 320 с.
2. *Еримбетова А.М.* Конструкции уподобления: антропоцентрический аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность:

материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Макс Пресс, 2007. С. 243–244.

3. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.

4. Орфографический словарь русского языка: около 100 000 слов / АН СССР. Ин-т русского яз.; редкол.: В.В. Лопатин (отв. ред.), Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая и др. 29-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 416 с.

5. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000. 416 с.

References

1. *Devyatova N.M.* Sravnenie v dinamicheskoj sisteme yazy'ka. М.: URSS, 2010. 320 s.

2. *Erimbetova A.M.* Konstrukcii upodobleniya: antropocentricheskij aspekt // Russkij yazy'k: istoricheskie sud'by' i sovremennost': materialy' III Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo yazy'ka. М.: Maks Press, 2007. S. 243–244.

3. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.* Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka. М.: Izd-vo MGU, 1998. 528 s.

4. Орфографический словарь русского языка: около 100 000 слов / АН СССР. Ин-т русского яз.; редкол.: В.В. Лопатин (отв. ред.), Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая и др. 29-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 416 с.

5. *Raxilina E.V.* Kognitivny'j analiz predmetny'x imen: semantika i sochetaemost'. М.: Rus. slovarei, 2000. 416 s.

М.В. Захарова,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: mary-zaharova@yandex.ru

Интенсивность языковой игры как показатель состояния русского литературного языка

В статье рассматривается явление языковой игры в историческом, психолингвистическом и диахронном аспектах. Дается общий обзор состояния вопроса. Языковая игра определяется как преднамеренное целевое нарушение языковых, речевых, коммуникативных и лингвокультурных норм, необязательно имеющее смеховую интенцию. Кроме того, отмечается, что в зону языковой игры, в понимании автора, попадают средства художественной выразительности, интертекстуальные связи и иные средства и приемы разрушения стандартности и нормативности высказывания.

Ставится вопрос о статусе языковой игры и носителей языка, использующих языковую игру, в разные исторические периоды. Делаются выводы о связи языковой игры как явления с состоянием русского литературного языка. Интенсивность языковой игры, как показано в работе, увеличивается с ростом нестабильности литературного языка. Это связано с тем, что при стабильном состоянии литературного языка языковая игра есть явление элитарное, тогда как дестабилизация нормы провоцирует реализацию экспериментальной составляющей и вовлечение в процесс создания и использования языковой игры большего количества носителей языка. Представленные выводы иллюстрируются материалами из разных периодов существования русского литературного языка.

Ключевые слова: языковая игра; история русского языка; русский литературный язык.

M. Zaharova

Intensity of Language Game (Speech Play) as Indicator of a Condition of the Russian Literary Language

In article is considered the phenomena of language game in historical, psycholinguistic and diachronic aspect. The general review of a condition

of a question is given. Language game is defined as the deliberate target violation of language, speech, communicative and linguocultural norms which optional have humorous intension. Besides it is noted that, in understanding of the author, means of art expressiveness, intertextual communications and other means and methods of destruction of commonality and normativity statements get to a zone of language game.

The question of the status of language game and the native speakers using language game during the different historical periods is raised. Conclusions about communication of language game as the phenomena with a condition of the Russian literary language are drawn. Intensity of language game, as shown in work, increases with growth of instability of the literary language. It is connected with the fact that at a stable condition of the literary language speech play is the phenomenon elite whereas destabilization of norm provokes realization of an experimental component and involvement in process of creation and use of language game of bigger number of native speakers. The presented conclusions are illustrated by materials from the different periods of existence of the Russian literary language.

Keywords: language game (speech play); history of the Russian language; Russian literary language.

Термин «языковая игра» был введен Л. Витгенштейном в рамках исследований в области философии языка и первоначально колебался (даже в работах самого Л. Витгенштейна) от описания всего процесса коммуникации как условной договорной деятельности человека (первоначальное и самое широкое понимание) до наименования лингвокреативной деятельности (более узкое понимание, появившееся в поздних работах Л. Витгенштейна). Современные представления о языковой игре также чрезвычайно разнятся в зависимости от точки зрения исследователя и направления исследований. В европейском языкознании в настоящее время область явлений, получившая в работах Л. Витгенштейна наименование *language game*, представлена несколькими различными терминами: *language game* (термин философии языка, язык как игра, игра с языком как системой), *language performance* (договорная деятельность в сфере языка, искусственные языки), *language play* (игровая деятельность в сфере языка, языковые игры, игры с использованием языкового материала), *speech play* (языковая игра как явление, словесные игры,

развлекательные и познавательные игры с использованием языкового материала), *speech performance* (лингвокреативная деятельность, языковая игра как акт коммуникации, языковая игра как действие). Очевидно смещение терминологического ряда от статичного термина *game* в сторону деятельностного подхода: *play, performance*. Связано это прежде всего со смещением направления изучения языковой игры в европейском языкознании с исследования результата лингвокреативной деятельности носителя языка к описанию процесса такой деятельности и форм, которые принимает креативная коммуникация в современной исследователям языковой ситуации.

В русском языкознании термин «языковая игра», введенный Е.А. Земской при исследовании русской разговорной речи, изначально был применен для описания результатов лингвокреативной деятельности языковой личности в условиях устного бытового общения: языковая игра объединяет все «*явления* (курсив наш. — М. З.), когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание» [7: с. 172].

В отличие от западной традиции русская лингвистика полностью приняла исходный термин — «языковая игра» — и практически не пыталась найти иных наименований для всего спектра языковых явлений данной области. Более того, существовавшие ранее термины «каламбур», «языковая шутка», «игра слов», разграничение которых до сих пор нередко вызывает у исследователей затруднения, постепенно были либо вытеснены за пределы лингвистических исследований, либо стали восприниматься большинством как частные случаи языковой игры, ее подвиды или варианты. Все это привело к возникновению множества различных определений термина и использованию его для описания различных языковых явлений в зависимости от области интересов исследователя и направления его научного поиска.

Т.А. Гридина указывает: «...мы имеем дело с ЯИ как особой *формой лингвокреативной деятельности* (курсив наш. — М. З.), отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей — при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же

время рассчитанных на “опознание” реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения» [1: с. 26].

Н.В. Данилевская, давая словарное определение термина, пишет: «Языковая игра — определенный *тип речевого поведения* (курсив наш. — М. З.) говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект <...>

Термином “языковая игра”, введенным в лингвистику Л. Витгенштейном, обозначается специфическое *употребление языковых единиц* (курсив наш. — М. З.), осознанное говорящим в функциональном отношении, т. е. соотнесенное со сферой общения» [2: с. 657].

Таким образом, при анализе всего лишь трех более чем канонических определений мы видим употребление термина «языковая игра» для обозначения самого явления «играния» (Е.А. Земская), типа *речевой деятельности* (Т.А. Гридина), типа *речевого поведения* (Н.В. Данилевская) и конкретного *употребления языковых единиц* (Н.В. Данилевская). Все это вынуждает нас говорить о существующей в современной русистике многозначности данного термина и делает чрезвычайно актуальным четкое обозначение в каждой конкретной работе, посвященной данной теме, избранной автором интерпретации термина.

Мы определяем языковую игру как любое целевое преднамеренное нарушение языковой, речевой, коммуникативной или лингвокультурной нормы. Таким образом, для нас не является обязательной ни комическая, ни лудическая, ни креативная интенция говорящего (пишущего). Например, ситуация: *девушка неуверенно и небезопасно заезжает на стоянку. Мужчина наклоняется к приоткрытому окну водительской двери (иронично и сочувственно): «Мадам паркуется по слуху?»*. Фраза, произнесенная мужчиной, — это фрагмент популярного (а значит, вероятно, известного девушке) анекдота: *Женищина пытается поставить машину. Бум! — удар*

о заднюю машину. Бум! — удар о переднюю. Подходит полицейский: «Мадам паркуется по слуху?». Интертекстуальная языковая игра используется в данном контексте не для создания комического или игрового эффекта, а, напротив, для решения серьезной коммуникативной задачи: вежливо и ненавязчиво предложить помощь, как для того, чтобы помочь начинающему водителю, так и для того, чтобы предотвратить неизбежные негативные последствия неправильных и неуверенных действий. В данном случае основной интенцией говорящего будет сглаживание, смягчение возможной конфликтной ситуации (если девушка оскорбится предложением помощи, не примет ее и т. д.), т. е. эвфемизация неудобного содержания, сокрытие его за языковой игрой. Этот тип интенции в современном бытовом общении чрезвычайно частотен, а изучение фольклорных и диалектных источников позволяет утверждать, что он активно реализовался и в более ранние периоды в традиционном острословье: в сказках, прибаутках, балагурстве и пр. В то же время, безусловно, нельзя отрицать, что чаще всего в той или иной мере, вместе или порознь, порождают языковую игру именно комическая, лудическая и креативная интенции, однако важно видеть, что и вне этих установок возможно осознанное нарушение нормы для решения эстетических или прагматических коммуникативных задач.

Кроме того, в зону языковой игры, в нашем понимании, попадают средства художественной выразительности, интертекстуальные связи и иные средства и приемы разрушения стандартности и нормативности высказывания.

В то же время представляется вполне очевидным, что основные причины, стимулирующие носителей языка к порождению языковой игры, — это стремление к оригинальности, неординарности, точности речи (эстетико-креативная составляющая) и поиск новых языковых форм, проверка нереализованных валентностей и возможностей (экспериментально-креативная составляющая).

Эстетико-креативная составляющая языковой игры, направленная на реализацию гедонистической и эстетической функций языка, присутствует в языке, очевидно, в каждый момент его существования в рамках тех языковых форм, которые и призваны

реализовывать соответствующие потребности носителей языка, — в фольклоре и художественной литературе. Сюда могут быть включены как специфические игровые тексты (подробнее об этом см.: [8]) — потешки, небылицы, докучные сказки, частушки, анекдоты и подобные им в устном народном творчестве (*Шел дождь и два студента. Один в пальто, другой — в кино. Спрашивается, сколько стоит килограмм жареных гвоздей, если я некурящий?*); пародии, эпиграммы, каламбуры и т. д. в художественной литературе (*Я умираю, но об этом позже (В. Вишневский)*), — так и те средства художественной выразительности, которые реализуются путем нарушения устоявшихся норм, правил и традиций (метафора, метонимия, разные типы повторов и т. д.) в рамках вполне серьезных, неигровых, текстов: *Анна Михайловна уж обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали они о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что они, подруги молодости, заняты таким низким предметом — деньгами; и о том, что молодость их прошла... Но слезы обеих были приятны* [9: с. 224].

Здесь Л.Н. Толстым использован стандартный для языковой игры прием обмана ожиданий реципиента (построение речевого воздействия таким образом, чтобы сначала поощрить реципиента к уверенному прогнозированию завершения высказывания, а затем разрушить стереотипное ожидание неожиданным, нарушающим норму завершением): стандартное ожидание *плакать* → *от горя, обиды, печали* нарушается первыми двумя причинами: *они дружны, они добры*. На фоне этого последующие причины, третья (в принципе, уже могущая быть реальным основанием, но все еще весьма спорная) и четвертая (вполне обоснованная и, действительно, являющаяся основанием для печали), выплывают в контексте как маска, условность, игра, в которую с обоюдного согласия играют обе дамы, что и подчеркивается финальным *слезы обеих были приятны*. Финальная фраза — это уже второй обман ожиданий (только читатель увидел, как ему кажется, реальное основание для слез, оказывается, что *плакать* применительно к данной ситуации для дам значит *получать удовольствие*. Интересно также добавление конкретизатора *обеих*, разделяющего единые до этого момента в сознании

читателя *слезы* на слезы графини Ростовой и слезы княгини Друбецкой. Они *обе* наслаждаются ситуацией, но одна тем, как она благородна, как великодушна, как щедра, как помогает несчастной подруге, а другая — тем, как она несчастна, как благодарна, как скромна...

Причем Л.Н. Толстой не стремится здесь к созданию комического эффекта или вовлечения читателя в непосредственную игровую ситуацию. Это эвфемизация его истинного отношения к ситуации и к описываемым дамам, прямое высказывание которого неудобно и неуместно: тот, кто достаточно умен и внимателен, поймет и оценит; кто недостаточно глубок — не заметит.

Эстетико-креативная языковая игра присутствует в жизни носителей языка, видимо, постоянно, но требует реципиентов с высоким уровнем развития коммуникативной компетенции, чувствительных даже к незначительным и неявным нарушениям нормы и имеющим эстетическую потребность в сфере языка, т. е. способным к восприятию художественного текста и испытывающим необходимость в периодическом или постоянном обращении к тестам словесного искусства. Естественно, фольклорные тексты используют в целом более нарочитые и доступные для интерпретации приемы языковой игры, чем тексты художественной литературы, так как ориентированы в большей степени на более широкий круг носителей языка, обычно с менее высоким уровнем речевого развития.

Но не следует забывать, что адресация фольклора ко всем носителям языка создает потребность в нескольких уровнях сложности языковой игры (от нарочитой, более простой, легко опознаваемой и дифференцируемой реципиентом до очень тонкой, сложной, предназначенной для более искушенного и требовательного реципиента с большим опытом сложной коммуникации и высоким уровнем коммуникативного развития, в устном общении далеко не всегда зависящим от общего уровня образования и развития).

Однако интенсивность языковой игры резко возрастает и стремительно проникает практически во все сферы бытования языка в периоды общей дестабилизации нормы, которые мы считаем правильным называть кризисами литературного языка. Эти периоды необходимы литературному языку для того, чтобы обновлять свою

нормативную базу, подстраиваясь к современным запросам общества и живому разговорному языку. Но, несмотря на свою ординарность и необходимость, кризисы литературного языка чрезвычайно болезненны для его носителей (образованной части общества) и потому происходят лишь в случае общей дестабилизации ситуации в обществе в целом, когда мнение образованной его части перестает считаться значимым (например, в период революции, изменения государственного строя, крушения старой и зарождения новой государственной идеи).

Именно в эти периоды снижается статус литературного языка, а следовательно, и тех норм, которые им поддерживаются. Это и открывает дорогу языковым экспериментам носителей языка всех уровней развития, что приводит к интенсификации языковой игры всех типов, так как языковая игра предполагает опробование нереализованных в языке на данный момент возможностей и умышленное нарушение всех доступных для этого норм, в том числе и в целях проверки их прочности: нестабильная норма постепенно перестает обеспечивать комический эффект и (или) решать эстетические задачи, а ее нарушение начинает восприниматься как допустимый вариант новой нормы, а затем и как единственная возможная норма.

Диахронный анализ языковой игры в истории русского языка наглядно иллюстрирует описанные тенденции: чем стабильней языковая и общекультурная ситуация, тем меньше интенсивность и выше элитарность языковой игры.

В нашем представлении уровень элитарности языковой игры проявляется в том, получает ли автор языковой игры особый статус в коммуникации (краснобай, балагур, остролов и т. д.) или использование в речи элементов языковой игры воспринимается нейтрально, как особенность не языковой личности, а конкретной коммуникативной ситуации.

В стабильные языковые периоды (периоды преобладания эстетической креативности в языковой игре) уровень элитарности высок, т. е. создание языковой игры — удел одаренных в этой сфере людей, остальные либо только воспринимают, либо ретранслируют удачные образцы.

В период дестабилизации потребность в нарушении нормы, отступлении от образца возрастает, большинство носителей языка, компетентных в коммуникативной сфере, реализуют так или иначе эту потребность в личностной коммуникации. Соответственно, уровень элитарности языковой игры максимально снижается. Автор уже не получает никакого особого статуса. Факты языковой игры становятся общим достоянием.

Относительно стабильный древнерусский период демонстрирует практическое отсутствие языковой игры в письменной фиксации: обнаруживаются лишь единичные примеры в берестяных грамотах и традиционное библейское красноречие, которое преимущественно отражает не русскую, а греческую традицию. Эстетико-креативные потребности носителей языка в этот период удовлетворяет устная словесность: балагурство, сказовые традиции, скоморошество и пр. Языковая игра в этих сферах реализуется весьма разнообразно, от самых простых игровых формул: *...мед-пиво пил, по усам стекло, а в рот не попало* (вполне традиционный прием обмана ожиданий), — до сложной многослойной игры в скоморошестве, восходящей к языческой традиции перерывания реальности [4: с. 18–23].

Письменная фиксация национальной традиции языковой игры начинается, насколько можно судить по имеющимся источникам, с конца XV века, с текстов (фрагментов текстов), характеризующихся низким стилем, т. е. как раз близостью к устной норме. Яркие авторские приемы языковой игры находим в письмах Ивана Грозного, текстах протопопа Аввакума. А затем в литературе появляется огромное (относительно предшествующего периода) количество игровых и неигровых текстов, содержащих языковую игру в разных формах (в истории литературы принято называть это явление «сатирической литературой конца XVI–XVII вв.» или «демократической сатирой XVII века»).

Для нас важным представляется тот факт, что интенсификация письменной фиксации языковой игры совпадает с периодом общественной (польское влияние, книжная справа, церковный раскол), политической (Смутное время, начало периода европеизации)

и языковой (древнерусская традиция ослабевает, старые представления о литературном языке, языковой норме, коммуникативной культуре и т. д. разрушаются, идет поиск новых форм бытования литературного языка и формирование новых языковых, речевых, коммуникативных и даже в некоторых сферах лингвокультурных норм) дестабилизации.

Показательно, что интенсивность языковой игры в начале XVIII века начинает снижаться, и середина XVIII века уже характеризуется узкой элитарностью, малочисленностью примеров и замкнутостью языковой игры в литературном языке в пределах узко игровых литературных жанров.

Рубеж XVIII–XIX вв. ознаменовался наиболее ярким этапом полемики о судьбе и структуре литературного языка на фоне наибольшей за всю историю наблюдений нестабильности в сфере литературного языка: литературный язык существовал тогда сразу в нескольких чрезвычайно разных по всем показателям ипостасях: язык художественной литературы (литературный язык нового образца), народный литературный язык (устный древнерусский литературный), старообрядческий литературный язык (старый литературный язык), церковный литературный язык (церковнославянский), элитарный литературный язык (французский), государственный литературный язык (язык официально-деловой и научно-производственной сферы). Этот период вновь демонстрирует резкое увеличение языковой игры, игровых текстов, интереса к языковой игре, т. е. переход от элитарного периода к экспериментальному. Это происходит и в литературе (пьесы Фонвизина и Грибоедова, басни и комедии Крылова, языковые эксперименты Пушкина и т. д.), и культуре (сатирические журналы: «Всякая всячина», «Трутень», «Живописец» и др.), и в салонной культуре (эпиграммы, каламбуры, иные языковые игры).

Стабилизация языкового и общественного пространства после 1825 года сразу сказывается на языковой игре: возвращается элитарность и сглаженность использования языковой игры в текстах, игровые тексты практически не встречаются [6: с. 17–21].

Новый всплеск языковой игры совпадает с моментом «складывания революционной ситуации в России». Рубеж XIX–XX веков

демонстрирует колоссальный всплеск интереса к языковым экспериментам, языковой игре во всех ее формах и проявлениях; игровой текст, прежде всего пародийный, оказывается чрезвычайно востребован в культуре («Жалобная книга» А.П. Чехова, языковые эксперименты В.В. Маяковского, языкотворчество имажинистов, «Сатирикон», пародии «Парнас дыбом» и многое другое).

Процесс этот продолжается вплоть до середины 30-х годов прошлого века, когда наконец формируется новая, уже советская норма и стабилизируется литературный язык. В этот период вновь повышается статус нормы, нормативного правильного языка, носителей высокого литературного языка. Языковой эксперимент перестает поощряться и обществом, и государством. Элитарность языковой игры резко повышается: она практически не встречается в бытовом общении и серьезной литературе. Интенсивность языковой игры падает даже в сатирических журналах. В художественных текстах подчеркивается статус героя-балагура как носителя элитарного типа речевой культуры («специалиста» в языковой игре), например, образ Василия Теркина [5: с. 35–37].

Новый всплеск интереса к языковой игре вновь совпадает с периодом дестабилизации общественно-политической ситуации, который, в свою очередь, приводит к дестабилизации языковой нормы и литературного языка, статус которого (как и его носителей, как уже было сказано) в такие периоды снижается, что делает нарушение нормы, экспериментирование с возможностями языка, разрушение и осмеяние стереотипов, традиций, правил и т. д. притягательным даже для рядового носителя языка. Конец XX века вновь демонстрирует всплеск интереса к возможностям языка, к нарушению и обыгрыванию существующих норм, к разрушению традиционных форм коммуникации и коммуникативного поведения [3: с. 71–75].

Таким образом, мы видим, что интенсивность и характер языковой игры, а также степень вовлеченности носителей языка в лингвокреативную деятельность напрямую зависят от общей стабильности общественного сознания и связанной с ним стабильности литературного языка. Стабилизация литературного

языка приводит к повышению статуса нормы и, следовательно, снижению интенсивности языковой игры. Дестабилизация — к обратному процессу. А значит, интенсивность языковой игры в определенный момент времени является одним из маркеров состояния в этот момент национального литературного языка.

Литература

1. *Гридина Т.А.* Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. С. 22–26.

2. *Данилевская Н.В.* Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 657–658.

3. *Захарова М.В.* «Игра» как элемент языкового сознания носителей современного русского языка (коммуникативный аспект) // *Meninistekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija.* 2012. № 8 С. 69–76.

4. *Захарова М.В.* Языковая игра в древнерусском культурном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2012. № 1 (8). С. 18–23.

5. *Захарова М.В.* Языковая игра в поэзии А.Т. Твардовского // Творчество А.Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. (г. Смоленск, 5–7 октября 2010 г.). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 34–39.

6. *Захарова М.В.* Языковая игра в художественных текстах XIX века // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2011. № 2 (7). С. 15–21.

7. *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.И.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Рус. яз., 1983. С. 172–214.

8. *Рахимкулова Г.Ф.* Олакрез нарцисса. Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. ун-та, 2003. 320 с.

9. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1987. 544 с.

References

1. *Gridina T.A.* Yazy'kovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost' // Yazy'k. Sistema. Lichnost'. Yazy'kovaya igra kak lingvokreativnaya

deyatel'nost'. Formirovanie yazy'kovoj lichnosti v ontogeneze. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 2002. S. 22–26.

2. *Danilevskaya N.V.* Yazy'kovaya igra // Stilisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' russkogo yazy'ka / pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2006. S. 657–658.

3. *Zaxarova M.V.* «Igra» kak e'lement yazy'kovogo soznaniya nositelej sovremennogo russkogo yazy'ka (kommunikativnyj aspekt) // Meninistekstas: Suvokimas. Analizè. Interpretacija. 2012. № 8 S. 69–76.

4. *Zaxarova M.V.* Yazy'kovaya igra v drevnerusskom kul'turnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2012. № 1 (8). S. 18–23.

5. *Zaxarova M.V.* Yazy'kovaya igra v poe'zii A.T. Tvardovskogo // Tvorchestvo A.T. Tvardovskogo v kontekste russkoj I mirovoj kul'tury': materialy' Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Smolensk, 5–7 oktyabrya 2010 g.). Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2010. S. 34–39.

6. *Zaxarova M.V.* Yazy'kovaya igra v xudozhestvenny'x tekstax XIX veka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2011. № 2 (7). S. 15–21.

7. *Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.A., Rozanova N.I.* Yazy'kovaya igra // Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. M.: Rus. yaz., 1983. S. 172–214.

8. *Raximkulova G.F.* Olakrez narcissa. Proza Vladimira Nabokova v zerkale yazy'kovoj igry'. Rostov n/D: Izd-vo Rostovsk. un-ta, 2003. 320 s.

9. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir // Tolstoj L.N. Sobr. soch.: v 12 t. T. 3. M.: Pravda, 1987. 544 s.

И.Д. Михайлова,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: m_irinal7@list.ru

Концепция «Словаря радикасидов современного русского языка»

Длительное время в науке и в методической практике не шла речь о типологии корней русского языка, о наличии на современном этапе развития особой группы связанных корней — радикасидов. Таких корней всего несколько десятков. Но на их базе за время функционирования языка была образована большая сеть производных слов.

В статье представлена концепция «Словаря радикасидов русского языка», а также описана его структура с комментариями по каждому компоненту. Большое количество производных слов может быть объединено в словообразовательные гнезда на базе радикасидов. Эти двусторонне связанные корни с процессуальной семантикой находятся в слабой позиции, что затрудняет определение их значения, а также обуславливает большое количество морфов, являющихся результатом морфонологических процессов. В имеющихся словообразовательных словарях комплексные единицы высшего уровня, созданные на базе радикасидов, представлены неоднозначно или совсем отсутствуют, что затрудняет понимание структуры русского слова не только инофонами, но и носителями русского языка. Словарь радикасидов может снять ряд научных вопросов, может помочь иностранцам легче осваивать лексический минимум, а носителям русского языка глубже проникать в словообразовательную структуру исконно русского слова, видеть деривационную связь однокоренных слов.

Словарь, в котором будет многоаспектно, комплексно описан конечный на сегодняшний день список радикасидов, может стать актуальным справочным изданием, способствующим развитию умения видеть слова с данными корнями и быстрее реагировать на их значение, системно осваивать производную лексику современного русского языка.

Ключевые слова: радикасид; связанный корень; словообразовательное гнездо-ансамбль; словарная статья; лексикография.

The Conception of the «Russian Language Radixoids Dictionary»

The typology of the Russian language roots, existence of the particular groups of the related roots — radixoids — have been not researching neither by linguistic science nor practice methodology for a long time. There are only a few dozen of such roots. But a large network of derivative words based on radixoids was formed during the language development.

The concept of «Russian Language Radixoids Dictionary» is presented in this paper and its structure with comments on each component is described. A large number of word derivatives can be combined in derivational nests based on radixoids. These bilateral associated root of the procedural semantics are in a weak position, which makes it difficult to determine their meanings, and causes in a large amount of morphs, resulting from morphological processes. The integrated word units of higher level are presented ambiguous in the available word formation dictionaries based on radixoids or not presented at all, therefore it makes difficult to understand the structure of Russian words not only for inofons but for native Russian speakers as well. A Russian Language Radixoids Dictionary can help to solve a number of scientific questions and make it easier to learn Russian lexical minimum for foreigners and better to understand the native Russian word formation principles and to see derivative basis of cognate words for native Russian speakers.

The dictionary, in which the final list of radixoids existed till now will be described in many aspects, it can become an actual handbook, contributing to the development of the ability to see the such root words and their meanings and to learn derivative vocabulary of contemporary Russian language systematically.

Keywords: radixoids; associated root; derivational nest-ensemble; dictionary article; lexicography.

Большое количество производных слов может быть объединено в словообразовательные гнезда на базе корней особого типа — радиксоидов. Эти двусторонне связанные корни с процессуальной семантикой находятся в слабой позиции, что затрудняет определение их значения, а также обуславливает большое

количество морфов, являющихся результатом морфонологических процессов. В имеющихся словообразовательных словарях комплексные единицы высшего уровня, созданные на базе радикасоидов, представлены неоднозначно или совсем отсутствуют, что затрудняет понимание структуры русского слова не только инофонами, но и носителями русского языка. Словарь радикасоидов может снять ряд научных вопросов.

В аспектной лексикографии существует немалое количество морфемных и словообразовательных словарей, в том числе есть словари аффиксоидов, уникальных морфем, аббревиатур. До сих пор не было создано словаря радикасоидов, который мог бы помочь легче осваивать лексический минимум иностранцам, изучающим один из самых сложных языков мира, а носителям русского языка глубже проникать в словообразовательную структуру исконно русского слова и тоньше чувствовать деривационную связь однокоренных слов. В данном случае в качестве базового берется корневой подход. Но длительное время в науке и тем более в методической практике отдельно не шла речь о типологии корней русского языка, о наличии на современном этапе его развития особой группы связанных корней, которые терминологически часто называются радикасоидами.

Таких корней всего несколько десятков. Но на их базе за время функционирования языка была образована большая сеть производных слов, исчисляемая сотнями по каждому корню. Словарь, в котором будет многоаспектно, комплексно описан конечный на сегодняшний день список радикасоидов, может стать актуальным справочным изданием, способствующим развитию умения видеть слова с данным корнем и быстрее реагировать на их значение, семантическое ядро, системно осваивать производную лексику современного русского языка.

Радикасоиды — исконно русские корни, изменившие свой статус. Долгое время они функционировали в языке как свободные корни, т. е. хотя бы в одной словоформе одного из однокоренных слов были равны основе. Вышедшее из употребления непроеводное слово (чаще всего глагол) — исходное слово конкретного словообразовательного гнезда — привело к исчезновению ядра

всего гнезда, но производные первой ступени деривации (префиксальные глагольные образования) с разветвленными цепочками последующих ступеней словопроизводства остались функционировать в языке и, что самое главное, сохранили семантическую общность всех элементов исторического гнезда и на современном этапе развития языка [5]. Наличие таких корней впервые было отмечено Г.П. Павским в работе «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841–1842). Термин *связанный корень* для их обозначения предложил Г.О. Винокур [1].

Эти корни, являясь обязательным структурным элементом глаголов, имеют процессуальное значение. Но в настоящий момент они стали связанными префиксами и (или) суффиксами, в результате чего глаголы первой ступени деривации необходимо теперь рассматривать как префиксально-суффиксальные образования от этих «осколочных», связанных корней, которые в нашем исследовании называются радикаоидами. К ним относятся корни ...де... (*одеть, раздеть, надеть*), ...у... (*обуть, разуть*), ...бав... (*добавить, прибавить, убавить*), ...вык... (*привыкать, отвыкать, отвыкание, навык*), ...ня... (*отнять, унять, занять, принять, перенять*), ...луч... (*отлучить, разлучить*), ...лаг/лож... (*предлагать, изложить*), ...стиг/стич... (*достигнуть, постичь*), ...верг ... (*извергать, подвергать*), ...ник... (*вникнуть, проникнуть, приникнуть, сникнуть*), ...стиг... (*настигнуть, достигнуть, постигнуть*), ...каз... (*указать, приказать, отказывать*), ...мык/мк... (*замыкать, отомкнуть*) и др. Данные корни с процессуальной семантикой, которые не могут употребляться свободно, а функционируют только в сочетании с приставками или суффиксами, являются центрами (или вершинами) сильноразвернутых, по терминологии И.А. Ширшова [8], словообразовательных гнезд: глаголы всегда обладали большим словообразовательным потенциалом, поэтому к моменту своего исчезновения неизпроизводное слово имело уже большое количество производных разных ступеней деривации.

Лексикографические издания второй половины XX века, целью которых было системное представление комплексных единиц словообразования высшего порядка (словообразовательных

гнезд), не учитывали разнотипность корней русского языка, а потому упрощенно представили в качестве исходного элемента целое слово, т. е. провели механическое деление некогда единых гнезд на множество самостоятельных образований. Первыми звеньями словообразовательных цепей стали префиксальные образования, что было интерпретировано большинством носителей языка как появление непроизводных глаголов с опрощенной словообразовательной структурой. Именно так представил рассматриваемые нами группы производных слов с радикасоидом (в нашей интерпретации) А.Н. Тихонов в вышедшем в 1985 году первом издании «Словообразовательного словаря русского языка» в двух томах [7]. Сразу заметим, что мы никоим образом не умаляем огромной заслуги А.Н. Тихонова, впервые представившего всю производную лексику русского языка в системе — в виде взаимосвязанных и взаимообусловленных словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм с указанием всех морфонологических явлений, происшедших на морфемном шве. А.И. Моисеев назвал данный словарь «трудом, сделанным на века». И конечно же, рассматриваемая нами группа слов со связанным корнем (радикасоидом) является лишь небольшой частью всего массива лексики русского языка, но частью ядерной. Синхронность словаря А.Н. Тихонова «оказалась не просто строгой, а обостренной и бескомпромиссной» [4: с. 124–125], поэтому автор словаря разъединил многие гнезда с вершинами-радикасоидами, слова с исторически общим корнем. А.Н. Тихонов каждый префиксальный глагол обозначил как исходное слово отдельного словообразовательного гнезда (СГ). Предлагаемый нами словарь призван гармонизировать эту сторону комплексных единиц словообразования, зафиксировать историческую и современную структурно-семантическую общность разделенных производных.

С конца XX века велись исследования подобного рода комплексных единиц словообразования высшего уровня. Так, А.В. Иванова описала историю и современное состояние СГ с вершиной *-каз-* [3] и продемонстрировала семантическую и структурную общность производных расщепленных гнезд и на современном этапе развития русского языка.

Словарь радикасидов позволит зафиксировать системность большой группы производной лексики с процессуальной семантикой. Кратко представим концепцию такого словаря, его структуру и план словарной статьи. Во-первых, в словаре радикасидов будет дан краткий теоретический очерк, объясняющий границы понятия «радикасид» и представляющий классификацию радикасидов современного русского языка, а также будет предложена аннотация основных словарей, так или иначе описывающих производные со связанным корнем с позиции его морфемно-словообразовательной структуры. Во-вторых, будет представлен списочный состав самих корней-радикасидов, сопровождаемый справочным постраничным указателем. В-третьих, каждый из корней станет заголовочным элементом словарной статьи.

Сама словарная статья будет представлять собой монологическое описание словообразовательного гнезда-ансамбля с вершиной-радикасидом. Каждый конкретный радикасид становится заголовочным элементом словарной статьи. Обязательно будут перечислены все корневые морфы, которые нами выделены. Большинство радикасидов представлено двумя морфами, а корневая морфема ...ня... имеет 12 морфов, что говорит о значительных исторических изменениях и нахождении производных с данным корнем на самой периферии синхронной производности и существенном своеобразии образуемой вокруг этого радикасида комплексной единицы, называемой нами гнездом-ансамблем.

Разветвленная сеть морфов, на наш взгляд, является реализацией компенсаторной функции отдельных морфем в структуре производного слова с радикасидом. Компенсаторные механизмы включаются через различные морфонологические явления, которые характеризуют структуру производных. К морфонологическим явлениям относятся: изменение акцентологической характеристики слова (места ударения), чередование на морфемном шве (финальная согласная корня), чередование гласных и согласных в самом радикасиде, интерференция (наложение) морфем, интерфиксация. В описании цепочек это обязательно будет отмечено и проиллюстрировано. При наличии более двух корневых морфов

первым называем морф, соответствующий прикрито-открытому слогу (если такого нет, то прикрито-закрытому слогу) с отточием, а все остальные морфы помещаем рядом в круглых скобках через косые черточки: ...ня...: (-я-/-н-/-нят-/-им-/-ым-/-ин-/-ним-/-ем-/-емл-/-ём-/-йм-).

Структура словарной статьи «Словаря радикасоидов» включает в себя следующие элементы. Сначала указываются все словообразовательные словари, в которых в той или иной степени названы производные с корнем-радикасоидом. Перечень словарей состоит из лексикографических изданий, в которых данные единицы описаны с морфемной, историко-этимологической или аспектно-лексической точек зрения. В большинстве таких словарей в рассматриваемых нами дериватах выделяется другой корневой элемент. Поэтому сверхзадачей нашего словаря является унифицированное описание данной группы единиц.

Далее помещается этимологическая справка и статистические данные по количеству производных с выделенным нами корнем.

Такие корни находятся в слабой позиции, их значение трудно определить, но мы предлагаем наш вариант толкования. Значение радикасоида можно определить, лишь выделив из общего толкования значения других корней и всех аффиксов, так как в словах со связанными корнями основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы: значение связанного корня ...*верг/верж*... ‘насильное движение’, ...*лук/луч*... ‘нежеланное расстояние, дистанция на некоторое время’, ...*лаг/лож*... ‘размещение на горизонтальной поверхности’ и т. д. Семантизация связанных корней — сложная задача. Заметим, что лексикографы обычно дают толкование словам со связанными корнями через синонимы, в том числе другие слова со связанными корнями [7; 2].

Затем представляем парадигму первой ступени деривации и типовые словообразовательные цепочки с указанием морфонологических явлений, обнаруживаемых на стыке радикасоидов и аффиксов.

Итак, в качестве исходного элемента таких гнезд, называемого в дериватологии вершиной СГ, мы рассматриваем не отдельное слово, а корень, изменивший свой статус. Такой корень стали называть

связанным, так как в структуре производного слова он всегда употребляется вместе с префиксом, и (или) суффиксом, и (или) другим корнем в составе сложного слова. Сами СГ с вершиной-радикасоидом становятся структурами особого типа — гнездами-ансамблями [6]. Пространственно-геометрически их представляют не только в виде парадигм (вертикальные ряды равноправных элементов — производные одной ступени деривации, имеющие общее производящее слово) и цепочек (линейные, горизонтальные, последовательно развертывающиеся структуры), но и в виде круга первой ступени деривации с общим центром-доминантой, являющимся двусторонне связанным корнем. Схематически этот круг мы также показываем в словаре, чтобы на одном рисунке-графике одновременно можно было увидеть все префиксально-суффиксальные образования одного радикасоида.

Гнезда-ансамбли с радикасоидом в качестве доминанты включают в свой состав в основном синтаксические, модификационные и грамматические дериваты, что обусловлено глагольным происхождением связанного корня и дефектным характером его структуры. Для рассматриваемых гнезд-ансамблей характерно лишь незначительное семантическое наращение в процессе линейного словообразования, мало новых словообразовательных смыслов добавляется формантами: значение синтаксических дериватов практически не меняется по сравнению с производящим, лишь добавляется специфика частеречной семантики, в грамматических и модификационных дериватах за счет морфонологических наращений и акцентов, морфного «удлинения» корня осуществляются компенсаторные функции данных структур. Мы представляем типовые для каждого гнезда цепочки и в качестве иллюстрации даем лишь одну конкретную словообразовательную цепочку данного типа. В статистической справке указывается общее количество конкретных цепочек, созданных по данной модели.

Гнезда-ансамбли с вершинами-радикасоидами занимают периферийную зону поля словообразовательных ансамблей. Так, гнездо-ансамбль ...*бав*¹... восстановлено нами на основе 10 СГ, описанных в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова. Семантическое наполнение дериватов данного гнезда-ансамбля

на 95 % соответствует трем названным выше типам значений. В СГ с вершиной ...*бав*¹... на второй ступени словопроизводства мы наблюдаем грамматическую деривацию — имперфективацию 10 глаголов, сопровождающуюся морфонологическими явлениями — чередованием на морфемном шве, переносом места ударения с корня на суффикс, как то: *добав(и-ть) → добавл-я-ть; набав(и-ть) → → набавл-я-ть* и т. п. На третьей ступени деривации произошла имперфективация 7 глаголов, 6 глаголов — грамматических дериватов — создано постфиксальным способом. В СГ-ансамбле с вершиной ...*бав*¹... мы находим 9 синтаксических дериватов — существительных с суффиксом *-к-*, 6 — с суффиксом *-ениј-*, 4 синтаксических деривата — прилагательных, что подтверждает наше утверждение о составе СГ-ансамблей со связанной вершиной. Данное гнездо-ансамбль имеет лишь 1 мутационный дериват: *избави(ть) → избави-тель*.

Или, другое гнездо-ансамбль с вершиной-радиксоидом ...*стиг*... Если рассматривать 4 СГ, выделенных А.Н. Тихоновым как самостоятельные, но с отсылкой друг к другу, мы можем сформировать гнездо-ансамбль с центром — связанным корнем ...*стиг*..., находящимся в слабой позиции. Значение данного корня мы можем определить, сравнивая значения четырех глаголов первой ступени деривации (в предложенной нами структуре гнезда-ансамбля). По определению МАС, глагол *достигнуть* имеет значение ‘1. чего и устар. до чего. Дойти, доехать до какого-л. места, предела. // Распространяясь, прийти до кого-, чего-л. 2. чего. Дойти до какого-л. уровня, предела в своем развитии, проявлении, в каких-л. изменениях. 3. чего. Дожить (до какого-л. возраста)’. 4. чего. Добиться чего-л. своими усилиями, приобрести, получить желаемое. 5. перех. устар. Догнать, настичь. [2: т. I, с. 437], глагол *застигнуть* имеет значение ‘Внезапно захватить, застать кого-л. где-л., в каком-л. состоянии’, то же значение имеет глагол *застичь* [2: т. I, с. 576], глагол *настигнуть* имеет значение ‘1. Преследуя кого-, что-л., следуя за кем-, чем-л., догнать. 2. Внезапно захватить, застать где-л.; застичь’ (то же значение у производного глагола *застигнуть*) [2: т. II, с. 399], глагол *постигнуть* имеет значение ‘1. Понять, уяснить смысл, значение чего-л. // Изучить что-л. 2. Случиться с кем-л., выпасть на долю кого-л.’ [2: т. III, с. 323].

В сильной позиции здесь находятся префиксы. Отделяя значения префиксов из словарных дефиниций названных выше глаголов, мы можем вычлени́ть и значение связанного корня ...*стиг*... 'добраться, прийти, установить контакт'. В гнездах-ансамблях парадигмы являются гомогенными, а словообразовательные цепочки однотипными. Так, на второй ступени деривации мы обнаруживаем в каждой из частей ансамбля грамматические дериваты одинаковой структуры и с одним значением 'несовершенный вид'. Образованы они при помощи суффикса *-а-*. При образовании производных слов от основ со связанными корнями часто наблюдается большое количество морфологических изменений основы. В данном случае образование глаголов несовершенного вида сопровождается одновременным усечением производящей основы, изменением акцентологической характеристики слова и чередованием на морфемном шве. На третьей ступени деривации мы наблюдаем в каждой части гнезда-ансамбля наличие грамматического деривата со значением страдательного залога, образованного при помощи постфикса *-ся*, мутационный дериват со значением «одноразовости» и «мгновенности», выражаемым суффиксом *-ну-*, образование которого сопровождалось усечением производящей основы и изменением акцентологической характеристики производного по сравнению с производящим; синтаксический дериват со значением «отвлеченное действие», образованный при помощи суффикса *-ниж-*; причастие-прилагательное, образованное при помощи суффикса *-им-*.

Подобные исследования позволяют нам вычлени́ть типовые цепочки для каждого гнезда, а в конце «Словаря радикалоидов» дать теоретическую справку в виде таблицы типовых цепочек, характерных для СГ-ансамблей с вершиной-радикалоидом в целом.

В каждой словарной статье мы предлагаем представить конкретные словообразовательные парадигмы, а общие типовые варианты парадигм, реализуемые в разных СГ-ансамблях с вершиной-радикалоидом процессуальной семантики, также представим в виде таблицы в конце словаря. Гомогенность подобных парадигм подтверждается тем, что даже в словаре А.Н. Тихонова при каждом заголовочном слове мы видим отсылку к синониму

с таким же корнем. Префиксы, слева закрывающие один и тот же радикалоид, синонимичны, поэтому в словаре толкование дается через синонимы. Так, в 3-№ 117 — СГ с вершиной *застичь* (5 членов), ср. *настичь* и др. [7: т. I, с. 361]. В СГ № П-1325 А.Н. Тихонов предлагает сравнить исходное слово *проложить* с исходными словами других СГ (ср. *вложить*, *отложить* и др.), тем самым подчеркивая их семантическую общность и тождество словообразовательной структуры. Этот параллелизм присутствует в структуре многих словарных статей словообразовательного словаря, в котором оказались разделенными ранее единые СГ.

В «Словаре радикалоидов» предпринимается попытка определить границы и описать структуру закрытого списка СГ с вершинами-радикалоидами. Так, СГ с радикалоидом *...ня...* объединяет 450 дериватов из проанализированных 26 гнезд «Словообразовательного словаря» А.Н. Тихонова в единое гнездо с радикалоидом *...ня...* («братъ/взять»). На первой ступени деривации префиксально-суффиксальным способом образовалось 20 глаголов, которые, в свою очередь, на второй ступени деривации создали свои парадигмы, производные второй ступени деривации создали 63 парадигмы третьей ступени и т. д. Однотипные парадигмы объединяются, указывается слово, к которому относится данная парадигма.

И каждую статью мы завершаем текстовыми иллюстрациями. Но их мы также приводим в системе, а именно показываем развертывание одного словообразовательного гнезда с вершиной-радикалоидом в конкретном тексте или софункционирование производных с радикалоидом в одном тексте. Процессуальная семантика таких корней и обуславливает наше решение. Динамизм текста подкрепляется подобными единицами. Вспомним, например, тексты повестей финалистов ежегодной литературной премии Ивана Петровича Белкина (2011), в частности повести Игоря Фролова «Ничья» о военных летчиках, о современной войне, о любви, о воспоминаниях в поезде. Это автобиографическое произведение. И. Фролов служил бортмехаником на вертолете МИ-8. Текст заканчивается словами: «Война, любовь моя...». А в первом абзаце части, называющейся «Вместо предисловия», и эпилоге наиболее частотными оказываются слова

со связанными корнями. Взаимодействие нескольких текстовых СГ с вершинами-радиксоидами процессуальной семантики становятся контрапунктами всего сюжета: СГ с вершиной *...лаг//лож...* ‘размещение на горизонтальной поверхности’ (как важно для летчика не падать вертикально и даже в полете чувствовать твердую опору, землю, горизонтальную поверхность), СГ с вершиной *...ня...* ‘брать/взять’ (речь идет как о физическом, внешнем, так и о внутреннем действии), СГ с вершиной *...вык//выч...* ‘сохраняющее традиционное, постоянное’. В начале текста мы встречаем корневой повтор связанного корня *...лаг//лож...*: *Он пишет на простом клочке бумаги, подложив, подстелив под него коленку... он спешит, пока не иссяк интерес к уложению предложений.* Второе гнездо — значимое — определено последним словом первого абзаца — глаголом со связанным корнем *...мн...* ‘исчезающий след’: *... и теперь самое время вспомнить* (в эпилоге слова с данным корнем употреблены 7 раз). Выделение СГ с вершиной-радиксоидом становится значимым в ходе анализа текстов. Подобные заметки, только более детальные, предлагаем включить в словарную статью словаря в качестве иллюстративного материала.

Таким образом, предлагаемый «Словарь радикасоидов» актуализирует идею многоаспектного сравнительного анализа как корней двух групп — свободных и связанных, так и радикасоидов друг с другом. Данный лексикографический справочник призван систематизировать группы однокоренных слов, имеющих семантическую и частично структурную общность на современном этапе развития языка, тем самым гармонизировать систему комплексных единиц словообразования высшего уровня.

Литература

1. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М.: Наука. 1959. С. 419–438.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1985–1988.
3. Иванова А.В. Гнездо с вершиной *...каз...* как системно-структурное образование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МПГУ, 1999. 15 с.

4. *Михайлова И.Д.* Словообразовательный ансамбль как средство идентификации родственных слов и декодирования радикаоида // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 апреля 2015 г.) / отв. ред. Д.А. Крячков. Т. 1. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 380–384.

5. *Михайлова И.Д.* Слабые и сильные позиции корней в словообразовательном поле // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой / сост. и отв. ред. Т.В. Белошапкина. М.: МГПУ, 2015. С. 102–115.

6. *Моисеев А.И.* Выдающийся труд, сделанный на века // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: Изд-во Ташкентск. ун-та, 1989. С. 124–125.

7. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.

8. *Ширшов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.

References

1. *Vinokur G.O.* Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu // Izbr. raboty' po russkomu yazy'ku. M., 1959. S. 419–438.

2. *Evgen'eva A.P.* Slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. M.: Rus. yaz., 1985–1988.

3. *Ivanova A.V.* Gnezdo s vershinoj ...kaz... kak sistemno-strukturnoe obrazovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M.: MGPU, 1999. 15 s.

4. *Mixajlova I.D.* Slovoobrazovatel'ny'j ansambl' kak sredstvo identifikacii rodstvenny'x slov i dekodirovaniya radiksoida // Magiya INNO: novoe v issledovanii yazy'ka i metodike ego prepodavaniya: materialy' Vtoroj nauch.-prakt. konf. (Moskva, 24–25 aprelya 2015 g.) / отв. red. D.A. Kryachkov. T. 1. M.: MGIMO–Universitet, 2015. S. 380–384.

5. *Mixajlova I.D.* Slaby'e i sil'ny'e pozicii kornej v slovoobrazovatel'nom pole // Filologicheskij sbornik: v chest' yubileya professora L.I. Osipovoj / sost. i отв. red. T.V. Beloshapkova. M.: MGPU, 2015. S. 102–115.

6. *Moiseev A.I.* Vy'dayushchijsya trud, sdelanny'j na veka // Aktual'ny'e problemy' russkogo slovoobrazovaniya. Tashkent: Izd-vo Tashkentsk. un-ta, 1989. S. 124–125.

7. *Tixonov A.N.* Slovoobrazovatel'ny'j slovar' russkogo yazy'ka: v 2 t. T. 1. M.: Rus. yaz., 1985. 856 s.

8. *Shirshov I.A.* Tolkovy'j slovoobrazovatel'ny'j slovar' russkogo yazy'ka: Kompleksnoe opisaniye russkoj leksiki i slovoobrazovaniya. M.: AST: Astrel': Russkie slovari: Ermak, 2004. 1022 s.

М. Бирней,

Литовский эдукологический университет,
г. Вильнюс, Литва.

E-mail: solnce_2002@yahoo.com

Интертекст как фактор концептуализации воды в прозе И. Бунина

В статье концептуализация *воды* в прозе И. Бунина рассмотрена через призму мировой традиции осмысления этого универсального феномена и архетипического символа культуры. Являясь «средой бытования культурных концептов», интертекст выступает в качестве когнитивного механизма, обуславливающего концептуализацию *воды* в авторской картине мира. Диалог — это двустороннее взаимодействие, поэтому заимствование или переключка с архетипическими и мифопоэтическими образами, с сюжетами мировой культуры, связанными с водой, в прозе И. Бунина становится тем механизмом интертекстуального характера, который определяет в авторской картине мира смысловое наполнение концептуальной структуры «вода», в частности, культурный или сублогический слой этого ментального феномена. Его содержание складывается из всех тех надъязыковых и «нечитаемых» смыслов — идей, образов, представлений, понятий, — которые в контексте получают осязаемость через метафорическую сочетаемость, ассоциативные связи имени *вода* и его субститутов. «Торчащие» во все стороны «нечитаемые» смыслы непосредственно связаны с символикой воды. Она раскрывается в контексте дискурса мировой культуры в результате читательской рефлексии. Так, отражая «культурную память» слова, *вода* у И. Бунина выступает в качестве символа амбивалентных начал: «богини-матери/отца», «божественной сущности» и одновременно мифического «хаоса» — этого античного *ничто*, безликого и первобытного *естества*, — совмещающего в себе идеи *жизни* и *смерти*, *начала* и *конца*, *животворящего лона*.

Ключевые слова: интертекстуальность; концептуализация; ментальный феномен; дискурс мировой культуры; символика воды; авторская картина мира.

Intertext as a factor in the conceptualization of *water* in the prose of I. Bunin

In this article, the conceptualization of *water* in I. Bunin's prose is viewed through the prism of the global traditions of interpreting water as a universal phenomenon and archetypal cultural symbol. Seen as a «habitat for cultural concepts», intertext becomes a cognitive mechanism, determining the conceptualization of *water* in I. Bunin's model of the world. Dialogue is a two-way interaction. Therefore, the usage of archetypal images, mythological plots, and other cultural ideas related to water becomes the cognitive backdrop in I. Bunin's prose, framing the cultural content in *water's* conceptual structure. It is suggested that this content is «composed» of all of the «unreadable» meanings (ideas, images, and notions), all of which are obtained contextually through metaphorical usages of *water* substantive and its substitutes. Sitting just below the surface, «unreadable» meanings relate directly to the symbolism of water and it is shown that these symbolic meanings unfold in the context of the world's culture as a result of the readers's reflection. For example, the substantive *water* in I. Bunin's prose reflects the «cultural memory», serving as the ambivalent character: the «goddess-mother/father», the «divine essence», and, at the same time, the mythical «chaos», traditionally seen as the ancient «nothingness» of an impersonal and *primitive nature*, combining the dualities of *life* and *death*, the *beginning* and the *end*, and the *life-giving bossom*.

Keywords: intertextuality; conceptualization; mental phenomenon; global culture discourse; symbolism of water; author's model of the world.

Концепция интертекста и предложенный Ю. Кристевой термин «интертекстуальность» [4: с. 98], введенный в лингвистический обиход во второй половине XX века, восходят к идее «диалогизма» М.М. Бахтина. Согласно этой идее любой текст — постоянный диалог всякого автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Обычно исследования, занимающиеся проблемами интертекстуальности, сосредоточиваются на формальном уровне взаимодействия двух или более текстов, связанном с поиском каких-то общих фрагментов — преобразованных или неизменных

цитат и иных разнородных включений. В частности, в исследованиях И.В. Арнольд под интертекстуальностью понимается «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций или аллюзий» [1: с. 351]. Однако в настоящее время любое интер- или межтекстовое взаимодействие понимается не только (и не столько) как заимствование некоего (одного) элемента — устоявшегося наименования, аллюзий на него или цитатных импликатур. Наряду с формальным уровнем проявления интертекстуальных включений межтекстовое взаимодействие, согласно Ю.С. Степанову, также мыслится и как «нечитаемое», состоящее из понятий, образов, представлений, идей [6], т. е. всего того, что в современной лингвистике именуется «ментальными мирами», «когнитивным пространством» или «концептосферой» носителя языка. Полагая, вслед за Ю.С. Степановым, что интертекст представляет собой многоярусное явление, в котором, наряду с формальным, имеет место и концептуальное смысловое взаимодействие, обратимся именно к этому высшему уровню «надтекстового» смыслового взаимодействия как фактору, определяющему специфику концептуализации *воды* в прозе И. Бунина. Это тем более важно, что именно интертекст, по мысли Ю.С. Степанова, является «естественной средой бытования культурных концептов» [6]. «Вода» же в контексте культуры по праву считается одним из универсальных концептов или констант, определяющих и формирующих картину мира в сознании человека.

Субстанция воды как одна из четырех основных стихий в культурном сознании выступает в качестве универсального архетипического первообраза, отражающего мифологизированные архаические представления о мире. Эта функция воды, как утверждает Г. Башляр, «помогает представить великолепие мироздания и является первоначалом художественного творчества: она — опора образов и непрерывный подвоз образов, первопринцип, порождающий образы» [2: с. 16]. На творческое переживание архетипа воды, его сложной бинарной символики, выступающей в качестве достаточно мощного стимула художественной образности, указывает и В.Н. Топоров. Исследователь считает, что «водные» образы в поэтике текста

отражают «память о праистоках», когда природные явления в процессе их культурного освоения становятся «заместителями» иных образов, часто связанных с отражением личных ситуаций, переживаний и мировоззренческих установок творческой личности. При этом творческая «переработка» природного «ведется в соответствии с собственными “культурными” и “поэтическими” традициями и навыками» [8: с. 577]. Поэтому, говоря о концептуальном, или «надтекстовом» уровне интертекстуальных включений как факторе осмысления *воды* у И. Бунина, будем понимать такое интервзаимодействие как заимствование кодов культуры и целостных комплексов — поэтических, архетипических, мифологических — всех надъязыковых, «нечитаемых» и ассоциативных смыслов, связанных с водой и отраженных в сознании носителя языка.

Архаико-мифологический характер первообраза воды, составляющий основу общечеловеческой символики этого природного феномена, обуславливает концептуализацию *воды* в прозе И. Бунина и тем самым определяет смысловое наполнение этой ментальной структуры в авторской картине мира. В частности, в прозе И. Бунина имя этой стихии и его субституты (например: *влага, море, океан, бездна, глубина, хлябь, пропасть, лоно, тьма, темнота, чернота, ничто, естество* и др.), часто в составе сложных номинаций (например: *вода источника, вода вечной жизни, живая вода сердца* и др.) и развернутых аллюзий «вечных» текстов, входят в контексты, отражающие архетипическое знание о воде как первобытном состоянии первичной (*prima*) материи, амбивалентной по сути, совмещающей в себе признаки жизни и смерти, начала и конца, космоса и хаоса одновременно. Это мифопоэтическое и архетипическое содержание универсального концепта и символа культуры, характерное для культурного самосознания, становится когнитивным механизмом, формирующим концептуальный образ *воды* в авторских текстах.

Как показывают собранные материалы, у И. Бунина реализуется древний образ активной воды. Генезис этого образа непосредственно связан с представлениями архаического сознания о воде, которые определяются в оппозиционных терминах «активности-инактивности» [7: с. 307–310]. Архетипически вода — активное

начало, которое мыслится как обладающее жизненной энергией естество. Реализуя идею активного начала, *вода* в авторских текстах выступает в качестве суверенной силы, уподобленной человеку и живым сущностям. В этом своем качестве *вода* в авторской картине мира употребляется только в форме Именительного субъекта действия, а ее дистрибуцию определяют глаголы различных семантических классов, включая глаголы физического действия и воздействия, движения и состояния, звукового проявления (часто интенсивного), зрительного восприятия. Так, *вода* у И. Бунина *опускается* и *поднимается*, *обнимает* и *моет*, *обдает* и *опутывает*, *легко бежит* и *несется*, *гудит* и *журчит*, *дышит*, *дремлет*, *смотрит* и т. д.

Вода как культурный феномен в культурно-языковом сознании мыслится в терминах бинарных оппозиций, свойственных архаическому сознанию. Субстанция воды архетипически воспринимается как хранительница и источник жизни: в индуизме, например, представленная в образе «священных вод» Апас, в шумеро-аккадской культуре — в образе Апсу, в библейской традиции — в образе водной бездны, творящей все сущее в мире. Интересно, что этимология номинант Апас и, по-видимому, Апсу (в аккадском варианте Абзу: *ab* — вода, *zu* — далеко) этимологически восходят к индоевропейскому корню **Нар*^[h], определяющему воду как активную сущность [7: с. 309]. Вода как творческое начало, согласно архаическим представлениям, участвует не только в процессе созидания мира — космогенезе, но также и в процессе его разрушения — мотив потопа в библейской традиции. Имя этой стихии, на уровне мифопоэтики традиционно мыслимой как всеобщее начало и конец, в идиолекте И. Бунина также представляется амбивалентной сущностью, которая концептуализируется и как *колыбель*, и как *могила* одновременно: *она* [волна] *так же медленно потянулась назад в колыбель и могилу свою* [3: т. IV, с. 439].

Традиционная для архаического сознания поляризация явлений, пронизывающая всю индоевропейскую культуру, проявляется и в контексте мифологизированного образа «родящей» воды, совмещающего в себе мотивы как женского, так и мужского

начал. У И. Бунина вода представляется в терминах оппозиции *мужской vs женский* и реализуется в концептуальных образах *водной (океанической) стихии*, выступающей в роли первородителей всего сущего — *Океана и Бездны*, — соотносящихся соответственно с мужским и женским началом. Соотнесение образа океанической стихии с мужским началом на языковом уровне формируется как грамматической отнесенностью лексемы *океан* к категории мужского рода, так и контекстуально — словосочетанием *отчее лоно*. При этом концептуальный образ океана как *родимого отчего лона* связывается с образом Бога, который, например, в рассказе «Воды многие» вводится цитатой из Библии: «*Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...*» [3: т. IV, с. 470]. Далее следует авторское: *И я был в страшной и сладкой близости твоей и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!* [3: т. IV, с. 470]. Женский образ основы всего сущего в рассказе «Сны Чанга» формирует сложная **номинация *Бездна-Праматерь***, о которой говорится, что она *родит и поглощает и, поглощая, снова родит все сущее в мире* [3: т. IV, с. 113], предначертывая каждому свой путь.

Надо сказать, что субстратом бунинской мифопоэтики *воды* выступает историософия — античная и библейская философские концепции мирового космогонического процесса, а также учение даосизма. Согласно древним космогониям вода представляется первичным состоянием дотварного мира, которая в архаических текстах семантизируется как водная бездна, в античной лингвокультуре именуемая хаосом. Идеи «хаоса» как животворной энергии в античной лингвокультуре и «бездны» в библейской ветхозаветной традиции сопряжены с представлениями об «абсолютном начале», о «пропасти» и «первобытном мраке», «тьме», предшествующих свету. В дискурсивном пространстве бунинских текстов ветхозаветные и античные знания о воде на языковом уровне представлены по-разному. В частности, функционируя в качестве библейско-христианской мифологемы, вода в этой роли в текстах И. Бунина предстает в образе *водной бездны* или *зыбкой хляби*, о которых *так ужасно говорит Библия* [3: т. IV, с. 24]. У И. Бунина вода, реализуя

культивированные античной мыслью представления о «грохочущем состоянии первобытия», наделяется и рядом признаков, присущих первобытному хаосу, безликому и бесконечному, животворящему и поглощающему одновременно, совмещающему идеи начала и конца, а также все оформляющей первоматерии. Реализуя идею хаоса, этого принципа «непрерывного, неразличимого и бесконечного становления» [5: т. II, с. 580], И. Бунин формирует образ воды, выступающей в качестве довременного естества — *prima materia*: *Вот и Хаос Гезиода, то первобытное и безликое состояние, из чего возник мир! Сколько богов рождалось на берегах этого моря и сколько их поглотил этот Хаос, подобно титану Кроносу, поглощавшему всех чад своих от Реи!* [3: т. III, с. 659]. Создавая «водный» образ исходного состояния всего сущего, И. Бунин избегает использования прямой номинации *хаос*. При формировании мифологизированного образа первородного естества предпочтение, как правило, отдается атрибутивным средствам. Так, создавая образ «первобытного и безликого состояния, из чего возник мир», И. Бунин использует такие определения, как *бездонный, бесконечный, безграничный, безмерный, живой, бунтующий, чуждый, враждебный, довременный, слепой, темный, черный* и т. п. Они в авторских текстах семантизируют то «грохочущее основание», которое соответствует мифопоэтическим представлениям о первобытии.

В авторских текстах концептуализация *воды* в качестве мифического хаоса реализуется в контексте таких компонентов, характеризующих водное пространство, как *тьма, чернота, темнота, черная темнота, аспидная муть, смола*. В частности, образ хаоса, шевелящегося и первозданного, прочитывается в рассказе «Пингвины»: *Внизу — тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой взвивающееся целыми водопадами брызг и пены...* [3: т. IV, с. 519].

Смыслы «темный», «черный» в языковой системе изначально определяют отсутствие света в описании окружающего пространства. Однако у И. Бунина данные смысловые компоненты субстантивируются и начинают транслировать то неопределенное *ничто*,

в античной культуре, по замечанию А.Ф. Лосева, соотносящееся с «пустотой» и противопоставляемое бытию как «упорядоченному» космосу [5: т. II, с. 581). Таким образом, в картине мира писателя такие контекстуально-смысловые компоненты, как *тьма*, *темнота*, *чернота*, *аспидная муть*, *смола* и др., становятся маркерами «включения» мифологических представлений, которые и определяют интертекстуальный слой, вплетенный в канву бунинских текстов.

Вместе с тем в прозе И. Бунина звучит и традиционная для античной философской мысли оппозиция: *хаос* как первопотенция, дотварное состояние материи *vs* *космос* как сотворенный мир. Кроме того, лексикализирующиеся как *водная бездна* (*бездна бездн*, *глубина*, *пропасть* и др.) мифический хаос и космос как мироздание, под которым скрывается «грохочущее основание» вечно живого и безмерно первоестества, в текстах прозы И. Бунина соположены. Переход одного к другому тонок, он проявляется и реализуется по-разному. Проявляющийся на фоне бинарных оппозиций *свет vs тьма*, *жизнь vs смерть* образ хтонической тьмы и с ним сопрягаемое изначальное и бесконечное состояние, осмысляемое в амбивалентных по сути образах океана (моря) и бездны (глубины, пропасти), даются в развитии и «вычитываются» из контекста. Например, в рассказе И. Бунина «Братья», построенном на смысловом противопоставлении *цивилизация vs природная стихия*, образ хаотического выстраивается на повторах лексем, связанных со смыслом «темный», «черный». При этом «тонкая пленка цивилизации», обычно представляемая в образах рукотворных артефактов — *корабля*, *парохода* и других средств передвижения по воде, — как бы срывается и уступает место природной стихии, обнажая ее грохочущее, шевелящееся основание. Отметим, что понятие хаоса в бунинских текстах соотносится с понятием цивилизации, а космоса — с понятием духовной, естественной жизни. Необходимо подчеркнуть, что экспликация образа хтонической тьмы, злотворное дыхание которой убивает духовное начало, обычно не ограничивается уровнем одного предложения или абзаца. Для выявления смысловых приращений в семантике бунинской *воды* уже нужен целостный текст — дискурс, выражающий стоящее за ним сознание и мировоззренческие установки.

В текстах прозы И. Бунина реализуются и другие «культурно-языковые сюжеты», связанные, в частности, с архаическим разделением двух вод на «живую» и «мертвую». В функции компонента, реализующего идею *воды-жизни*, у И. Бунина могут выступать устойчивые словосочетания, например, *живая вода*, *животворные ключи*. Явные отголоски семантики архаического мотива «разделения воды» на «живую» и «мертвую», отражающего мифопоэтическую связь воды с жизнью и смертью одновременно, обнаруживаются, например, в тексте миниатюры «Роза Иерихона». Здесь архаический мотив «живой воды» как способа преодоления смерти реализует концептуальную связь феномена воды с субстанцией духа, духовной жизни: *в живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный знак* [З: т. IV, с. 167]. В приведенном примере на соотношении естественной животворящей функции воды формируется сложная метафора *живой воды сердца*, и тем самым в результате метафорического сдвига вода начинает описывать метафизическую область ментально-эмоционального. Ведь «сердце» — это не только орган кровообращения человека, но и «сосуд», хранящий и генерирующий энергию духа, души. Дистрибуция *воды* в данном контексте, отражая архаический мотив «живой воды» как «возвращения к жизни», в авторской прозе раскрывает необычную для обыденного сознания семантику. Уникальность индивидуально-авторского словоупотребления лексемы *вода* и ее субститута *влага* заключается в том, что концептуальное содержание «воды» вбирает гештальт (образ), соотносящий данный языковой знак с понятием памяти. Так, мотив воды-жизни у И. Бунина формирует образ памяти, в метафизическом «бесконечном и безначальном» пространстве которого через духовное совершается прорыв от смертного (временного) к бессмертию. Образ памяти, по сути, становится авторским проявлением традиционного для мифопоэтики воды представления, связываемого с вечностью. Но вечность, соотносясь с бесконечно давним и неизмеримым во времени, также с загробным миром

и небытием, традиционно ассоциируется с забвением (забыванием). У И. Бунина же концептуальная связь воды и вечности соотносится с душой, с памятью как противопоставлением небытия бессмертию. Смертное сущее в авторской картине мира «через воду жизни» — энергию духа, семантизирующуюся как память, — обретает как бы второе рождение и духовное возвращение к жизни.

Кроме интертекстуального слоя архаического сознания как фактора концептуализации *воды* у И. Бунина в авторской картине мира звучит и индуистско-буддистское начало: представление текучести жизни через постоянно воспроизводимые образы реки и ручья, а также «несметных жизней», таящихся в воде: *Я иду по песку и сажусь у самого края воды и с упоением погружаю в нее руки, мгновенно загорающиеся мириадами светящихся капель, несметных жизней* [3: т. IV, с. 444].

Наконец, в идиолекте И. Бунина находят свою реализацию и ноты религиозно-христианской символики жизненной потенции воды, в Царствии Небесном выступающей в качестве средства духовного перерождения и Божественной благодати, очищающей дух от скверны и готовящей брэнное тело к вечности. У И. Бунина христианский мотив божественной сущности воды как омовения души в водах Духа звучит, в частности, в рассказе «Камень». В этом рассказе создается мифологизированный образ «святой» воды, используемой в христианской культуре и ритуальных практиках: *ее-то и кропят ежечасно розовой водой* [3: т. III, с. 550]. Очевидно, что *розовая вода* как разновидность агиасмы, используемой в религиозном обиходе, актуализирует в авторской картине мира идею магических свойств воды, связанную с духовными кодами культуры.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что общекультурные представления, мотивы и образы воды, отражая архетипическое и мифопоэтическое знание о ней как активной персонифицированной сущности, амбивалентной по сути, играют не последнюю роль в концептуализации *воды* у И. Бунина. Эти концептуальные смыслы, связанные с водой, отражая широкую

взаимосвязь культуры и семантики слова, играют своего рода роль когнитивных отсылок, раскрываемых в результате читательской рефлексии. Звучащие в творчестве И. Бунина культурные коды определяют и концептуальное содержание «воды», непосредственно связанное с ее символикой. Тем самым именно этот высший уровень концептуального взаимодействия, эти «пучки» смыслов, связанных с водой, коррелируя на ментальном уровне с когнитивным сознанием творящего индивида, его индивидуальной и культурной памятью, обогащают концептуальное содержание «воды», его образно-перцептивное наполнение, которое, в свою очередь, реконструируется рефлектирующим читателем или исследователем. Определяя культурную составляющую «воды», этот «надтекстовый» уровень существования ментального феномена в авторской картине мира получает осязаемость через анализ сочетаемости (прежде всего метафорической) данного имени и его субститутов в контексте. Так, *вода* у И. Бунина, отражая «культурную память» слова, выступает в качестве символа амбивалентных начал, совмещающего в себе идеи Божественной сущности и одновременно мифического Хаоса — этого античного *ничто* и *первичной материи, жизни и смерти, начала и конца, активной и суверенной силы, а также пути жизни и памяти* как средства обретения бессмертия. Проявление смысловых приращений *воды* у И. Бунина на языковом уровне соотносится с вечно творящим *живым лоном, бездной, тьмой, первобытным состоянием, довременным естеством* и т. д.

В заключение отметим, что «чужое слово» из интертекстуального пространства становится источником мифопоэтических и архетипических элементов в структуре концептуального содержания «воды» в прозе И. Бунина. Античные, ветхозаветные и иные культивированные мировой философской мыслью идеи и сюжеты, связанные с культурным феноменом «воды», в авторской картине мира определяют концептуальное содержание этой ментальной структуры, ее культурную составляющую. Тем самым проведенное исследование позволяет полагать, что учет интертекстуального дискурса должен играть для исследователя немаловажную роль

в реконструкции бунинского концепта «вода», вмещающего богатство культурных кодов мировой мысли. Взгляд на творчество И. Бунина через призму интертекста — этого непрерывно осуществляемого взаимодействия культур — позволяет не только определить смысловые приращения символического характера имени концепта *вода* в авторской картине мира. Интертекстуальный подход также способствует выявлению мировоззренческих установок пишущего субъекта, хранящихся в его когнитивном пространстве.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 350–362.
2. *Башиляр Г.* Вода и грезы. Опыт в воображении материи. М.: Изд-во гуманит. литературы, 1998. 268 с.
3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. / редкол. Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. Т. III, IV. М.: Худ. лит., 1987, 1988. 671 с., 703 с.
4. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
5. *Лосев А.Ф.* Хаос // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. II. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 579–581.
6. *Степанов Ю.С.* «Интертекст» — среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии) [Электронный ресурс]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (дата обращения: 20.02.2016).
7. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
8. *Топоров В.Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 575–622.

References

1. *Arnol'd I.V.* Intertekstual'nost' — poe'tika chuzhogo slova // Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. st. / nauch. red. P.E. Buxarkin. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 350–362.
2. *Bashlyar G.* Voda i gryozy'. Opy't v voobrazhenii materii. M.: Izd-vo gumanit. literatury', 1998. 268 s.

3. *Bunin I.A.* *Sobr. soch.:* v 6 t. / red. Yu. Bondarev, O. Mixajlov, V. Ry'nkevich. T. III, IV. M.: Xud. lit., 1987, 1988. 671 s., 703 s.
4. *Kristeva Yu.* Baxtin, slovo, dialog, roman // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya.* 1995. № 1. S. 97–124.
5. *Losev A.F.* Хаос // *Mify' narodov mira: e'nciklopediya:* v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. T. II. M.: Sov. e'nciklopediya, 1980. S. 579–581.
6. *Stepanov Yu.S.* «Intertekst» — sreda obitaniya kul'turny'x konceptov (k osnovaniyam sravnitel'noj konceptologii) [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (data obrashheniya: 20.02.2016).
7. *Stepanov Yu.S.* Konstanty': slovar' russkoj kul'tury'. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 s.
8. *Toporov V.N.* O «poe'ticheskom» komplekse morya i ego psixofiziologicheskix osnovax // *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe'ticheskogo.* M.: Progress – Kul'tura, 1995. S. 575–622.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY CRITICISM

Е.Ю. Полтавец,

Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.

E-mail: nedzvetsky@bk.ru

Охотничий миф в произведениях Л.Н. Толстого

В статье рассмотрены характерные детали и образы, воплощающие в произведениях Л.Н. Толстого некоторые мифологические структуры, такие как Калидонская охота, превращение и смерть Актеона, миф об Артемиде, дионисийский миф и т. д. Рассматриваются также структуры, имеющие отношение к индуистской мифологии. Это охота Панду, проклятие отшельника Киндамы, смерть Панду и др. Существует определенное типологическое сходство между великим индийским эпосом «Махабхарата» и толстовской «Войной и миром», но древнегреческий охотничий миф большей частью связан с «Войной и миром» и «Анной Карениной». Охотничий миф также имплицитно присутствует в «Детстве», «Казаках», рассказах для детей: «Котенок», «Охота пуще неволи», и других произведениях. Некоторые эпизоды произведений Толстого проанализированы с точки зрения сравнительного метода.

Ключевые слова: охотничий миф; Калидонская охота; Актеон; Дионис; «Махабхарата»; творчество Л.Н. Толстого.

E. Poltavets

Hunting Myth in the Works of L. N. Tolstoy

The article deals with the typical details and images embodying some mythology structures, such as Kalidon hunting, Acteon's transformation and Acteon's death, the myth of Artemis, Dionysian myth and so on in the works of L.N. Tolstoy. The structures concerning Hinduism mythology are also investigated. They are: Pandu's hunting, the damnation of the hermit Kindama, Pandu's death and others. There is a sort of typological similarity between the great

Indian epic «Mahabharata» and Tolstoy's «War and Peace», but the ancient Greek hunting myth is connected with «War and Peace» and «Anna Karenina» for the most part. The hunting myth is also implicated in «The Childhood», «The Cossacks», in «The Kitten», «The Bear-Hunt» («Fables for Children») and other works. Some episodes of Tolstoy's works are exposed to comparative analysis.

Keywords: hunting myth; Kalidon hunting; Acteon; Dionys; «Mahabharata»; Tolstoy's works.

В русской классике, в усадебном романе и не только в нем, топос охоты выполняет функции характерной приметы помещичьего быта; ситуация охоты позволяет писателю столкнуть и сопоставить барина и мужика, объединить или, наоборот, развести своего героя с природой. Интересно, что для Р. Акутагавы именно топос охоты послужил той основой, на которой писатель развернул интереснейший психологический этюд о взаимоотношениях двух охотников и писателей: И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого (рассказ Р. Акутагавы «Вальдшнеп»). Однако объемные эпизоды охоты или незначительные на первый взгляд упоминания о ней могут также выступать в другом качестве: они могут быть кодовыми сигналами, связанными с некоторыми еще более общими бытийными смыслами.

Общеизвестно, что охота занимала большое место в жизни Л.Н. Толстого (до определенного времени) и других обитателей Ясной Поляны, хозяев и гостей. В творчестве Толстого охота и связанные с ней приключения нашли широкое отражение; знатоком разных видов охоты, охотничьего снаряжения, повадок лесных зверей и птиц (а также психологии и ритуального поведения охотников!) Толстой предстает не только в «Отъезде в поле», «Детстве», «Казаках», «Войне и мире», «Анне Карениной», но и в рассказах для детей, в «Воспоминаниях». Эпизоды охоты в произведениях Толстого обстоятельно комментировались в трудах многих исследователей с точки зрения прототипических ситуаций, сюжетных ролей, мотивной и образной систем и т. д. Однако такой аспект, как мифореставрационное значение некоторых эпизодов, до сих пор не привлекал внимания толстоведов. Между тем взгляд на охотничьи эпизоды сквозь призму мифа

может, как нам кажется, способствовать уяснению некоторых особенностей мифопоэтики произведений Толстого в целом. «Только потому так серьезно описана охота, что она одинаково важна...» [14: т. XVI, с. 241], — написал Толстой в черновике эпилога «Войны и мира», но в окончательный текст произведения эту фразу не внес, и теперь исследователи по-своему ее толкуют и разгадывают.

В «Воспоминаниях» (1906), как и в художественных произведениях, Толстой противопоставляет охотников неохотникам, причем неохотники в изображении Толстого, как правило, склонны к физическому труду, разведению цветников, оранжерейных растений, посадкам леса, да и в целом внимательны ко всякого рода растительности.

Таких персонажей условно можно назвать «садовниками», особенно в свете того, что традиционно мифологема сада включает не только семантику Эдема, но и Гефсиманского моления (т. е. сада как места сакральной жертвы) и Христа (воскресшего Христа Магдалина приняла за садовника). Поэтому дендро- и флорофилы у Толстого заметно одухотвореннее и самоотверженнее, чем любители всяческих видов охоты (мотив дерева, например, является лейтмотивом образа князя Андрея в «Войне и мире»). Что же касается Евангелий, то они написаны явно не охотниками, вегетативная символика в них значительно превосходит животную, а широко представленный мотив птиц охотничью семантику почти не затрагивает.

В «Воспоминаниях» Толстой на первых же страницах задает «вегетативный» и «охотничий» код, характеризуя своего деда, князя Н.С. Волконского: «Охоты он терпеть не мог, а любил цветы и оранжерейные растения» [14: т. XIV, с. 385]. Зато об отце, Н.И. Толстом: «Более всего я помню его в связи с псовой охотой. Помню его выезды на охоту» [14: т. XIV, с. 391]. Далее следует подробный рассказ об охоте на волка, на лисицу, об охотничьих собаках, причем торжественность выезда на охоту Толстой специально акцентирует. Папа в «Детстве», а особенно Николай Ростов в «Войне и мире» именно в эпизодах, связанных с охотой, показаны как хозяева и распорядители: их все слушают, на них любят, ими гордятся. Охота ведь действо сакральное,

подражание богам, т. е. поведение культовое, одно из важнейших *imitatio dei*, поэтому охота всегда почиталась как царское и аристократическое занятие. Даже бог представляется во многих традициях Небесным Охотником. В поэме о Гильгамеше, древнем шумерском правителе, он показан искусным охотником, «в дворцовом искусстве Ассирии ассирийские цари нередко изображались в сценах охоты» [13: с. 748]. При этом «царские охоты часто бывали в высшей степени ритуальными и хорошо срежиссированными действиями для поддержания мифологизированного представления о царе как о бесстрашном охотнике» [13: с. 748]. Возможно, что для тех героев Толстого, которые имеют определенные основания для беспокойства о своем статусе, увлечение охотой выполняет и некоторые компенсаторные функции (папа в «Детстве» сознает, что его неразумное хозяйствование приводит к необходимости тратить приданое жены, Николай Ростов также не в силах противостоять разорению семьи; рассказ о хозяйственных затруднениях этих героев предшествует эпизодам охоты). Особое место среди толстовских охотников занимает Левин: он в значительно большей степени охотник, чем ценитель лесного или садового пейзажа; луг и лес для него связаны с крестьянской работой или охотой, мифологическое восприятие мира, характерное для Андрея Болконского, ему несвойственно. Но однажды, находясь в лесу и ожидая подлета дичи, он замечает: «Слышно и видно, как трава растет!» [14: т. VIII, с. 181], т. е. радостно воспринимает и растительный мир. Сама же охота для Левина такой же способ самоутверждения, как и для других толстовских охотников, недаром его охотничьи успехи способствовали сближению с Облонским, а значит, и с Кити. Объяснению в любви сопутствует гордое признание в победе над медведем, а будучи женат, Левин подвергается насмешкам Облонского, который не без оснований посмеивается, что Левин не может уехать на охоту без разрешения и вообще находится у Кити под каблуком.

В «Казаках» и «Анне Карениной» эпизоды охоты связаны в «лабиринте сцеплений» с любовной линией (как и скачки, традиционно метафоризирующие любовный пыл еще в античном

романе). Катастеризмы («мрачный Арктурус», «колесница Медведицы»), упомянутые в эпизоде охоты Облонского и Константина Левина в «Анне Карениной», напоминают не только о тоске Левина по Кити (маленькую Кити называли «tiny bear», «медвежонком» (англ.); именно эта связь обычно отмечается в комментариях исследователей), но и об охотничьих мифах, посвященных богине-охотнице Артемиде (с ее эпитетом «медвежья», с ее свитой — нимфами, одна из которых, Каллисто, изгнанная Артемидой, была превращена в медведицу и водворена на небо в виде созвездия). Таким образом, эпизод охоты, помещенный в мифологический контекст, «сцепляется» с любовной линией, придавая и ей некоторый охотничий оттенок.

Это объясняется мифологически. Как архаический ритуал, охота «в сознании язычников представляла собой своеобразный сакральный акт, сопровождаемый жертвоприношением, а преследование зверя по следу представлялось как стремление к Высшему Началу, стремление к достижению духовного совершенства» [6: с. 256]. Вместе с тем исследователи отмечают, что «охота имела и чисто фаллическую символику, поскольку сакральный акт был одновременно и сексуальным» [6: с. 256]. В доказательство в словаре М.М. Маковского приводятся соответствия: лат. «venari» (охотиться), «veneror» (чтить божество), «veneration» (культ). Взаимосвязь охотничьих и семейно-любвных ритуалов сказывается в том, что из всех охотничьих суеверий и обычаев наиболее распространенными были связанные с запретами сексуального характера; ряд условий нужно было соблюдать накануне и во время охоты: не вступать в половые отношения, не упоминать о женщине. Жена охотника не должна была пряхсть в день охоты, так как это помогло бы зверю запутать следы, и т. д.

В «Анне Карениной» образы Кити и Вареньки связаны с «грибной темой» (см.: [2, 11]), т. е. «тихой охотой». Варенька и Сергей Иванович Кознышев пытаются объясниться в любви в лесу во время сбора грибов. На обеде у Облонских Кити заговаривает с Левиным, стараясь возобновить объяснение с ним, и в то же время ловит вилкой «отскальзывающий» гриб в тарелке.

Все это репрезентирует охотничью семантику ловли женихов и невест, а также зафиксированную в фольклоре эротическую составляющую грибного мотива. Загонная охота и завтрак в лесу как предлог для флирта изображены в незаконченном рассказе Толстого «Кто прав?» (1891).

С типологией толстовских персонажей связано и еще одно интересное психологическое наблюдение Толстого. «Есть два сорта мужчин — охотники и неохотники. Неохотники любят маленьких детей — беби, могут брать в руки; охотники имеют чувство страха, гадливости и жалости к беби. Я не знаю исключения этому правилу. Поверьте своих знакомых» [14: т. XVIII, с. 720], — такими словами несколько неожиданно заключает Толстой свое письмо А.А.Толстой, просившей его написать подробно о семье и детях. Нет исключений из этого правила и среди толстовских героев. Ни Левин, ни Николай Ростов не проявляют нежных чувств к новорожденным младенцам, и Кити некоторое время даже беспокоится, будет ли Левин любить сына.

Мифологическое объяснение этому психологическому феномену можно найти в культуре Диониса и особенно пра-Диониса Загрея, одного из наиболее архаических образов древнегреческой мифологии. Охотничий миф имеет множество версий; миф об охотнике и охоте, и не один, есть, наверное, в каждой мифологической традиции. Но наиболее явно охота как разгул необузданных страстей представлена в мифе о Дионисе Загрее, который еще античными философами интерпретировался как жертва и в то же время как «Великий охотник» (греческое «Загрей» переводится как «Великий ловчий»). К этому образу восходят представления о «Проклятом охотнике», «Дикой охоте» и тому подобные поверья и легенды. «Погоня и охота сводят человека с ума, разрушают его сердце, ибо побуждают к вожделению и, следовательно, освобождают силы, разрушающие внутреннее равновесие. Связь образа охотника с потусторонним миром проявляется в таких атрибутах охоты, как постоянное движение, дьявольские желания, иллюзия близкого достижения цели, воющий ветер» [5: с. 314]. Таким образом, охота развязывает оргию, бесчинство, убийство,

т. е. возвращает к стадии хаоса, к абсолютному началу, чтобы вновь пережить ситуацию сотворения, создания мира. Во время охоты как культового поведения происходит погружение в хаос, своеобразное восстановление ситуации сотворения мира и моделирование того, что произошло *in illo tempore*, т. е. создаются предпосылки для всеобщего обновления.

Похожий путь должен пройти сам охотник. Пра-Дионис Загрей, сын Зевса и Персефоны, т. е. богини загробного мира, разрывается, расчленяется титанами, и именно этот спарагмос обновляет мир, дает возможность возникнуть человечеству, ибо из пепла титанов, пожравших Диониса, произошли люди. Причем в человеческой природе есть и что-то хорошее, если перед тем, как Зевс в наказание испепелил титанов, они успели отведать по кусочку бога. Но самое интересное заключается в том, что наиболее архаический культ Загрея-охотника, особенно настойчиво отождествлявшегося с Дионисом в орфизме, включал инфантицид и омофагию (в память о титанах, растерзавших Загрея-Диониса, когда он был младенцем). Зевс в этом варианте мифа воскрешает своего сына, так как сердце его, спасенное Афиной, осталось несъеденным, и в дальнейшем прадионисийские культы постепенно переходят от жертвенного инфантицида к жертвоприношению животных. «Великий Ловчий — “Загрей” — находит уже немалую общину оргиастических поклонников, в качестве самостоятельной божественной ипостаси пра-Диониса — Аида, — пока его культ не впадает притоком в широкую реку торжествующей Дионисовой религии» [4: с. 17]. Однако на первых порах охотничий обряд как «эмоциональное коллективное действие с целью подготовить охоту, задобрить убитого зверя, утратить врага» [10: с. 30] включал пожирание «божественного дитяти» (Вяч. Иванов), что было, возможно, одним из элементов интичиумы. Поэтому прапамять охотника требует ритуального инфантицида, от которого он отказывается, избегая общения с младенцем.

Своеобразная интичиума представлена в «Войне и мире» в подробном описании обеда Ростовых у дядюшки после охоты. Перечень яств (грибы, орехи, жареная курица) вполне соотносится с эротической символикой и лесным топосом (грибы,

орехи). После обеда дядюшка слушает игру на балалайке, сам берет гитару; знаменитая пляска Наташи завершает эпизод. Толстой и создает описание этой пляски как смешения охотничьей и эротической семантики (охотничий ритуальный танец и охота как эротическое преследование). Недаром дядюшка настраивает гитару, «подмигнув» покрасневшейся Анисье Федоровне, а после пляски спрашивает Наташу о женихе. Кульминационная роль эпизода охоты и пляски в сюжетной линии и развитии образа Наташи Ростовой несомненна: животное, неуправляемое начало сказывается в диком визге Наташи при виде дядюшки, отрезающего лапы зайцу, затем в экстатической пляске под мелодию озорной песни, предвещающей, по сути, отказ от любви князя Андрея. (Помимо охотничьей семантики здесь интересна музыкальная; Наташа решила учиться играть не на арфе (символ высокой любви), а на гитаре (символ беззаботных любовных походов).)

Эпизод охоты в «Войне и мире» рассмотрен А.М. Минаковой в статье «О функциях мифа в эпосе Л.Н. Толстого “Война и мир”» [8]. Однако эта статья лишь развивает известное сопоставление описания охоты и военных действий 1812 года, сделанное еще С.Г. Бочаровым и опирающееся на запись Толстого. Охотничий миф в статье понимается исключительно в общем плане («первобытный миф»), ритуальные подробности охоты не конкретизируются, сам термин «миф» смешивается с «обрядом». Вслед за Бочаровым, волк сопоставляется с французским нашествием, Кутузов как выразитель народного чувства — с охотником; при этом Ростовы, выезжающие на охоту, почему-то получают у автора статьи предпочтение перед Болконскими и Пьером Безуховым, которых автор ставит на одну доску с петербургским светом: «невозможно даже и подумать об участии в этом древнем магическом обряде князей Болконских или Пьера Безухова, не говоря уж о петербургском высшем свете» [8: с. 48–49]. Подумать, конечно, невозможно, особенно если учесть, что Андрей Болконский (ярко выраженный тип «садовника») даже накануне Бородинского сражения находит время напомнить о необходимости вегетарианства (в самом прямом смысле слова), а отношение

Болконского и Безухова к Наташе абсолютно лишено той брутальной семантики преследования, которым характеризуется отношение к Наташе Анатоля, в чьи сети Наташа и попадает после разгула охоты и святок. Так что князя Андрея и Пьера невозможно представить не только на месте Наташи и Николая Ростовых — участниками азартной загонной охоты, — но и на месте Левина, убивающего птиц.

Сон Пьера о преследовании его собаками инверсирует ситуацию загонной охоты: собаки символизируют не только греховные помыслы, но и мучительные неразрешимые вопросы, ответы на которые Пьер не находит ни в чтении философских трудов, ни в масонстве. Тут возможно сопоставление с охотничьей метафорой, излюбленной у Толстого и Тургенева для образной характеристики неотвязной мысли. Толстой, например, в письме В.П. Боткину и И.С. Тургеневу от 21 октября – 1 ноября 1857 г. пишет: «Гончие собаки подняли у меня под черепом мысль, которую гоняют с месяц» [14: т. XVIII, с. 496]. В рассказе для детей «Котенок» внезапное появление охотника с собаками перед не подозревавшим об опасности котенком и самоотверженный поступок Васи — та же метафора невозможности уйти от вопроса о соотношении свободы и необходимости, которому посвящен эпилог «Войны и мира»...

Охотничье соперничество Ростовых с Илагиным, превосходство дядюшкиного Ругая над ростовской Милкой и илагинской Ерзой могут быть соотнесены и с Калидонской охотой, причем в мифе спор из-за добычи после Калидонской охоты провоцирует войну, а в «Войне и мире», по мнению С.Г. Бочарова, сцены охоты проецируются на 1812 год. Метаситуация Калидонской охоты, т. е. такой охоты, на которой соперничество между охотниками переходит во вражду и войну, лежит в основе конфликта романа Д.Ф. Купера «Пионеры», где завязкой сюжета служит охота на оленя, причем один из охотников ранит другого. Толстой был прилежным читателем Д.Ф. Купера, не только мастера описаний охоты, но и мастера вариаций на романтическую тему любви дикарки и цивилизованного героя (или наоборот), и Патфайндер

(Следопыт), герой знаменитой куперовской пенталогии, упоминается в «Казаках» совершенно закономерно. Калидонская охота как сюжетная модель охоты, обернувшейся против самих охотников, вообще оказалась настолько устойчивой, что проникла даже в научную фантастику (например, рассказ С. Лема «Охота на “Сэтавра”»). У Толстого спор охотников заканчивается миром, прототипические же ситуации, например, поездка Толстого в 1865 году к известному своими охотничьими увлечениями и книгой об охоте Н.В. Киреевскому, наиболее подробно проанализированы в книге Т.Н. Архангельской (см.: [1: с. 98–107]).

В аспекте расстановки персонажей повесть «Казаки» может быть сопоставлена с «Пионерами» Купера (а не со «Следопытом»): Оленин — Оливер Эффингам, удалившийся от общества в леспустыню и воспринимаемый местными как таинственный «иностранец»; искусный охотник дядя Ерощка — Натти Бампо. «Мирным» горцам соответствует старый индеец Джон (Чингачгук). Что же касается «оленьей» темы, то «Казаки» явились еще одним произведением в русской литературе, связанным с мифом об Актеоне и Артемиде (наряду с «Рыцарем нашего времени» Н.М. Карамзина и поэзией Б.Л. Пастернака (см.: [3: с. 97–116]), однако полемичным по отношению к романтической концепции мифа (в том числе и к концепции куперовского романа, где охота на оленей завершается не наказанием, а наградой, счастливой женитьбой героя на своенравной героине, соответствующей мифологической Артемиде).

По интерпретации Вяч. Иванова, Актеон, двойник Загрея, «дикий горный охотник со сворой хтонических собак» [4: с. 77]; он «блуждал по горным дебрям и каменистым вершинам [...] в оленьей шкуре, ища кровавой добычи [...]». Он ипостась Омадия-Загрея, во имя которого растерзывались олени (или люди, изображавшие оленей), чтобы напитать причастников кровью самого бога» [4: с. 78]. Охотник Актеон также подвергается спарагмосу, растерзанию своими или Артемидиными собаками после того, как Артемиды превратила его в оленя, т. е. из охотника — в добычу, в наказание за хюбрис. Наиболее распространен вариант мифа, в котором хюбрис Актеона заключается в мифологическом «вуайеризме», попытке насилия

или намерении взять богиню в жены (подробнее об этой трактовке мифа см.: [9]). Проявляя хюбрис, Оленин решает посвататься к Марьяне, но, как и хюбристический охотник мифа, терпит крах, именно в связи с нарушением брачной стратегии, так что весьма завуалированный смысл сюжета восходит к любовно-охотничьему мифу. К «актеоновскому» контексту отсылает в «Казаках» и мотив взгляда, наблюдений Оленина за неприступной Марьяной, антитеза «взгляд Оленина» — нежелание Марьяны видаться с Олениным, многозначительная финальная фраза повести (когда Оленин уезжает, «ни старик, ни девка не смотрели на него» [14: т. III, с. 301]). Впрочем, мотив невидимости присутствует весьма часто в мифах о встрече охотника с богиней охоты (см., например: [15]). Объединение же (в силу антропонимической отсылки и посредством сравнительных конструкций) Оленина с «оленем» маркирует чуждость Оленина миру казаков, потому что олень связан с символизмом одиночества и чуждого, иного мира. «Основной тотемический мотив ликейского культа — преследование волками оленей. Оленями (*elaphoi*) зовутся обреченные чужеземцы в храме Ликейя, волками — жрецы [...]. Перед нами обломки и воспоминания древнейших культов, из коих развились народные представления о ликантропии, вера в вурдалачество» [4: с. 24].

Другая (при этом эксплицитная) мифологическая отсылка в «Казаках» — упоминание о Нимвроде. «Нимвродом египетским» называет Ерошку хорунжий. В Книге Бытия: «Сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом» (Быт. 10: 9). Нимврод, по Библии, великий охотник, но в Агаде он нечестивец, строитель Вавилонской башни, идолопоклонник и завоеватель, в исламе тоже нечестивец, посылающий стрелы в бога и нахально противящийся ангелу, который предлагает ему покаяние. Нимврод иногда отождествляется с Орионом греческого мифа, также охотником, вроде бы полюбившимся непреклонной девственнице Артемиде, однако убитым ею же, по ошибке, стрелой из лука. Другая версия мифа об Орионе такова: Орион похвалялся, что, будучи непревзойденным охотником, истребит всю дичь на земле, и разгневанная Гея наслала на него Скорпиона. Таким образом, в этом мифе также нашло свое отражение

хюбристическое поведение охотника, за которым последовало наказание. Однако в современной библеистике существует и метафорическая трактовка «ловца» и «охоты»: «Быть могучим на земле — вот поглощающая всю душу Нимрода страсть и его единственная задача в жизни. Но чтобы удовлетворить эту страсть, надо обладать тем самым качеством, которое обозначено в Библии: быть могучим в ловле напротив Бога. Слово “неврод” означает “восстать”, “подняться против”. Нимрод был могучим ловцом душ в сети своей власти, он сумел вывести душу человеческую из подвластности Богу в подвластность земных сил. Нимрод дал начало тому “суеверию власти” в душе, которое обличал Лев Толстой» [7: с. 20]. Таким образом, в «Казаках» тема хюбристического охотника имеет не только инициатическое (в отличие от, например, охотничьей инициации в «Детстве»), а и «антинаполеоновское» значение.

Во время работы над «Казаками» Толстой делает запись в дневнике: «Уж не чувство оленя, а мужа к жене» [14: т. XXI, с. 229]. Запись эта относится не к Оленину, а к самому Толстому, но с топом охоты она может быть связана на архетипическом уровне. Один из героев «Махабхараты», царь Панду стреляет во время охоты в совокупающихся оленей. Умиравший олень, оказавшийся на самом деле отшельником Киндамой, проклинает своего убийцу, предсказывая ему смерть в таких же обстоятельствах, в которых сам был ранен стрелой. Панду, естественно, не выдерживает запрета на секс и через некоторое время, забыв обо всем на свете, пытается обнять свою жену, в результате чего тут же умирает. Феноменология мифа о смерти Панду проанализирована в монографии А.М. Пятигорского [12], нам же остается поставить вопрос о метафорическом самоотожествлении с жертвенным оленем: ни самопожертвование Оленина в ипостаси оленя, ни хюбрис Оленина в ипостаси охотника не приносят удачи в любви. «Нелюбимым», как говорит Ерошка, оказывается герой «Казаков», оставляя своего автора в роли «охотника — архетипического персонажа, символизирующего поиск мимолетных ощущений и пути собственного спасения, а также постоянного движения во имя сохранения силы воли (в индуизме) на “колесе реинкарнаций”» [5: с. 313].

Рыцарский девиз Толстого «Делай, что должно, и пусть будет, что будет», тождественный индуистскому «незаинтересованному деянию», сохраняет свою силу и в применении к охоте.

Литература

1. *Архангельская Т.Н.* Л.Н. Толстой. Пути. Дороги. Лица. Орел: Орлик, 2005. 188 с.
2. *Еремеева Д.Н.* «В шляпке почти нет разницы, но в корне» (о «грибном» образе Вареньки в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // Материалы Толстовских чтений 2013 г. и Гороховских чтений 2013 г. в Государственном музее Л.Н. Толстого. М.: Оригинал-макет, 2014. С. 99–103.
3. *Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛО, 2011. 608 с.
4. *Иванов Вяч.И.* Дионис и прадионисийство / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 2000. 343 с.
5. *Кирло Х.* Словарь символов. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
6. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 416 с.
7. *Мардов И.Б.* Вавилонское грехопадение // Наука и религия. 1991. № 5. С. 16–21.
8. *Минакова А.М.* О функциях мифа в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. Г.А. Нерушенко. Тула: ТГПИ, 1992. С. 44–56.
9. *Михайлин В., Решетникова Е.* На оленя с рогаткой: генезис и эволюция мифа об Актеоне // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 104–117.
10. *Назиров Р.Г.* Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 292 с.
11. *Полтавец Е.Ю.* «Анна Каренина» в современной школе: «Полнота страдания и пустота счастья» // Литература. 2003. № 1. С.5–12.
12. *Пятигорский А.М.* Мифологические размышления: лекции по феноменологии мифа. М.: Языки рус. культуры, 1996. 280 с.
13. Словарь библейских образов. СПб.: Библия для всех, 2005. 1424 с.
14. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1978–1985.
15. *Чеснов Я.В.* Ночная игра со ставкой на женщину // Ночь. Ритуалы, искусство, развлечения / ред.-сост. Е.В. Дуков. М.: Ленанд, 2009. С.106–122.

References

1. *Arxangel'skaya T.N.* L.N. Tolstoj. Puti. Dorogi. Licza. Orel: Orlik, 2005. 188 s.
2. *Eremeeva D.N.* «V shlyapke pochti net razniczy', no v korne» (o «gribnom» obraze Varen'ki v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina») // *Materialy' Tolstovskix chtenij 2013 g. i Goroxovskix chtenij 2013 g. v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo.* M.: Original-maket, 2014. S. 99–103.
3. *Zholkovskij A.K.* Poe'tika Pasternaka. Invarianty', struktury', interteksty'. M.: NLO, 2011. 608 s.
4. *Ivanov Vyach.I.* Dionis i pradionisijstvo / pod obshh. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Aletejya, 2000. 343 s.
5. *Kirilo H.* Slovar' simvolov. M.: Centrpoligraf, 2007. 525 s.
6. *Makovskij M.M.* Sravnitel'ny'j slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskix yazy'kax. M.: Vlados, 1996. 416 s.
7. *Mardov I.B.* Vavilonskoe grexopadenie // *Nauka i religiya.* 1991. № 5. S. 16–21.
8. *Minakova A.M.* O funkciyax mifa v e'popee L.N. Tolstogo «Vojna i mir» // *Tolstovskij sbornik: mezhvuzovsk. sb. nauch. tr. / otv. red. G.A. Nerushenko.* Tula: TGPI, 1992. S.44–56.
9. *Mixajlin V., Reshetnikova E.* Na olenya s rogakoj: genesis i e'voljuciya mifa ob Akteone // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2011. № 107. S. 104–117.
10. *Nazirov R.G.* Stanovlenie mifov i ix istoricheskaya zhizn'. Ufa: GUP RB Ufimskij poligrafkombinat, 2014. 292 s.
11. *Poltavetcz E.Yu.* «Anna Karenina» v sovremennoj shkole: «Polnota stradaniya i pustota schast'ya» // *Literatura.* 2003. № 1. S. 5–12.
12. *Pyatigorskij A.M.* Mifologicheskie razmy'shleniya: lekicii po fenomenologii mifa. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. 280 s.
13. *Slovar' biblejskix obrazov.* SPb.: Bibliya dlya vsej, 2005. 1424 s.
14. *Tolstoj L.N.* *Sobr. soch.:* v 22 t. M.: Xud. lit., 1978–1985.
15. *Chesnov Ya.V.* Nochnaya igra so stavkoj na zhenshhinu // *Noch'. Ritualy', iskusstvo, razvlecheniya / red.-sost. E.V. Dukov.* M.: Lenand, 2009. S. 106–122.

М.Б. Лоскутникова,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: maria.loskutnikova@mail.ru

Образы «дворянского гнезда» в знаковой системе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»

Символический образ «гнездо» проходит через все творчество И.С. Тургенева. В статье рассмотрены системные знаковые черты этого образа в романе «Отцы и дети». Показано, как аллегорически однозначное понятие «семья» символически развито в идее «гнездо». Местом действия в произведении становятся три «дворянских гнезда», в которых живут братья Кирсановы, сестры Анна Одинцова-Локтева и Екатерина Локтева и супруги Базаровы. В этих трех образах «дворянских гнезда» писатель отразил ценности духовной среды и эпохи. Одновременно И.С. Тургенев выявил разницу в миропонимании героев-современников, принадлежащих по рождению к одному сословию. Воссоздавая постоянное и изменяющееся во взаимоотношениях «отцов» и «детей», писатель укрупнил эпические доминанты бытия.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; роман «Отцы и дети»; образ «гнездо»; символика идеи и аллегория понятия.

M. Loskutnikova

Images of «a Nest of Noble Family» in Sign System of I.S. Turgenev's Novel «Fathers and Children»

The symbolical image of «nest» passes through I.S. Turgenev's all creativity. System sign features of this image in the novel «Fathers and Children» are considered in the article. It is shown, how the allegorically unequivocal concept «family» is symbolically developed in the idea of «nest». Three «nests of noble families» in which there live Kirsanov brothers, Anna Odintsov-Lokteva and Ekaterina Lokteva sisters, and Bazarov spouses become a scene of action in the creation. In these three images of «a nest of noble family» the writer had reflected values of spiritual environment and epoch. Simultaneously I.S. Turgenev revealed a difference in outlook of the heroes-contemporaries belonging on a birth to the same estate. Via recreating of constant and changing lines of interrelations

of the «fathers» and the «children» the writer had integrated epic dominants of life.

Keywords: I.S. Turgenev; novel «Fathers and Children»; image of «nest»; symbolics of idea and allegory of concept.

Одним из наиболее стойких и последовательно фиксируемых знаков в творчестве И.С. Тургенева является символ «гнездо» (в первую очередь как «дворянское гнездо»). Символическая полисемия мотивов, связанных с обращением к этому знаку, достигается путем его понятийного маркирования и идейного развития этого образа и его ипостасей.

В данной статье мы предельно общо осветим происхождение и становление образа «дворянское гнездо» в судьбе, эпистолярной и прозе И.С. Тургенева, а также отметим системно-знаковые черты этого образа в романе «Отцы и дети».

Метафорически-метонимический знак «гнездо» в жизни, творчестве и эпистолярной И.С. Тургенева

Появлению и укоренению в сознании и творчестве Тургенева метафорически-метонимического знака «гнездо» способствовало его использование, принятое в родном доме в Спасском. Это обозначение широко употреблялось матерью писателя — Варварой Петровной, о чем красноречиво свидетельствуют ее письма 1838–1844 годов, недавно введенные в научный и читательский обиход. По данным публикатора этих писем и их комментатора Е.Н. Левиной, «слово-образ “гнездо”» упоминается в письмах Варвары Петровны более 20 раз (здесь и ниже: [2: с. 13, 14, 12]). В обращении к этому знаку обнаруживаются стойкие приоритеты в понимании В.П. Тургеневой жизненных ценностей, которые она продолжала внушать своему взрослому младшему сыну. Отсюда полисемия образа, связанного с «наследственным семейным представлением»: «”дом”, “жилище”, “усадебка”, “семья”, “судьба”». В целом же, констатирует исследователь, можно предположить, что в эпистолярной, обращенной к матери, «Тургенев “подстраивался” под стиль Варвары Петровны,

стремился изъясняться с ней на понятном ей языке и в привычной для нее манере».

В произведениях Тургенева это обозначение появилось в 1847 году в рассказе «Мой сосед Радилов». В нем писатель оставил свидетельства того, как возникали «дворянские гнезда»: «Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями» [3: т. III, с. 50].

Определение «дворянское гнездо» творчески закрепилось в одноименном романе (1858, опубл. в начале 1859 года). Этот второй роман писателя был одобрительно встречен критикой и восторженно — публикой. В конце жизни, в «Предисловии к романам» (1880), Тургенев вспоминал, что произведение пользовалось самым большим успехом, который он когда-либо переживал [3: т. IX, с. 391]. Вынесенный в заглавие образ пройдет с писателем по всем творческим путям. Содержанием этого знака станет жизнь русского общества, прежде всего помещного. Образ дома, история рода героя (или героев), корни и крона его фамильного древа каждый раз позволяли писателю высветить характеры в той их полноте, которая множит романную многоярусность, нарастающая мотивную полифонию.

Многokrатно обозначение «гнездо» встречается и в письмах Тургенева; особенно интенсивно в 1856–1858 годах, когда писатель задумывает и создает роман «Дворянское гнездо», а в дальнейшем в первой половине 1860-х годов. Например, в письме Е.Е. Ламберт от 3 (15) ноября 1857 года Тургенев подчеркивал: «теперь каждому надобно быть в своем гнезде», и продолжал: «В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду отсюда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не барином» [4: письмо 650].

В любовной линии романа «Дворянское гнездо» нашли отражение жизненные перипетии и переживания Тургенева, связанные с его глубоко драматической любовью к выдающейся певице Полине Виардо, с которой он познакомился в 1843 году. В письмах

из Парижа, датируемых концом 1856 года, Тургенев сетует на свою жизнь: «до сих пор я не свил себе хотя временного гнезда» (С.Т. Аксакову, 1 (13) ноября 1856 года); «Не знаю, что предстоит мне в будущем <...>! Осужден я на цыганскую жизнь — и не свить мне, видно, гнезда нигде и никогда!» (А.В. Дружинину, 5 (17) декабря 1856 года) [4: письма 539, 554]. (Ср. со словами одного из значимых персонажей романа «Дворянское гнездо» — Глафиры Петровны Лаврецкой, которая в день изгнания ее из Лавриков, спровоцированного молодой женой героя, Варварой Павловной, произносит пророческие слова: «Знаю, кто меня отсюда гонит, с родового моего гнезда. Только ты помяни мое слово, племянник: не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век». [3: т. VI, с. 49]).

С гнездом как семейным домом Тургенев связывает представления о счастье. Отсутствие семьи заставляет его, 38-летнего человека, чувствовать себя старым и глубоко несчастным, о чем он пишет брату и сестре Толстым: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя <...> я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье — или, говоря яснее — с мечтой о веселости, происходящей от чувства удовлетворения в жизненном устройстве» (Л.Н. Толстому из Парижа, 8 (20) декабря 1856 года); «мне было горько стареться, не изведав полного счастья — и не свив себе покойного гнезда» (М.Н. Толстой из Парижа 25 декабря 1856 года (6 января 1857 года)) [4: письма 555, 561]. В эпистолярии этого периода звучат не только грусть и тоска по несостоявшемуся счастью. Так, в письме Н.А. Некрасову от 12 (24) августа 1857 года Тургенев произносит приговор самому себе и собственному жизненному устройству: «Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого» [4: письмо 628].

Позже, в письмах начала 1860-х годов, Тургенев с любовью пишет о Спасском. Однако его, человека, недавно переступившего черту 40-летия, не отпускает ощущение наступившей старости, и оно, в представлении писателя, созвучно почтенному возрасту родового дома: «Вот и я попал наконец в свое *старое* гнездо» (П.В. Анненкову, 8 (20) июня 1862 года); «вот уже пятый

день, как я опять в моем *старом* домике, перед моим *старым* столом, на *старом* моем кресле (и сам я на нем сижу *старый*, — мог бы я прибавить)»; возвратился «в мое знакомое и все-таки пустое гнездо» (Е.Е. Ламберт, 9 (21) июня 1862 года) [5: письма 1343, 1345] (курсив мой. — М. Л.). Радость Тургеневу доставляют послания Полины Виардо: «не знаю, как вас благодарить за те два письма, что я нашел на своем столе. Мне показалось, что мое *старое* гнездо озарилось светом» (6 (18) июня 1862 года) [5: письмо 1342] (курсив мой. — М. Л.).

Символический знак «гнездо» Тургенев использует и в отношении других лиц, сочувствуя им в их неурядицах или радуясь за них: «Я очень рад, что Вы снова возвращаетесь в свое степное гнездо» (А.А. Фету, 26 января (7 февраля) 1863 года); «Продажа Вашего дома, которую я вполне понимаю, смутила меня в том отношении, что я не могу связать теперь с мыслью об Вас никакого “гнезда”; да и сверх того, мне жалко Вашего прежнего гнезда, в котором я провел столько приятных часов» (Е.Е. Ламберт, 6 (18) июля 1863 года); «Я искренно сочувствую твоему положению: тяжело не иметь гнезда в такое время, когда, кроме гнезда, ничего уже не нужно» (В.П. Боткину, 10 (22) октября 1863 года) [5: письма 1428, 1468, 1512].

Со временем, подталкиваемый тем обстоятельством, что семья Виардо весной 1863 года приняла решение переехать в Баден-Баден, Тургенев на несколько лет связал свою жизнь с этим немецким городом и полюбил его. Так, в письме Е.Е. Ламберт от 26 марта (7 апреля) 1864 года Тургенев, находясь в Париже, признавался: «Я приехал сюда через Баден, где я провел дней десять самым приятным образом. Оттого ли, что мои требования стали меньше, оттого ли, что там мое настоящее гнездо, — только я замечаю, что с некоторого времени счастье дается мне гораздо легче, несмотря на общее потускнение колорита <...>. Хорошо мне там живется!» [5: письмо 1596]. Ощущая себя неуютно в Париже, Тургенев в письме к Полине Виардо, означенном датой «27 ноября 1863 года», замечает, говоря о Баден-Бадене: «[ничто] не мешает мне <...> вернуться в мое любимое гнездо» [5: письмо

1518]. Не только свой дом в курортном немецком городе, но и дом Виардо — это, в представлении писателя, «баденское гнездышко», «милое гнездышко» (28 января (9 февраля) 1864 года; 3 (15) февраля 1864 года) [5: письма 1563, 1567].

Таким образом, метафорически-метонимический знак «гнездо» пульсировал в повседневной обыденности Тургенева, становясь символическим мерилем личных горестей и радостей. Он жил в творческом сознании писателя, преобразовавшись в романе «Дворянское гнездо» в форму осмысления не только индивидуального присутствия человека в мире, но и русского национального бытия.

Этот знак будет органичен для творчества Тургенева и в дальнейшем — прежде всего когда писатель в 1859 году будет работать над третьим романом «Накануне». Своей героине Елене Стаховой, начавшей вскоре после знакомства с Дмитрием Инсаровым вести дневник, писатель телеологически «поручает» выразить представления о поисках жизненных целей и связанном с ними понимании счастья: «у него [Инсарова] есть дорога, есть цель — а я, куда я иду? где мое гнездо?» [3: т. VI, с. 226]. Кроме того, в суждения Берсенева, мысленно расстающегося с Еленой, Тургенев вложил слова, практически полностью повторяющие его собственные из приведенного послания Н.А. Некрасову, написанные за два года до активной работы над романом: «Что за охота лепиться к краешку чужого гнезда?» [3: т. VI, с. 264].

Таким образом, понятие «гнездо» является для Тургенева одним из важнейших ценностных ориентиров, что отмечается как в его эпистолярии, так и в прозе 1850-х годов. Определение, совокупно переименовывающее знаки семьи и полноты семейного бытия, счастливого и тем естественного устройства жизни, вписано как в мировоззренческие представления писателя, так и в создаваемые им художественные (прежде всего романские) миры.

Знаково-архитектонические принципы романа «Отцы и дети»

В четвертом романе «Отцы и дети», созданном в 1860–1861 годах, образ «гнездо» заложен автором в сюжетообразующий фундамент произведения, в силу чего романскими центрами станут три «дворянских гнезда»¹.

Работая над новым художественным целым, Тургенев проявляет себя как автор, который прошел значимый для себя путь и знает, что нашел героя-современника: яркого и сильного характером, при этом неоднозначного, и более того, радикально настроенного. Евгений Базаров — молодой исследователь, завершивший основной курс обучения на медицинском факультете университета и уже имевший опыт врачебной практики. Он уверен в себе и в своих силах и со спокойной-равнодушным вызовом аттестует себя нигилистом. Тургеневу важно не только то, как героя воспринимают окружающие, — с восхищением или с опаской, с уважением или с ненавистью, с подлинным вниманием к его талантам и мнению или с эпигонским и лакейским подражательством и пр. Писателю важна уверенность Базарова в том, что он знает цену всему и всем.

Базаров, как аргументированно показано С.И. Кормиловым [1: с. 399], — дворянин. Но, демонстративно не считаясь как с собственной сословной принадлежностью, так и с сословной принадлежностью других людей, молодой человек и в себе, и в окружающих признает лишь личные качества. Именно с этого начинается если не нигилизм, то «самостоянье» Базарова — что противоречит устоявшейся в литературоведении точке зрения. Однако Евгений Базаров по отцу действительно является дворянином «во втором поколении», поскольку Василий Иванович Базаров имеет орден Св. Владимира, согласно статуту которого,

¹ На логику романной мысли Тургенева и ее значимую контрастность в изображении трех «фамильных гнезд» в середине XX века обратил внимание R. Freeborn. Исследователь указывал на различие статуса дворянских усадеб: «неустроенное» Марьино (буквально: «бедствующее» — «the poverty-stricken Mar'ino»), «роскошное» Никольское («the luxurious Nikol'skoye») и «скромное» жилище стариков Базаровых (буквально: «смирненное» — «humble estate») [7: p. 71].

лица, награжденные этим орденом, с 1845 года получали вместе с ним право на потомственное дворянство. Да и мать героя, как отмечает повествователь в романе, — «настоящая русская дворяночка прежнего времени» [3: т. VII, с. 124, 113]. Эти сведения о герое и его семье представлены автором вскользь, но неоднократно. Так, в разговоре с Аркадием Кирсановым Василий Иванович рассказывает о себе и о жене Арине Власьевне: «я ведь <...> не из столбовых, не то, что моя благоверная» [3: т. VII, с. 115]. Нюансы, связанные с сословной принадлежностью Евгения Базарова, справедливо раскрыты в указанной статье С.И. Кормилова.

Поделив роман на 28 глав и объединив их мыслью о Базарове (который появляется или о котором говорится практически на протяжении всего произведения, кроме глав I и VIII), Тургенев в развитии действия текстуально выделил три романских ядра. На первом этапе это пребывание Базарова вместе с близким товарищем Аркадием Кирсановым в его родном доме в Марьине (главы IV–XI); затем это более чем двухнедельное пребывание, также с Аркадием, в гостях у Анны Сергеевны Одинцовой в ее имении Никольское (главы XVI–XIX); наконец это краткосрочное посещение, также вместе с Аркадием, родительского дома (главы XX–XXI). Испытывая, таким образом, в своем герое сначала крепость и силу его убеждений, духовную зрелость, затем способность чувствовать и любить и наконец, насыщенность сыновней привязанности, Тургенев показывает существенные качества Евгения Базарова. Бытие героя в трех «дворянских гнездах» высвечивает разные грани его личности, что позволило писателю последовательно сформировать его целостный (хотя и подчеркнуто противоречивый) образ. Внешний сюжетно-фабульный контур при этом очерчен как «путешествие» двух друзей — старшего (признаваемого за наставника и учителя) и младшего (признающего себя учеником, ведомым).

Иными словами, знаково-архитектоническое внимание автора сосредоточено на романских центрах — «дворянских гнездах». Именно такой подход позволяет укрупнить сюжетные линии «Евгений Базаров – Павел Петрович Кирсанов», «Евгений Базаров – Анна Сергеевна Одинцова», «Евгений Базаров – его родители». Во всех этих романских средах герой поначалу показан вместе с приятелем

Аркадием, а также комически (сатирически) подсвечен образом ученика-эпигона Ситникова, который вводится в структурную организацию произведения между пребыванием Базарова в разных «дворянских гнездах»: между жизнью в Марьино — и затянувшимся визитом героя в Никольское и затем между этим визитом в Никольское — и отъездом в дом своих родителей. В качестве же онтологического и аксиологического обоснования Тургенев вводит сюжетную линию «отец – сын» (прежде всего Николай Петрович Кирсанов – Аркадий Кирсанов), а затем в качестве соединительной ткани помещает боковые сюжетные линии, в первую очередь любовные (Николай Петрович Кирсанов – Фенечка, Павел Петрович Кирсанов – княгиня Р. и Фенечка, Аркадий Кирсанов – Катя Локтева). Сюжетно-значимым фоном дана и фабульно лишь намеченная связь «Анна Сергеевна Одинцова — Евдоксия (Авдотья Никитишна) Кукшина».

Проблемно-сюжетное содержание указанных романских центров находит кульминационное разрешение в художественно-семиотическом наполнении глав XXII–XXVII, устремленных к финалу и переходящих в него, когда Базаров вновь, но уже без Аркадия, перемещается тем же путем — по тем же «дворянским гнездам», что и в начале романа: Марьино – Никольское – деревушка родителей.

Особой (и, как принято у Тургенева, обязательной) составляющей романного целого является эпилог (глава XXVIII). В эпилоге, т. е. за пределами земного пути Базарова, Тургенев указывает на судьбоносные исходы в жизни каждого крупно выписанного персонажа: от имеющих статус героев Павла и Николая Петровичей Кирсановых, Аркадия и Одинцовой — до обретших с уходом сына периферийное значение образов родителей Базарова. Внимания автора в эпилоге удостоены и второстепенные в сюжетном развитии фигуры — Фенечка и Катя, а также эпизодические персонажи — эпигоны Базарова (Ситников и Кукшина), сановник Колязин. Упоминания удостоен даже внесценический Елисеич. Значимость мысли о «дворянском гнезде» отражена в прощальном взгляде автора не только на центральных героев, но и на второстепенные, эпизодические и даже внесценические лица. Тургенев на протяжении всего романного целого показывал, что

неотъемлемой частью существования «дворянских гнезд» являются слуги. Петр и Прокофьич, упомянутые в том числе в эпилоге, иронически и антитетически персонифицируют идеи «нового» и «уходящего» в той части «дворянских гнезд», которая, как правило, скрыта от наблюдателя, но не осталась без внимания Тургенева. В эпилоге писатель посчитал необходимым отметить и разрастание «дворянских гнезд» за счет нового поколения, указав не только на Митю (Дмитрия Николаевича), но и Колю (Николая Аркадьевича) Кирсановых.

Первое «дворянское гнездо» и организующая романное целое идея «Отцы и Дети»

В основание здания романного целого заложены экспозиционные сцены (главы I–III), в которых представлена первая «пара» в цепи поколений: в отношениях Аркадия и охваченного всеобъемлющим чувством отцовской любви Николая Петровича показана неразрывная, трогательная, не подчиняющаяся времени и возрасту связь Отца и Сына. Тем самым Тургеневым провозглашена идея основополагающей нормы человеческих отношений — внутрисемейной всеподчиняющей любви, нерасторжимости кровнородственной природной взаимозависимости, помноженной на эмоционально-духовные составляющие. В понимании писателя, неизбывная связь «Отцы и Дети» предполагает укорененную в человеческой истории органическую потребность личного общения, которая сопровождается в том числе такими проявлениями в эмоционально-психологической сфере членов семьи, как родительское прощение при невнимании к ним детей и необходимость сыновнего понимания слабостей старшего поколения.

Значимость такого рода экспозиционной мысли чрезвычайно важна для сюжетного развития романа. В свете этого отношения Базарова с родителями, отнесенные автором к романной перспективе, по-своему не менее трогательные, хотя и лишённые сыновнего

терпения, изначально соотнесены с отношениями Аркадия и Николая Петровича. При этом в обоих случаях: как во взаимоотношениях Кирсановых, так и во взаимоотношениях Базаровых — Тургенев являет норму-идеал: гордость Отцов за своих Детей и неустанную тревогу за них. В этом, утверждает писатель, основа и смысл самой жизни. В результате линия «Николай Петрович — Аркадий» проходит пунктиром через весь роман, «прошивая» художественную ткань произведения насквозь и активно способствуя как созданию художественного целого, так и расстановке концептуальных акцентов в разработке образа главного героя.

У первого «дворянского гнезда», изображенного в романе, Марьины (главы IV–XI), есть и другие, говорящие, названия: «Новая слободка тож, или, по крестьянскому наименованью, Бобылий хутор» [3: т. VII, с. 17]. Вторая дополнительная номинация, указывающая на изменения в характере хозяйствования, и третья, также дополнительная, красноречиво свидетельствующая о хозяине поместья как об одиноком (бессемейном) человеке, очевидно, ведущем скромный образ жизни, вполне характеризуют Николая Петровича.

Мучимый мыслью о том, как рассказать Аркадию, что у него появился младший брат, Николай Петрович с благодарностью принимает оценку молодым человеком его союза с Фенечкой: «сын отцу не судья» [3: т. VII, с. 23]. Аркадий тоже ищет свою линию поведения. Так, в день приезда домой он ведет себя «с излишней развязностью», да и его дядя Павел Петрович отмечает, что тот «s'est dégourdi [стал развязнее]» [3: т. VII, с. 20, 19]. Однако взаимная любовь и взаимное уважение Николая Петровича и Аркадия помогают им понять друг друга. Отец особенно благодарен взрослому сыну за выражение «ласкового и доброго торжества» на лице, когда тот, встретившись (и достаточно неожиданно) с маленьким братом, поцеловал ребенка и, вернувшись к отцу, «бросился ему [Николаю Петровичу] на шею» [3: т. VII, с. 23, 24]. Для достижения прозрачной ясности этой последней сцены Тургенев вводит сопровождающие изображение замечания повествователя, указывающего на неразрывность кровнородственных

и духовных уз: «Отец и сын вышли на террасу», «Отец и сын одинаково обрадовались» [3: т. VII, с. 22, 24].

Несмелой радости ободряющего сближения Отца и Сына не мешают даже природные условия Марьино и окрестностей, хотя эти «места <...> не могли назваться живописными» [3: т. VII, с. 15]. Ни ландшафт, ни процессы социальной жизни не вызывают восхищения и удовлетворения. Аркадий констатирует: родные места — «небогатый край», в котором ничто «не поражает <...> ни довольством, ни трудолюбием» [3: т. VII, с. 16]. Однако чувство близости родного дома пересиливает все грустные наблюдения, и молодой человек восклицает: «Какой зато здесь воздух! Как славно пахнет! Право, мне кажется, нигде в мире так не пахнет, как в здешних краях! Да и небо здесь...» [3: т. VII, с. 14]. В свою очередь повествователь показывает, что в жизни отца и сына Кирсановых «весна брала свое» [3: т. VII, с. 16].

Марьинская усадьба, созданная в результате хозяйственных нововведений Николая Петровича и его размежевания с крестьянами (что стало актом личного гуманистического волеизъявления владельца поместья еще до отмены крепостного права), оказалась устроенной очень неудачно — в поле, «совершенно ровном и голлом» [3: т. VII, с. 21]. Во всем очевидно отсутствие у владельца Марьино такого опыта хозяйствования. В Марьине еще не разрослись деревья и от летней жары можно укрыться только в небольшом и условно замкнутом пространстве, среди кустов сирени, — в сиреновой беседке [3: т. VII, с. 21]. Само же «недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо, трещало, как доделанная мебель из сырого дерева» [3: т. VII, с. 35].

В марьинском доме повествователь ненавязчиво отмечает не столь явные, как в расположении всей усадьбы и в ее благоустройстве, но также очевидные несоответствия и даже контрасты. Так, входя в комнаты, хозяева и гости попадают в «темную и почти пустую залу», хотя она убрана «уже в новейшем вкусе» [3: т. VII, с. 17]. Демонстративный аристократизм Павла Петровича, сопровождаемый предметным указанием («изящный кабинет» с «красивыми обоями <...>, с ореховой мебелью,

<...> с библиотекой renaissance <...>, с бронзовыми статуэтками на великолепном письменном столе» и др.), соседствует с мещанским настороженным покоем Фенечки и ее полугодовалого ребенка, помещенными за «низенькою дверью», в «небольшой, низенькой комнатке», где пахнет «ромашкой и мелиссой», а над фотографией молодой женщины (расположенной рядом с «фотографическими портретами Николая Петровича в разных положениях») — никак не связанный с нею официальный портрет генерала А.П. Ермолова, поданный с теплой иронией: генерал «грозно хмурился на отдаленные Кавказские горы, из-под шелкового башмачка для булавок, падавшего ему на самый лоб» [3: т. VII, с. 40, 35, 36, 37]. Полярность миров Павла Петровича и Фенечки усилена кругом их чтения: если Павел Петрович с возрастом «стал читать, все больше по-английски» (поскольку «всю жизнь свою устроил на английский вкус»), то на комод в комнате Фенечки лежит «замасленная книга» — «разрозненный том *Стрельцов* Масальского» [3: т. VII, с. 33, 37].

Сам знак гнезда как дома и семьи связан прежде всего с изображением владельца имения, Николая Петровича, «агронома и хозяина» [3: т. VII, с. 56], каковым он сам себя видит. Терпеливый и всепонимающий Николай Петрович, читающий Пушкина и играющий на виолончели, в вечер после «схватки» между братом и Базаровым долго не может прийти в себя. Ему представляется, что Аркадий, безоговорочно принявший младшего сводного брата, тем не менее безудержно отдалается от него — своего отца. Поэтому на глаза Николая Петровича «навертывались слезы, беспричинные слезы» — и «это было во сто раз хуже виолончели» [3: т. VII, с. 56]. В результате он долгое время не может решиться войти в свой дом — «в это мирное и уютное гнездо» [3: т. VII, с. 56].

Словом, изображение Марьины и жизни в нем, неброской и скромной, пронизано внутренними сдержанными противоречиями. Все природные и предметные картины нацелены на воссоздание смутного соединения, с одной стороны, жизненной данности, а с другой — гнетущих воспоминаний, робких мечтаний и нерешительных планов. Это сочетание исполнено глубокого драматизма, однако не лишено налета легчайшей авторской иронии.

В полифоническом изображении этого «дворянского гнезда» элегия уходящего переплетена с едва намечающимся предчувствием новой жизни.

Второе «дворянское гнездо» и его сопоставление с первым

В главах XVI–XIX Тургенев показывает продолжающееся «путешествие» двух друзей (точнее — учителя и ученика): это более чем двухнедельное пребывание Базарова, также с Аркадием, в гостях у Анны Сергеевны Одинцовой, в ее имении Никольское. Так возникает второй романский центр — второе «дворянское гнездо».

Описывая Никольское, автор подчеркивает его разительную непохожесть на Марьино. Сколь Марьино (как природная среда, строения, убранство дома) неброско или, по замечанию Базарова, «неказисто» [3: т. VII, с. 21] и еще только требует разумной финансово-обеспеченной и распорядительной хозяйственности, столь Никольское упорядочено и завершено в заложенных в него хозяйских идеях. Тургенев последовательно проводит сопоставление нерукотворно-природного и рукотворно-предметного комплекса двух «дворянских гнезд».

Никольское — богатая усадьба, устройство которой очевидно организовано волей ее покойного владельца, не знавшего финансовых проблем и материальных тупиков. Продуманное местоположение (усадьба расположена «на пологом открытом холме»), единство архитектурного ансамбля (опорные строения которого — господский дом и церковь — созданы «в одном стиле»), грамотное ландшафтное решение внутриусадебного пространства (с присоединением к дому «старинного сада» и «аллеи стриженных елок») [3: т. VII, с. 75, 76] — всё было актом безусловно осуществленных распоряжений мужа Одинцовой. В результате, поскольку он как владелец Никольского не допускал «никаких пустых и самопроизвольных <...> нововведений» [3: т. VII, с. 76], его усадьба явила образец достоинства и дорогой умеренности.

Писатель подводит к пониманию того, что незыблемость правил, исповедуемых покойным Одинцовым, разделила и его жена. В силу этого «в доме видимо царствовал порядок» [3: т. VII, с. 76]. Однако Тургенев вносит в описание дома в Никольском иронические ноты. Действительно, констатация того, что «всё было чисто», сопровождается сдержанно-насмешливым уточнением: «всюду пахло каким-то приличным запахом, точно в министерских приемных», а в описание «просторной, высокой комнаты», куда для встречи с хозяйкой были приглашены Базаров и Аркадий, внесено замечание: хотя комната и была убрана «довольно роскошно», она не отличалась «особенным вкусом» [3: т. VII, с. 76].

На первый взгляд, Никольское и Марьино роднит соединенность в них близких родственников. В Никольском живут две сестры — Анна Сергеевна и двадцатилетняя Катя, а в Марьине — два брата: хозяин имения Николай Петрович и присоединившийся к нему Павел Петрович. Вместе с тем в обоих «дворянских гнездах» живут по три разных взрослых человека. И хотя как появление рядом с Анной (еще до ее замужества) и Екатериной Локтевыми старой княжны Авдотьи Степановны Х... ой, сестры их матери, так и появление в доме Николая Петровича Фенечки вызвано жизненной необходимостью, природа этой необходимости различна. Если присутствие Фенечки дорого Николаю Петровичу (при этом и ему же самому неясны жизненные перспективы подобного соединения с матерью своего младшего сына), то присутствие в Никольском старой княжны — не более чем дань традиции: и Анна Сергеевна, и Катя в отношении тетушки предупредительны, но даже бытовой диалог с нею оказывается невозможным. Старая княжна в Никольском — скорее часть интерьера, чем живой человек. Эту ее функцию Тургенев подчеркивает указанием на определенный предмет мебели. Так, в гостиной у княжны есть свое место — «широкое бархатное кресло, на которое никто, кроме ее, не имел права садиться», и в столовой у княжны строго фиксированное положение в пространстве — «обложенное подушками, также заветное, кресло» [3: т. VII, с. 79, 80].

Таким образом, очевидно, что соединение трех разных людей в Марьине и еще более разных людей в Никольском достаточно

случайно. В каждом из обоих «дворянских гнезд» собралась не одна семья, а люди, оказавшиеся втянутыми на жизненную орбиту Николая Петровича, равно как и Анны Сергеевны, и они предоставили пристанище своим родственникам. Иными словами, семьи в Никольском и Марьине носят расширительно-условный (хотя и совершенно различный) характер.

Наделив свою героиню фамилией Одинцова (по мужу), Тургенев стремится подчеркнуть, что доминирующая в ней сдержанность — данность скорее благоприобретенная, чем полученная при рождении. Урожденная Локтева, Анна, оставшись после смерти матери, а потом и отца без средств к существованию, к тому же не отказавшись от двенадцатилетней сестры Кати и «исподволь занимаясь [ее] воспитанием» [3: т. VII, с. 73], сознательно шла к тому, чтобы обрести достаток в браке с любимым Одинцовым. Тургенев затрагивает драму женщины, которой и в дальнейшем «не удалось полюбить» — в том числе потому, что супружество, прекратившееся со смертью Одинцова, оставило в сознании и в душе героини только «тайное отвращение ко всем мужчинам» [3: т. VII, с. 84]. При этом писатель подчеркивает, что матримониальный выбор героини не был вульгарным: хотя «положение Анны после смерти отца было очень тяжело», она не вступила бы в этот брак по расчету, если бы не считала будущего мужа «за доброго человека» [3: т. VII, с. 72, 84].

Одинокость Одинцовой наиболее очевидно высвечивается с помощью детали — «одинокой лампы» [3: т. VII, с. 89]. Эта предметная деталь будет настойчиво, хотя и пластически неповторимо актуализироваться Тургеневым. Сама предкульминационная во взаимоотношениях Одинцовой и Базарова сцена — их разговор о счастье и любви, об их схожести и особенностях — протекает в обстановке, когда «лампа тускло горела посреди потемневшей, благовонной, уединенной комнаты» [3: т. VII, с. 92]. Автор последовательно настаивает: аналитический ум Анны Сергеевны требует света, поэтому даже после ухода Базарова «лампа еще долго горела в [ее] комнате» [3: т. VII, с. 94].

Фоном для личной драмы Базарова становится история счастливых отношений Аркадия и Кати. Причем Тургенев подчеркивает, что

достоинства Кати первым разглядел если не цинично, то негативно и деструктивно настроенный Базаров, указавший приятелю, что эта девушка — настоящее «чудо», вполне поэтически заметивший, что в ней всё «свежо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо» [З: т. VII, с. 83]. Более того, в течение всего пребывания в доме Одинцовой Базаров «Катю <...> хвалил по-прежнему и только советовал [Аркадию] умерить в ней сентиментальные наклонности» [З: т. VII, с. 86–87].

Так, не веря ни в любовь, ни в брак, и даже вообще, казалось бы, нигилистически не принимая их в расчет, Базаров точно предугадывает судьбу Аркадия и в целом тот жизненный путь, который дает человеку полноту бытия, который и всё остальное в индивидуальных судьбах делает более насыщенным, цельным, значимым. Однако себя, идущим по этому пути, Базаров не видит не только в силу убеждений, сколько в силу обретенного им и потрясшего его до основания, но не разделенного избранницей чувства любви.

Третье «дворянское гнездо» как дом и семья героя

Три дня — после трех лет отсутствия — провел Евгений Базаров вместе с присоединившимся к нему Аркадием в родительском доме (главы XX–XXI). В отличие от крепкого «нового деревянного дома, <...> покрытого железною красною крышей» в Марьине и «великолепного, отлично убранного» каменного дома под зеленой крышей в Никольском, базаровский «дворянский домик под соломенной крышей» мал и скромн, как и сама безымянная «небольшая деревушка», принадлежащая матери Евгения Базарова [З: т. VII, с. 17, 73, 75, 105]. Если Николай Петрович Кирсанов владеет «хорошим имением в двести душ», то во владении Арины Власьевны Базаровой двадцать две души [З: т. VII, с. 7, 108]. Василий Иванович Базаров, начавший было расточать велеречивые извинения перед Аркадием по поводу отсутствия комфорта, был остановлен сыном: «Кирсанов очень хорошо знает, что мы с тобой не Крезы и что у тебя не дворец» [З: т. VII, с. 108].

Базаровское родовое «гнездо» — дом, построенный дедом Евгения, отцом Арины Власьевны. Воспоминания героя сводятся к двум годам жизни в нем, поскольку семья военного лекаря вела «бродячую жизнь»: «Мы <...> больше всё по городам шлялись» [3: т. VII, с. 118], — заявляет он Аркадию. Нигилистически отрицающий ценности прошлого и скептически относящийся даже к собственному деду, Базаров, отвечая приятелю на вопрос «кто он был», небрежно замечает: «Секунд-майор какой-то. При Суворове служил и всё рассказывал о переходе через Альпы» и добавляет уже совсем неуважительно: «Врал, должно быть» [3: т. VII, с. 118]. Если для Аркадия прошлое семьи, даже чужой, незбылемо, а ее корни значимы («То-то у вас в гостиной портрет Суворова висит». [3: т. VII, с. 118]), то для Евгения Базарова это лишь некая недостоверная и потому не заслуживающая интереса декорация.

Поместив, таким образом, героя в собственное родовое «гнездо», Тургенев пластически тонко подводит психологическую платформу под присвоенное Базаровым право огульно плохо говорить о старшем поколении, и только на том основании, что эти люди, воспринимаемые представителями «отрицательного направления» как некая не дифференцируемая по шкале полезности масса, не справились, согласно нигилистическому мнению, с задачей правильного мироустройства. Даже родной дед, которого Евгений, будучи мальчиком, застал в живых и который много (хотя, вероятно, и неталантливо) рассказывал внуку о своей жизни и о судьбе своего поколения, не принимается в расчет. В соответствии с собственной логикой, Евгений Базаров, демонстративно и безосновательно не щадя никого, в том числе родного деда, получает, как ему представляется, все права на неограниченно критическое отношение ко всем *другим*, и даже к тем, кто прошел свой путь с общественным признанием.

Домик же Базаровых полон любви. Его гармония основана на взаимности чувств Василия Ивановича и Арины Власьевны, которая хотя и выходила замуж «против воли», но прикипела к своему спутнику, и годы «многолетних странствий» с мужем — военным лекарем сблизили супругов, создав единое целое [3: т. VII, с. 114].

Эту гармонию в семейном гнезде Базаровых Тургенев с теплой иронией подчеркивает при помощи обширных перечислительных рядов, характеризующих Василия Ивановича и вслед за ним Арину Власьевну.

Этот «домик состоял из шести крошечных комнат» [З: т. VII, с. 107]. Та, что называлась кабинетом Василия Ивановича, красноречиво рассказывает о многообразных интересах хозяина: «на полках в беспорядке теснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; в одном углу стояла сломанная электрическая машина»; «толстоногий» стол был завален «почерневшими от старинной пыли, словно прокопченными бумагами», а «по стенам висели турецкие ружья, нагайки, сабля, две ландкарты, какие-то анатомические рисунки» и пр. [З: т. VII, с. 108, 107]. Кроме того, Василий Иванович гордится своим «садиком», в котором «сам каждое дерево сажал»: «И фрукты есть, и ягоды, и всякие медицинские травы» [З: т. VII, с. 111]. Он гордится и тем, что на общественных основаниях продолжает медицинскую практику, помогая бедным. При этом старший Базаров, проживший непростую жизнь, считает себя «маленьким человеком» [З: т. VII, с. 115].

Если Василий Иванович полагался на книжное знание и стремился провести его в жизнь, Арина Власьевна «верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юридиче-ских, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света; верила, что если в светлое воскресенье на всеобщей не погаснут свечи, то гречиха хорошо уродится, и что гриб больше не растет, если его человеческий глаз увидит» [З: т. VII, с. 113] и пр. Как муж видит себя «маленьким человеком», так и Арина Власьевна «знала, что есть на свете господа, которые должны приказывать, и простой народ, который должен служить, — а потому не гнушалась ни поддобо-страстием, ни земными поклонами; но с подчиненными обхо-дилась ласково и кротко» [З: т. VII, с. 114]. Иными словами, База-ровы счастливы в своем строго регламентированном мире. Однако всё, чем они жили и живут, — всё направлено на единственного сына, в котором заключен смысл их существования.

Трогательность всеохватной отцовско-материнской любви Базаровых такова, что даже их сын, всем недовольный, в ответ на вопрос приятеля, любит ли он родителей, предельно коротко и однозначно говорит: «Люблю, Аркадий!», и последний свидетельствует: «Они тебя так любят!» [3: т. VII, с. 118]. Но посчитав свое признание Аркадию исчерпывающим, Евгений Базаров во всех остальных высказываниях о родителях насмешливо-пренебрежителен. Отец для него — «презабавный старикашка и добрейший»: «Такой же чудака, как твой, только в другом роде», — говорит он Аркадию [3: т. VII, с. 108]. Да и коснувшись в разговоре забот матери, молодой человек заявляет Аркадию, что его суждения об Арине Власьевне как о хозяйке дома и как об «отличной женщине» («очень умна», «с полчаса беседовала, и так дельно, интересно») вызваны только тем, что она «ягодами <...> угодила» Аркадию [3: т. VII, с. 126].

Второй раз тем же летом Евгений Базаров приезжает в родной дом, чтобы, как он считал, заняться делом. Однако не отпускающее чувство любви к Одинцовой, а с ним и крайнее недовольство собой отвлекают молодого человека от работы. В поисках дела Базаров начинает помогать отцу — и в ходе профессиональных медицинских манипуляций получает смертельное заражение. Эта глава XXVII, созданная в сугубо лаконичной технике письма и посвященная сначала радости стариков по случаю возвращения сына, а потом их всеохватному ужасу и последним, как оказалось, трагическим дням жизни героя, так мастерски-скрупулезно выписана Тургеневым, что заставила другого писателя и профессионального практиковавшего врача — А.П. Чехова — воскликнуть: «Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? <...> Это чёрт знает как сделано. Просто гениально» [6: письмо 1284].

Не только факт супружества старших Базаровых, но и их взаимоотношения и всепоглощающая любовь к сыну позволяют, убежден Тургенев, рассмотреть полную и счастливую семью. Показав, что существование этого «гнезда» пресечено со смертью единственного

сына, автор романа использует в эпилоге элегическую интонацию, с помощью которой изображает и «небольшое сельское кладбище», и двух «уже дряхлых» старичков [З: т. VII, с. 187, 188]. Однако завершающей мыслью является утверждение, что всё в мире, и даже растущие на могиле цветы, говорят «о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [З: т. VII, с. 188]. В том числе жизнь берет свое — и в других «гнездах», например у Кирсановых, народилось новое потомство.

* * *

Таким образом, в сознании и в творчестве Тургенева значим образ гнезда, представленного в первую очередь как «дворянское гнездо». Если в рассказе «Мой сосед Радилов» писатель касается вопроса о том, что «лет через пятьдесят, много семьдесят» после их устройства «эти усадьбы, “дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли» [З: т. III, с. 50], то в романном творчестве, прежде всего в «Дворянском гнезде», «Накануне» и «Отцах и детях», Тургенев разворачивает эпическую по своей природе мысль о «жизни бесконечной».

В романе «Отцы и дети» эта ведущая грань миропонимания писателя высвечена с помощью *аллегорически однозначного понятия «семья»* и одновременно *символически многоплановой и многоуровневой идеи «гнездо»*. Погружение в романные среды «дворянских гнезд» позволило писателю не просто обнаружить связь Отцов и Детей, но внимательно перебрать ценностные составляющие человеческого рода, выявив доминанты бытия.

Литература

1. *Кормилов С.И.* Базаров — не разночинец! // И.С. Тургенев: русская и национальные литературы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост. М.Д. Амирханян. Ереван: Лусабац, 2013. С. 389–400.
2. *Левина Е.Н.* Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу как культурно-исторический документ // «Твой друг и мать Варвара Тургенева»: Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844) / подгот. текста и коммент. Е.Н. Левиной и Л.А. Павловой, вступ. ст. Е.Н. Левиной. Тула: Гриф и К, 2012. С. 6–22.

3. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978.
4. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 3: Письма (1855–1858). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0830.shtml (дата обращения: 20.02.2016).
5. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1988. Т. 5: Письма 1862–1864. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0900.shtml (дата обращения: 20.02.2016).
6. *Чехов А.П.* Письмо № 1284 — А.С. Суворину, от 24 февраля 1893 года // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 23: 1892–1894. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/series/a-p-chehov-polnoe-sobranie-sochinenij-v-tridcati-tomah/tom-23-pisma-1892-1894-download-free-208679.html> (дата обращения: 20.02.2016).
7. *Freeborn Richard.* Turgenev: The Novelists's Novelist. A Study. Oxford: Oxford University Press, 1960. 201 p.

References

1. *Kormilov S.I.* Bazarov — ne raznochinecz! // I.S. Turgenev: russkaya i nacional'ny'e literatury': materialy' Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / red.-sost. M.D. Amirxanyan. Erevan: Lusabats, 2013. S. 389–400.
2. *Levina E.N.* Pis'ma V.P. Turgenevoj k I.S. Turgenevu kak kul'turno-istoricheskii dokument // «Tvoi drug i mat' Varvara Turgeneva»: Pis'ma V.P. Turgenevoj k I.S. Turgenevu (1838–1844) / podgot. teksta i komment. E.N. Levinoi i L.A. Pavlovoi, vstup. st. E.N. Levinoi. Tula: Grifi K, 2012. S. 6–22.
3. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. 2-е изд., испр. i dop. М.: Nauka, 1978.
4. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. 2-е изд., испр. i dop. М.: Nauka, 1987. Т. 3: Pis'ma (1855–1858). [E'lektronny'j resurs]. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0830.shtml (data obrashheniya: 20.02.2016).
5. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. 2-е изд., испр. i dop. М.: Nauka, 1988. Т. 5: Pis'ma 1862–1864. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0900.shtml (data obrashheniya: 20.02.2016).
6. *Chexov A.P.* Pis'mo № 1284 — А.С. Суворину, от 24 fevralya 1893 goda // Chexov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. Т. 23: 1892–1894. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.rulit.net/series/a-p-chehov-polnoe-sobranie-sochinenij-v-tridcati-tomah/tom-23-pisma-1892-1894-download-free-208679.html> (data obrashheniya: 20.02.2016).
7. *Freeborn Richard.* Turgenev: The Novelists's Novelist. A Study. Oxford: Oxford University Press, 1960. 201 p.

Т.С. Карпачева,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru

**О возможном влиянии трактата Ч. Беккарии
«О преступлениях и наказаниях» на образный строй
и идейно-тематическое содержание романа
Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»**

В статье делается попытка выявить признаки возможного влияния трактата итальянского ученого Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В трактате Беккарии содержатся основные принципы современного права: принцип гуманизма (Беккариа выступал против пыток и против смертной казни); принцип справедливости (Беккариа настаивал на соответствии наказания общественной опасности преступления); презумпция невиновности и принцип осуществления правосудия только судом (положение «Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда», которое сейчас ни у кого не вызывает сомнения и содержится в Конституции России, впервые сформулировано именно в книге Ч. Беккарии); принцип гласности судопроизводства. Учитывая интерес Достоевского к уголовному праву, сложно представить, что книга Беккарии осталась им незамеченной. Тем более важно отметить, что в ней, помимо правовых, поставлены и нравственные вопросы: ответственности, морали, психологии и самооценки преступника, соотношения понятий преступления и греха, т. е. все те вопросы, которые волнуют и Достоевского в его великом романе.

Ключевые слова: Достоевский; Беккариа; право; преступление; наказание.

T. Karpacheva

**On the Possible Impact of the Treatise C. Beccaria
«On Crimes and Punishments» on the Imagery
and the Ideological and Thematic Content of the Novel
F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment»**

The paper tries to identify the possible impact of the treatise Italian scientist Cesare Beccaria «On Crimes and Punishments» in the novel F.M. Dostoevsky's

«Crime and Punishment». In Beccaria's treatise contains the basic principles of modern law: the principle of humanism (Beccaria opposed torture and the death penalty); the principle of equity (Beccaria insisted accordance social danger of the crime of punishment); the presumption of innocence and the principle implementation of justice only by the courts (the position of «no one can be called a criminal before the verdict of the court», which is now no one in doubt and is contained in the Constitution of Russia, was first formulated in the book of C. Beccaria), the principle of publicity of court proceedings. Given Dostoevsky interest in criminal law, it is difficult to imagine that the book Beccaria left them unnoticed. Especially important to note that in the book are solved and moral problems: responsibility, ethics, relationship between the concepts of sin and crime, ie, all the issues that exist in Dostoevsky's novel.

Keywords: Dostoevsky; Beccaria; law; crime; punishment.

Исследователи указывают множество источников названия романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, в том числе и трактат итальянского философа и юриста XVIII века Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Так, Б.Н. Тихомиров отмечает трактат Беккарии в числе «возможных источников, которые могли подсказать Достоевскому название его романа», наряду с обзором В.П. Попова «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)», печатавшимся в журнале «Время» в 1863 году, и статьей П.Н. Ткачева «Статистические этюды: Преступление и наказание», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» в том же 1863 году «Но ни один из этих источников не может быть выделен преимущественно и тем более поставлен с романом Достоевского в прямую генетическую связь» [10: с. 42], — отмечает Б.Н. Тихомиров.

Е.А. Долиненко придерживается мнения, что «скорее всего, название романа “Преступление и наказание” все-таки отсылает читателей к трактату Беккарии» [5]. Более того, исследователь даже выдвигает версию, что название романа — своеобразная дань уважения Беккарии за его взгляды на правовые вопросы и в первую очередь на систему наказаний: «...Достоевский во многом разделял взгляды Беккарии на уголовное право и систему наказаний. Например, Беккария был одним из первых, кто выступил

против смертной казни. А Достоевский в свое время был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев. Вероятно, Достоевский по-своему хотел отдать дань деятельности Ч. Беккарии» [5].

Итальянский литературовед Витторио Страда, указывая на роль трактата Беккарии для европейской правовой культуры Нового времени, вообще объединяет взгляды Беккарии и Достоевского: «...не случайно одно из величайших творений русской литературы — “Преступление и наказание” Достоевского — отсылает к названию трактата Чезаре Беккарии. У Достоевского проблема вины выходит за рамки чисто юридической и перерастает в метафизическую, приобретая этико-религиозную значимость. В действительности эти две стороны одной проблемы в сфере христианской культуры — совесть и правосознание — отнюдь не альтернативны. Эти два вида духовной энергии держат под контролем самые темные силы, таящиеся в отдельном человеке и социальной среде и всегда готовые взорваться, даже при полной “цивилизованности”. И преградой неистовству человеческих и социальных стихий служат не смертная казнь и тем более не пытки, — выражение атавистического варварства, — но, как учили Беккариа и Достоевский, прочность юридических принципов и твердость принципов моральных» [12: с. 11–12].

Вопрос о связи трактата Беккарии и романа Достоевского волнует не только филологов, но и юристов, социологов, политологов. Так, белорусский политолог В.И. Кочетков опять же объединяет взгляды Беккарии и Достоевского на вопрос о соотношении преступления и наказания: «Пеналогия — это наука о преступлениях и наказаниях. И основоположником этой науки является Чезаре Беккариа, основы которой он изложил в своей книге “Преступления и наказания”. Тут можно заметить, что Фёдор Достоевский заимствовал название этой книги в качестве названия своего знаменитого романа “Преступление и наказание”» [8].

Однако при том, что исследователи неоднократно обращались к вопросу влияния названия трактата Беккарии на название романа Достоевского, мы не обнаружили специальных работ, посвященных именно текстологическому анализу и сравнению обоих текстов.

Что же касается других указываемых исследователями источников, то, кроме названия, вряд ли что-то еще их сильно роднит с великим романом. Так, В.П. Попов в своем обзоре «Преступления и наказания. (Эскизы из истории уголовного права)» хоть и ставит остросоциальные проблемы изменения уголовного законодательства и приводит примеры «средневекового варварства» [9: с. 53] в Европе, однако далек от тех философских вопросов, которые решаются и в романе Достоевского, и в трактате Беккарии. «Статистические этюды. Преступление и наказание» П.Н. Ткачева, опубликованные в № 12 журнала «Библиотека для чтения», представляют собой данные о состоянии преступности, большей частью представленные в таблицах; здесь содержатся сведения, которые могли бы быть интересны историкам криминологии: о влиянии наказания на личность преступника, о рецидивах и т. д. Но вряд ли этот обзор как-то соотносится с великим романом, кроме самого его названия [11].

В данной статье мы предполагаем сделать попытку выявления возможного влияния трактата Беккарии на роман Достоевского, используя сравнительный анализ текстов обоих произведений. Не претендуя на выявление «прямой генетической связи», мы исследуем сходные вопросы, решаемые Беккарией и Достоевским, идеи, сюжеты, образы и, не утверждая наличие прямых заимствований в романе, рассматриваем общее направление мысли обоих гениев, книги которых изменили мир. Ибо мысль Н. Бердяева: «После него человек не тот, что до него» [1: с. 17], — о Достоевском можно с полной уверенностью отнести и к Ч. Беккарии.

Необходимо отметить, что трактат Беккарии был невероятно популярен и в России, и во всей Европе. Как отмечает В. Страда, «...эта небольшая книжка не только принадлежит к классике юридической мысли, но и входит в сокровищницу европейской культуры» [12: с. 8–9]. Фактически в трактате Беккарии содержатся основные принципы современного права:

- *принцип гуманизма*: Беккария выступал против пыток и против смертной казни. В его трактате содержится, по сути, первое теоретическое обоснование необходимости отмены смертной казни: «Что это за право, присвоенное людьми, зверски убивать себе подобных? — пишет

Беккариа и продолжает: смертная казнь не является правом и не может быть таковым» [2: с. 121];

- *принцип справедливости*: «наказание должно в максимальной степени соответствовать природе преступления. Это соответствие позволяет довольно легко соотнести побудительные мотивы к совершению преступления с отвращающим эффектом наказания» [2: с. 99]; «в целом суровость наказания и последствия преступления должны производить наиболее сильное впечатление на других и в минимальной степени отражаться на обвиняемом ...» [2: с. 98];
- *презумпция невиновности и принцип осуществления правосудия только судом*: положение «Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда» [2: с. 82], которое сейчас ни у кого не вызывает сомнения и содержится в Конституции России, впервые сформулировано именно в книге Ч. Беккариа;
- *принцип гласности судопроизводства*: «Судебные заседания должны быть открытыми, — утверждает Ч. Беккариа, — доказательства преступления должны быть также доступны публике» [2: с. 78].

Книга Ч. Беккариа переведена на русский язык в 1803 г., однако была известна в России еще раньше. «Энциклопедисты называли Ч. Беккариа “новым Ликургом”, единственным законодателем своего времени, писали комментарии к его труду. На его мнение, как на новый закон, ссылались в уголовных судах Австрии, Германии и Франции, с ним искали встреч коронованные особы. Современники называли его идеи «откровением свыше и пророчеством будущего» [13: с. 7–8], — отмечает исследователь творчества Беккариа и переводчик его трактата на русский язык д-р юрид. наук, проф. Ю.М. Юмашев. Известно, что огромный интерес к идеям Беккариа проявляла Екатерина II. Прочитав его книгу, она приглашает его в Россию и предлагает ему заняться тем, «что он сам себе выбрал, опубликовав свой труд» [13: с. 13]. Приезд Беккариа в Россию не состоялся, но императрица не утратила интереса к его идеям: в 1767 году Екатерина пишет

«Наказ» — попытку систематизации законодательства, который представляет собой компиляцию из произведений Монтескье «О духе законов» и Ч. Беккарии «О преступлениях и наказаниях». Как писал известный юрист XIX века С.И. Зарудный, выпустивший в 1879 году свой перевод книги Беккарии, «эта книга проникла “в плоть и кровь российского законодательства”, <...> это не итальянская, это русская книга, написанная только на итальянском языке: Екатерина II ее усыновила» [7: с. 167–168].

Учитывая интерес Достоевского к вопросам права, представляется маловероятным, что книга Беккарии могла обойти его стороной. Тем более следует отметить, что в ней, помимо правовых, поставлены и нравственные вопросы: ответственности, морали, психологии и самооценки преступника, соотношения понятий преступления и греха перед Богом и др. Как отмечает исследователь наследия Беккарии П.Н. Берков, «книга Беккарии, посвященная, казалось бы, специальному юридическому вопросу <...> имела большой и заслуженный успех в европейской читательской аудитории по той причине, что за видимой внешней оболочкой уголовно-правового трактата в ней скрывалось огромное число общетеоретических общепсихологических вопросов» [3: с. 61].^[16] Представляется вероятным, что Достоевского могло заинтересовать осмысление психологии преступника в книге Беккарии. Притом известно, что в период работы над подготовкой материалов для журнала «Время», т. е. незадолго до написания «Преступления и наказания», Достоевский читал сборники уголовных дел Франции. Как отмечает Л.П. Гроссман, его привлекла статья «Процесс Ласенера» [4: с. 333] — о юноше-преступнике, интересующемся литературой, искусством и пишущем стихи, в которых он представляет себя «борцом с несправедливым устройством общества» [6: т. VII, с. 335]. В трактате Беккарии мы также видим весьма необычное изображение психологии преступника, правда, не конкретного лица, а некоего «условного» преступника с его идеей социального бунта. При этом интересно отметить, что при отсутствии индивидуально очерченного образа, это вовсе не типичный, усредненный преступник, это тоже, можно сказать,

«герой-идеолог», подобный героям Достоевского: у него своя точка зрения, с помощью которой он оправдывает преступление. «Вот приблизительно как рассуждает разбойник или убийца, которых ничего, кроме виселицы или колеса, не сможет удержать от нарушения законов, — пишет Беккариа — <...> “Почему я должен уважать законы, которые проводят между мной и богатым такое различие? <...> Кто написал эти законы? Богатые и могущественные. Они ни разу не удостоили своим посещением хижины бедняка. И им никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крики невинных и голодных детей и слезы жены. Порвем эти цепи, губительные для большинства и выгодные только кучке праздных тиранов. Уничтожим несправедливость в зародыше. И тогда я вновь обрету свою естественную независимость, заживу привольно и счастливо, добывая на хлеб насущный своей удалью и ловкостью. Может быть, и придет день раскаяния и скорби, но это будет лишь миг. За столь долгие годы свободы и удовольствий лишь один день мук расплаты. Во главе горстки людей я исправлю ошибки судьбы и увижу этих тиранов бледными и дрожащими от страха перед теми, кого они с оскорбительным высокомерием считали ничтожнее своих лошадей и собак”» [2: с. 127–128].

Желание преступника «исправить ошибки судьбы» — идеология, довольно близкая теории Раскольникова, хотя у Беккарии преступник и ограничивается только вопросами социального неравенства и, казалось бы, не задается вопросом деления людей на «два разряда». Однако это не совсем так. Преступник Беккарии не делит людей на два разряда и не решает вопрос, «тварь ли я дрожащая или право имею», только потому, что уже априори решил его. В начале своей книги Беккариа утверждает: «Еще ни один человек не пожертвовал безвозмездно даже частицей собственной свободы исключительно ради общественного блага. О подобных химерах пишут только в романах. В действительности же если бы у каждого из нас была такая возможность, то мы пожелали бы, чтобы договоры обязывали других, но не нас. *Каждый мнит себя центром Вселенной*» (курсив наш. — Т. К.) [2: с. 39].

Интересно также, что и в романе Достоевского присутствует некий «сниженный», «социальный» вариант теории Раскольникова,

который как раз прекрасно соотносится с теорией преступника из книги Беккарии. Пытаясь объяснить Соне мотивы своего преступления, но не желая открывать ей свою теорию («Ничего ведь ты не поймешь в этом, а только исстрадаешься вся... из-за меня» [6: т. VI, с. 318]), Раскольников вначале намеренно «снижает» ее, представляя как некий «социальный бунт»: «...ведь ты знаешь, что у матери моей почти ничего нет. Сестра получила воспитание, случайно, и осуждена таскаться в гувернантках. Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячько рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное). А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, и мне все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, с сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и от всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, например, почтительно перенести? Для чего? Для того ль, чтоб, их схоронив, новых нажить — жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить? Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиними деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, — и сделать всё это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вот и всё... Ну, разумеется, что я убил старуху, — это я худо сделал... ну, и довольно!» [6: т. VI, с. 319].

Обратим внимание на то, что здесь Раскольников, как и преступник из трактата Беккарии, оправдывает свое преступление некими выдуманскими образами жены и детей: «...жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить» [6: т. VI, с. 319]), // «...им никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крики невинных и голодных детей и слезы жены» [2: с. 127]. Конечно, этот вариант объяснения мотивов преступления не убедителен для Сони: она не верит, что человек, способный отдать последнее, может убить

ради «новой карьеры»: «Ох, это не то, не то, — в тоске восклицала Соня, — и разве можно так... нет, это не так, не так!

— Сама видишь, что не так!.. А я ведь искренно рассказал, правду!» [6: т. VI, с. 319–320]. Однако Раскольников действительно «сказал правду»: правду о том, что он посягает на старухины деньги, с тем чтобы употребить их, по его мнению, «во благо», только другое дело, что в данном монологе он ограничил это «благо» своим собственным, поэтому Соня и не может поверить ему: такой вариант объяснения звучит слишком плоско и снижено. Однако разница лишь в том, что на самом деле герой Достоевского, как, кстати, и преступник из книги Беккарии, предполагает «перераспределить» полученные от старухи деньги. Недаром он воспринимает как «предопределение» и «указание» идею студента, высказанную в трактире в день перед убийством, когда в его собственной голове <...> зародились *такие же точно мысли* [6: т. VI, с. 55] (курсив Достоевского. — *Т. К.*): «Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотня, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги» [6: т. VI, с. 54]. Сравним: «Во главе горстки людей я исправлю ошибки судьбы...» [2: с. 128] — преступник Беккарии, как видим, тоже помышляет не только о своем собственном благе.

В черновых записях к роману мы можем найти указание на замысел о характере Раскольникова, к которому уже буквально применимы ставшее крылатым выражение Беккарии «каждый мнит себя центром Вселенной» и идеология изображенного им преступника: «В его образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество. Деспотизм — его черта. <...> Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая» [6: т. VII, с. 155].

Конечно, теория Раскольникова значительно шире теории преступника из трактата Беккарии, однако во многом, т. е. в социальных

вопросах и вопросе дозволения себе убийства, — прямо соотносится с ней.

Как мы видим, в своем коротком трактате, помимо собственно правовых вопросов, Беккариа поднимает и вопросы психологические. Притом интересно, что его столь же волнует психология преступника, сколь и методы его допроса для сбора доказательств. «По мнению криминалистов, — указывает Беккариа, — вопросы должны кружить по спирали вокруг факта, но не идти к нему по прямой. Этот метод обосновывают двумя соображениями: или опасением внушить подсудимому ответ, который бы сразу отвел от него все обвинения, или, может быть, полагают противоестественным для подсудимого предъявлять непосредственно самому себе обвинения» [2: с. 167]. Нельзя сказать, чтобы сам автор был согласен с этой методикой — он лишь упоминает о ней в своих рассуждениях. Интересно, что изображение подобного метода, вернее, обсуждение его, мы видим в разговоре Раскольникова с Порфирием Петровичем. «...ведь это существует, кажется, такое юридическое правило, такой прием юридический — для всех возможных следователей — сперва начать издалека, с пустячков, или даже с серьезного, но только совсем постороннего, чтобы, так сказать, ободрить или, лучше сказать, развлечь допрашиваемого, усыпить его осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его в самое темя каким-нибудь опасным и роковым вопросом; так ли?» [6: т. VI, с. 256] — спрашивает Раскольников. «...эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают... <...> Запутаетесь-с! Право запутаетесь! <...> А уж про приемы-то наши юридические — как остроумно изволили выразиться — так уж совершенно вполне с вами согласен-с. Ну кто же, скажите, из всех подсудимых, даже из самого посконного мужичья, не знает, что его, например, сначала начнут посторонними вопросами усыплять (по счастливому выражению вашему)...» [6: т. VI, с. 258], — вторит ему Порфирий Петрович, подшучивая, в своей манере, над подозреваемым.

На наш взгляд, помимо психологических, можно выделить и ряд философских вопросов, поднятых в книге Беккарии, которые могли заинтересовать Достоевского и отголоски которых мы находим

в романе «Преступление и наказание». Это, во-первых, уже упоминавшееся отношение к смертной казни и философское осмысление этого вопроса. По мысли Беккарии, «злоупотребление смертными приговорами <...> никогда не делало людей лучше», и смертная казнь не может быть «правом» государства. «Каким образом малая толика собственной свободы, отданная каждым ради общего блага, сделала возможной жертву величайшего из всех благ — жизнь? [2: с. 121] — недоумевает философ и продолжает: Мне кажется абсурдом, когда законы, представляющие собой выражение воли общества, законы, которые порицают убийства и карают за него, сами совершают то же самое» [2: с. 128]. Заметим, Беккариа высказал эту мысль задолго до восклицания Сонечки в романе Достоевского: «Убивать! Убивать-то право имеете?» [6: с. 322].

И еще одна идея, которая могла заинтересовать Достоевского в трактате «О преступлениях и наказаниях», — это мысль о «несправедливости во благо». «Несправедливость во благо не может быть терпима таким законодателем, который хочет наглухо запереть все двери перед дремлющей тиранией, прельщающей сиюминутными выгодами и счастьем немногих избранных, с презрением относящихся к обреченности и слезам бесчисленной серой массы», — утверждает Беккариа [2: с. 112]. Вообще, для Беккарии вопрос тирании и методов порабощения тираном себе подобных весьма интересен, и он неоднократно обращается к нему на протяжении своего трактата. Так, рассуждая о недопустимости произвола власти, Беккариа делится наблюдением: «Подлинный тиран начинает всегда с того, что порабощает общественное мнение» [2: с. 68]. Мысль о том, что «несправедливость во благо» ведет к тирании, вряд ли могла бы оставить равнодушным Ф.М. Достоевского. Отчасти эта мысль также соотносится с теорией Раскольникова и даже более — с замыслом о Раскольникове как о деспоте, мечтающем о власти (в романе окончательный образ Раскольникова весьма далек от этого замысла). Идея «несправедливости во благо», ведущей к тирании, в творчестве Достоевского главным образом осмысливается в романе «Братья Карамазовы» в образе Великого Инквизитора и отчасти в романе «Бесы». Однако этот вопрос уже выходит за рамки нашего исследования.

Представляется, что сходство в мировоззрении двух великих гениев — тема, требующая дальнейшего рассмотрения, ибо те вопросы познания мира и законов бытия, которые ставятся и решаются в литературе, не могут не оказывать влияния на развитие правосознания, и наоборот — развитие правовой культуры и правового сознания дает толчок развитию культуры и литературы.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание // Бердяев Н.А. Соч. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 448 с.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2000. 240 с.
3. *Берков П.Н.* Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия. М.: Наука, 1968. С. 57–76.
4. *Гроссман Л.П.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.
5. *Долиненко Е.А.* Название романа «Преступление и наказание» и его история. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alldostoevsky.ru/2015/04/smysl-zaglavija-romana-prestuplenie-i-nakazanie.html> (дата обращения: 20.06.2016).
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. *Зарудный С.И.* Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в сравнении с гл. X «Наказа» Екатерины II и с современными русскими законами: материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. СПб., 1879. 196 с.
8. *Кочетков В.И.* Основные аргументы против смертной казни были сформулированы 250 лет назад. [Электронный ресурс]. URL: <http://dp.spring96.org/ru/news/67615> (дата обращения: 20.06.2016).
9. *Попов В.П.* Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права) // Время. 1863. № 3. С. 17–53.
10. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь, гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
11. *Ткачев П.Н.* Статистические этюды. Преступления и наказания // Библиотека для чтения. 1863. № 12. С. 1–33.
12. *Страда В.* Предисловие // Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_01.php (дата обращения: 20.06.2016).

13. Юмашев Ю.М. Беккариа и Россия // Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2000. 240 с.

References

1. *Berdyayev N.A.* Samopoznanie // Sochineniya. M.: E'ksmo-Press, 1999. 448 s.
2. *Bekkaria Ch.* O prestupleniyax i nakazaniyax / per. s it. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 240 s.
3. *Berkov P.N.* Kniga Chezare Bekkarii «O prestupleniyax i nakazaniyax» v Rossii // Rossia i Italia. M.: Nauka, 1968. S. 57–76.
4. *Grossman L.P.* Dostoevskij. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 608 s.
5. *Dolinenko E.A.* Nazvanie romana «Prestuplenie i nakazanie» i ego istoria. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.alldostoevsky.ru/2015/04/smysl-zaglavija-romana-prestuplenie-i-nakazanie.html> (data obrashheniya: 20.06.2016).
6. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1972–1990.
7. *Zarudny'j S.I.* Bekkaria «O prestupleniyax i nakazaniyax» v sravnenii s gl. X «Nakaza» Ekateriny' II i s sovremenny'mi zakonami: materialy' dlya razrabotki sravnitel'nogo izucheniya teorii i praktiki ugolovnogo zakonodatel'stva. SPb., 1879. 196 s.
8. *Kochetkov V.I.* Osnovny'e argumenty' protiv smertnoj kazni by'li sformulirovany' 250 let nazad. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dp.spring96.org/ru/news/67615> (data obrashheniya: 20.06.2016).
9. *Popov V.P.* Prestupleniya i nakazaniya (e'skizy' iz istorii ugolovnogo prava) // Vremya. 1863. № 3. S. 17–53.
10. *Tixomirov B.N.* «Lazar', gryadi von». Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarij. SPb.: Serebryanny'j vek, 2005. 472 s.
11. *Tkachyov P.N.* Statisticheskie e'tyudy'. Prestupleniya i nakazaniya // Biblioteka dlya chteniya. 1863. № 12. S. 1–33.
12. *Strada V.* Predislovie // Bekkaria Chezare. O prestupleniyax i nakazaniyax. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_01.php (data obrashheniya: 20.06.2016).
13. *Yumashev Yu.M.* Bekkaria i Rossia // Bekkaria Ch. O prestupleniyax i nakazaniyax / per. s it. Yu.M. Yumasheva. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 240 s.

ШКОЛА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ / YOUNG RESEARCHER WORKSHOP

В рубрике помещены лучшие статьи студентов и аспирантов Московского городского педагогического университета, написанные на основе докладов, представленных на студенческих семинарах в рамках государственного задания ГАОУ ВО МГПУ «Русская классическая литература как фактор формирования личности: цикл научно-образовательных студенческих семинаров (в том числе выездных по литературным местам России)».

А.Р. Дамирбекова,

Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.

E-mail: aziza-magnit@yandex.ru

Ольфакторный код в прозе И.С. Тургенева 1850-х годов

Статья посвящена поэтике запахов в повестях И.С. Тургенева о любви 1850-х годов. Исследована функция редких запахов (кактус, герань, конопля) у Тургенева, особенности их соотношения с любовной темой. Отмечены повторяющиеся ольфакторные метафоры, определяющие поэтику любовно-философских повестей Тургенева как повествовательного цикла.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; повесть; ольфакторный код; поэтика запахов; русская литература.

A. Damirbekova

Olfactory Code in Turgenev's Prose in the 1850s

The article is devoted to the poetics of the odors in Turgenev's novels of love of the 1850s. There is investigated the function of rare scents (cactus, geranium, hemp) in Turgenev's prose, especially their correlation with theme

of love. There are noted recurring olfactory metaphors defining poetics lovingly-philosophical novels of Turgenev as a narrative cycle.

Keywords: I.S. Turgenev; novel; olfactory code; poetics odors; Russian literature.

Проблема ольфакторного кода в тургеневедении поднималась [1], однако ее нельзя считать хорошо разработанной. Тем не менее флоропоэтика, изученная в работах К.И. Шарафадиной [9] и Е.Ю. Полтавец [5], в известной мере соприкасается с данной темой. Ольфакторный код описан в науке на материале творчества ряда писателей: например, для эпохи XIX века это проза И.А. Гончарова [2] и поэзия А.А. Фета [4].

Остановимся на теоретико-методологических основах описания ольфакторного кода в литературе. О поэтологическом значении запахов говорится в учебном пособии Е. Фарыно «Введение в литературоведение» [8], там же излагаются основы изучения художественного текста в аспекте ольфакторной образности. В настоящее время наиболее полным собранием материалов о запахах и ароматах является двухтомный сборник «Ароматы и запахи в культуре», составленный О.Б. Вайнштейн [3].

Мир запахов у Тургенева многообразен, он организует в текстах писателя особое сенсорное пространство, большей частью связанное с амбивалентно звучащей в его повестях 1850-х годов темой любви. Тургенева, пишущего о любви, интересуют разные ее грани. Как художник, он изучает ее природные, чувственно-телесные свойства не менее, чем метафизические. И запахи немало помогают писателю раскрыть эту двойственную сущность любви.

Можно говорить об определенной динамике, которая наблюдается в ольфакторной семантике тургеньевских повестей 1850-х годов. Если в «Фаусте» и «Асе» одорическая сфера связана с утверждением красоты и жизни, то в «Первой любви» запахи уже маркируются в большей мере как трагические, они предсказывают катастрофическую концовку повести. Стоит также выделить сквозные и доминантные запахи в повестях указанного периода. Во всех текстах фигурирует «свежесть», «пахучесть» пространства и запах «сырости»,

что свидетельствует о наличии внутренних связей и циклических «скреп» в повестях 1850-х годов. В «Фаусте» это «запах и свежесть ночи», ощущение «свежести и солнца» [6: с. 109, 113]; в «Асе» — «свежее дыхание волны» [6: с. 177], в «Первой любви» — движение «над землею» «свежего ветра» [7: с. 338]. Во всех текстах акцент сделан на чистоте, прозрачности, свежести мира — и ясности чувства.

«Пахучесть» как особое качество пространства присутствует в «Первой любви». Так, «пахучая мгла» — элемент описания женской красоты и очарования. В «душной, полупрозрачной пахучей мгле» [7: с. 320], которая сближает рассказчика и Зинаиду, есть подтекст — коварство прекрасной «носительницы» запаха. Общее впечатление от этой картины отсылает читателя к описанным в тургеневском «Фаусте» «запаху и свежести ночи» [6: с. 109], где перед грозой чувствуется духота. В дальнейшем рассказчик «Первой любви» найдет общность между «пахучестью воздуха» и «сладостными томлениями». Запахи хранят чувства, поэтому «пахучий воздух» связан прежде всего с возникновением любви, но также и с ее земной природой.

«Сырость» показана в «Фаусте». «Этот затхлый, немного кислый и вялый запах сильно действует на мое воображение» [6: с. 91], — признается рассказчик. Затем акцент на сырости сделан в «Первой любви»: «От реки несло неприятной сыростью» [7: с. 357]. Здесь запах сырости чувствуется явственней, грубее и четче, чем в «Фаусте». Похожий источник запаха появлялся в романе «Накануне» (1859), где он будет определяться уже как «запах смерти» и непосредственно соотноситься с Венецией. В свете трагической развязки истории Зинаиды и отца Вольдемара (оба они вскоре ушли из жизни) аналогичный запах в «Первой любви» тоже может быть в полной мере отнесен к категории «запахов смерти». Примечательно, что в «Асе» у волны «свежее дыхание», но сырости в данной повести не ощущается. Однако и «свежесть», которая в начале повести просветляла и давала новые импульсы Н. Н., герою «Аси», в дальнейшем уже его не спасает и получает значения трагические.

Уникальные запахи встречаются в каждой повести. Например, в «Фаусте» это запах «кактуса» [6: с. 116]. Кактус сам по себе

запаха не имеет, но некоторые его виды при цветении пахнут, причем специфически. Однако у Тургенева запах кактуса воспринимается скорее не просто «навязчивым», а именно невысказанным, неведомым и немного искусственно придуманным героем Павлом Александровичем. Не случайно запах кактуса предвосхищает в повести мысли и фантазии героя о Венеции, которая, однако, в контексте тургеневского творчества ассоциируется со смертью. Возможно также, что редкий запах кактуса транслирует уникальность, а также краткость (кактус быстро отцветает) и самого чувства любви. Примечательно, что у кактусов проявление и выраженность запаха цветков всегда зависят от их возраста, времени суток и погоды. Подобно этому, многие обстоятельства влияют и на развитие чувства в тургеневских повестях о любви.

Уникальные запахи подчеркивают индивидуальность и неповторимость любви у Тургенева. Это всегда какие-то невообразимые и напрямую, казалось бы, с любовью не связанные ароматы. Но в контексте тургеневских повестей они становятся своего рода языком чувства.

В «Асе» это будет прежде всего ветка «гераниума». Герань имеет своеобразный — резкий и подчас неприятный запах, но именно он становится у Тургенева знаком любви, которую нельзя представить традиционными метафорами и символами. Примечательно, что писатель впоследствии сделал акцент на засохшем цветке гераниума и на том, что он, немало изменившись, все же сохранил свой запах, свидетельствующий о моменте наивысшего счастья. Казалось бы, запах цветка должен улечься со временем, как и само чувство любви, однако он не исчез, как не умерла и сама любовь.

Итак, запахи, связанные с неповторимостью любовных переживаний героя, в тургеневских повестях, как правило, обладают «редкими» коннотациями. Это и вышеназванные кактус и герань, а также конопля, источающая степной запах. Последняя ассоциируется с рускостью, становится знаком идентичности, отличности от других, уникальности. Стоит подчеркнуть, что запах конопли главный герой почувствовал после того, как Ася отдала ему цветок гераниума. В нем пробудились какие-то новые способности к восприятию мира: он стал вдруг на все обращать

внимание. В «Первой любви» к подобным «редким» ароматам относятся запахи укропа и табака, которые окажутся знаками грядущих для героев потрясений.

В повестях героини замкнуты в любви, которая показана как амбивалентное чувство: с одной стороны, она связывается с особенно яркими переживаниями в жизни героев, а с другой стороны, она забирает их жизненные силы, подобно болезни. Таким образом, уникальные и индивидуальные запахи, которые сопровождают любовный дискурс у Тургенева, транслируют мысль об уникальности и неповторимости эмоционального наполнения самого этого чувства.

Литература

1. *Бельская А.А.* Символика цвета, семантика цветов, ольфакторный код в контексте образов романских красавиц И.С. Тургенева // Перспективы развития современной филологии: материалы I междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 30–31 августа 2011 г.). СПб.: Открытие, 2011. С. 3–7.
2. *Беляева И.А.* Запахи и звуки как знаки любви в романе Ивана Гончарова «Обломов» // *Wielkie tematy kultury w literaturach slowianskich / Slavica Wratislaviensia*. Т. 11. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2014. С. 83–91.
3. *Вайнштейн О.Б.* Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М.: Нов. лит. обозрение, 2003. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 664 с.
4. *Козубовская Г.П.* Ольфакторный код поэзии А.А. Фета: благоволия // *Козубовская Г.П.* Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2008. С. 89–97.
5. *Полтавец Е.Ю.* Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // *Тургеневские чтения*. Вып. 5. М.: Книжица, 2011. С. 350–367.
6. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 1982. 542 с.
7. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Т. 6. М.: Наука, 1982. 494 с.
8. *Фарыно Е.* Введение в литературоведение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 334–337.
9. *Шарафадина К.И.* Литература в синтезе искусств: монография: в 3 т. Т. II: *Floro=Поэто=Logia*. СПб.: СПГУТД, 2012. С. 19–22.

References

1. *Bel'skaya A.A.* Simvolika czveta, semantika czvetov, ol'faktorny'j kod v kontekste obrazov romanny'x krasavicz I.S. Turgeneva. // *Perspektivy razvitiya sovremennoj filologii: materialy' I mezhdunar. konf. (g. Sankt-Petrburg, 30–31 avgusta 2011 g.)*. SPb.: Otkry'tie, 2011. S. 3–7.
2. *Belyaeva I.A.* Zapaxi i zvuki kak znaki lyubvi v romane Ivana Goncharova «Oblomov» // *Wielkie tematy kultury w literaturach slowianskich / Slavica Wratislaviensia*. T. 11. Wroclaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Wroclawskiego, 2014. S. 83–91.
3. *Vajnshtejn O.B.* Aromaty' i zapachi v kul'ture: v 2 t. M.: Nov. lit. obozrenie, 2003. T. 1. 608 s.; T. 2. 664 s.
4. *Kozubovskaya G.P.* Ol'faktorny'j kod poe'zii A.A. Feta: blagovoniya // *Kozubovskaya G.P. Seredina veka: mif i mifopoe'tika*. Barnaul: AltGPA, 2008. S. 89–97.
5. *Poltavec E.V.* Czvetochki Lizy' Kalitinoj: ital'yanskij i francuzskij kontekst // *Turgenevskie chteniya. Vy'p. 5*. M.: Knizhiczka, 2011. S. 350–367.
6. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. T. 5 M.: Nauka, 1982. 542 s.
7. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. T. 6 M.: Nauka, 1982. 494 s.
8. *Fary'no E.* Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2004. S. 334–337.
9. *Sharafadina K.I.* Literatura v sinteze iskusstv: monografiya: v 3 t. T. II: Floro=Poe'to=Logia. SPb.: SPGUTD, 2012. S. 19–22.

Ю.Ю. Гребенщиков,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

**Образы «дворянских гнезд»
в романах И.А. Гончарова «Обрыв»
и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»**

В статье рассмотрены представления о «дворянском гнезде» главных героев романов И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». С возвращением на родину для Райского и Лаврецкого становится возможным постепенное обретение своего места в мире. Это путь, который начинается с ощущения себя во времени и пространстве. Важное значение для развития характеров имеет столкновение с Другим. В результате и для Райского, и для Лаврецкого важнейшими составляющими «дворянского гнезда» оказываются семья и родной дом.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; И.С. Тургенев; «Обрыв»; «Дворянское гнездо»; образ «дворянского гнезда».

Yu. Grebenschchikov

**Images of «Dvorjanskoe Gnezdo» («Noble Nest»)
in I.A. Goncharov's Novel «The Precipice»
and in I.S. Turgenev's Novel «The Noble Nest»**

The article considers representations of protagonists of the novels «The Precipice» of I.A. Goncharov and «The Noble Nest» of I.S. Turgenev about their images of «a noble nest». With returning to the Homeland it becomes possible to Rajskij and Lavreckij to gradually find their place in the world. It's a path that begins with a self-feeling in time and space. A collision with the Other is a very important motive in the development of the characters. As a result, the most essential parts of the image of «the noble nest» for Raijskij and Lavretsky both are the images of a family and home.

Keywords: I.A. Goncharov; I.S. Turgenev; «The Precipice»; «The Noble Nest»; the image of «a noble nest».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы сопоставить образы «дворянских гнезд» в романах И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Постановка этой проблемы определяется тем, что образ «дворянского гнезда» является одним из центральных как для романа Гончарова, так и для романа Тургенева, поскольку именно с ним связана постановка «русского вопроса». Ракурс исследования направлен на такое явление, как *семья*, и его роль в создании образов «дворянских гнезд» в указанных романах.

Сопоставление двух «дворянских гнезд» — «Обломовки» Гончарова и собирательного «гнезда» Тургенева — осуществил В.Г. Щукин [6]. Ученого интересовала в первую очередь роль «географических и социальных пространств в человеческой жизни» и воплощение этих пространств в «специфическом мире художественных произведений» [6: с. 157]. При этом для В.Г. Щукина «дворянское гнездо» — это синоним дворянской усадьбы, или «социокультурный локус» «со своей атмосферой (или, строже — семиосферой), которая там господствует» [6: с. 189]. Вне поля зрения исследовательского взгляда остается одна из ведущих составляющих образа «дворянского гнезда» — *семья*.

Известно, что замысел романа И.А. Гончарова «возник в 1849 году» [4: с. 60], т. е. на 10 лет раньше, чем был опубликован роман Тургенева. Известно также, что Тургенев был внимательным слушателем Гончарова. В.А. Недзвецкий указывает, что Тургенев «испытал сильное и плодотворное для него влияние не только гончаровских рассказов из “Обрыва”, но и гончаровского романа в целом», ученый прямо называет писателя «учеником» «гончаровской школы» [3: с. 183, 188].

Появление главных героев в романах связано с их возвращением на родину, в свой дом, где они давно не были. Для обоих героев возвращение домой — это возвращение к своим корням, основам, к источнику и прочному фундаменту жизненных начал. Райский едет на каникулы в свое родовое имение. Он возвращается не только в свой родной дом, но и прежде всего в единственную, по сути, свою семью: «у сироты вдруг как будто явилось

семейство» [1: с. 71]. Лаврецкий же показан возвращающимся в семью в более общем понимании: это его родовая семья (семья как фамилия). После долгих скитаний по Европе, последовавших за скандальной историей разрыва с женой, Лаврецкий «почувствовал себя в силах возвратиться на родину, встретиться с *своими*» [5: с. 55] (курсив мой. — Ю. Г.).

И в романе «Обрыв», и в романе «Дворянское гнездо» возвращение героев на родину начинается с соприкосновения с памятью рода, «разлитой» в предметах из прошлого: старинных портретах, книгах, одежде, мебели, принадлежавшим предкам героев, самой сохранившейся, словно законсервированной, обстановке дома (оговоримся, что речь идет только о старом каменном доме в «Обрыве» и о доме Глафиры Петровны Лаврецкой в «Дворянском гнезде»). Вместе с воскрешением образов минувшего в памяти героев «пробуждаются» и сами дома. Ощущение пустоты (в Малиновке «весь дом пропитан пылью и пустотой» [1: с. 76]; Лаврецкого встречают «опустелые покои» [5: с. 61]) постепенно исчезает. Одновременно и пустоты в душе героев начинают выдавливаться.

Отметим параллели в изображении этого процесса. Сначала дома предстают «спящими»: двери и окна заперты, а крыльцо и двор заросли травой. В Малиновке показан старый каменный дом «в глубине двора» — «мрачный, почти всегда в тени, серый, полинявший, местами с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом, с тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками» [1: с. 59]. Дом в Васильевском «на вид казался ветхим», а двор его зарос крапивой [5: с. 61]. Для Райского дом «оживает», когда постепенно отпираются двери в комнаты, где он «родился, жил и о которых осталось у него смутное воспоминание» [1: с. 75]. Дом Глафиры Петровны «пробуждается» для Лаврецкого вместе с тем, как «ставни со стуком и визгом отворяются один за другим и дневной свет проникает» внутрь [5: с. 61]. Завершает процесс «пробуждения» героев их обращение к детским воспоминаниям. Верочка «находит» для Райского картины и книги его отца и деда, о которых герой сначала «не вспомнил» [1: с. 77].

В Лаврецком же «много воспоминаний возбудили» «давно забытые, но знакомые» «Символы и эмблемы» [5: с. 66] — книга, служившая в детстве героя единственным источником знаний и способом понимания мира.

В первый, после долгого отсутствия, приезд в Малиновку Райского охватывает инерция покоя и тишина вечной природы: «Райский почти не чувствовал, что живет», «он убаюкивался этой тихой жизнью» [1: с. 246]. Подобные ощущения испытывает и Лаврецкий в Васильевском: «вернувшись домой <...> [он] погрузился в какое-то мирное оцепенение» [5: с. 64].

Эти почти элегические темы, как в случае с Райским, так и в случае с Лаврецким, неожиданно получают мажорное разрешение. Успокоение и «убаюкивание» всех чувств Райского — это подготовка душевных сил к чему-то необыкновенному. Сначала герой предвосхищает привычное для него приближение «тоски», но его оставляют «впечатления наивной среды, куда он попал», а затем ему становится приятен «ласковый луч солнца, добрый взгляд бабушки, радушная услужливость дворни, рождающаяся нежная симпатия Марфиньки — особенно последнее» [1: с. 246]. В момент, когда «тишина обнимает» Лаврецкого «со всех сторон», когда он снова чувствует себя на «дне реки» и, подобно герою поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»¹, близок к смерти, — в этот момент в герое происходят неожиданные изменения: «скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины» [5: с. 64, 65].

Новый толчок к раскрытию и пониманию себя, который получают герои, — это чувство любви к девушке и столкновение с «особенным» Другим.

Для Райского это прежде всего два человека — Вера (теперь уже повествователь не называет ее Верочкой) и бабушка. Герой переживает ряд метаморфоз своего восприятия, вызванных открытием новых граней в указанных женских образах. Сначала

¹ «Меня томил / Предсмертный бред. / Казалось мне, / Что я лежу на влажном дне / Глубокой речки» [2: с. 449].

в Райском усиливается ощущение жизни: он «“познавал самого себя”» и «благоговейно ужасался, чувствуя, как приходят в равновесие его силы» [1: с. 553, 554]. Затем герой стремится понять Веру, которая, по его словам, «огнем страсти, испытания очистилась до самопознания и самообладания», бабушка же «была загадкой для него» — и «он напрасно искал ключа» [1: с. 682]. Последний шаг к пониманию окружающих и себя ему еще только предстоит сделать, а пока «проходили дни, и с ними опять тишина повисла над Малиновкой», «опять жизнь, задержанная катастрофой, как река порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше, ровнее» [1: с. 690]. Лишь в финальных главах Райский понимает, какое значение для него имеют семья и его родной дом. Впервые на родственное обращение Веры «Брат!» Райский реагирует спокойно и с ощущением счастья [1: с. 768]. А на вопрос Веры: «если скука опять будет одолевать тебя, заглянешь ли ты сюда, в этот уголок, где тебя теперь понимают и любят?..», — Райский отвечает: «Непременно, Вера! Сердце мое приютилось здесь: я люблю всех вас — вы моя единственная, неизменная семья, другой не будет! Бабушка, ты и Марфинька — я унесу вас везде с собой» [1: с. 768].

Находясь за границей, Райский определяет Малиновку как *свой* дом, а бабушку, Веру и Марфеньку как *свою* семью: «Ему хотелось бы набраться этой [римской] вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом, окаменелых преданий и унести всё с собой туда, в свою Малиновку... За ним всё стояли и горячо звали к себе — его три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая, исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия» [1: с. 772].

В отличие от Райского, Лаврецкий так и не обретает своего «гнезда», своей семьи. И хотя герой находит цель в жизни («пахать землю и стараться как можно лучше ее пахать»), хотя он становится «действительно хорошим хозяином», «отцом» для своих крестьян, — тем не менее у него нет, как у Райского, сокровенного места на земле, своего «гнезда», дома — в понимании их как родных и близких людей, которые его любят и всегда ждут [5: с. 102, 157].

Литература

1. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / ред. кол.: В.А. Котельников, Е.А. Краснощекова, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, К. Савада, Н.Н. Скатов, П. Тирген, В.А. Туниманов. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 776 с.
2. *Лермонтов М.Ю.* Мцыри // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / ред. текста и коммент. Б.М. Эйхенбаума. Т. 3: Поэмы и повести в стихах. М.; Л.: Academia, 1935. С. 431–454.
3. *Недзвецкий В.А.* Печальная летопись И.А. Гончарова («Необыкновенная история») // Статьи о русской литературе XIX–XX веков, научная публицистика, воспоминания. Нальчик: Тетраграф, 2011. С. 171–190.
4. *Недзвецкий В.А.* Философия и реальность любви («Обрыв») // Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. М.: МГУ, Просвещение, 1996. С. 60–78.
5. *Тургенев И.С.* Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 5–158.
6. *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей / гл. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. С. 155–458.

References

1. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / red. kol.: V.A. Kotel'nikov, E.A. Krasnoshhekovna, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, K. Savada, N.N. Skatov, P. Tirgen, V.A. Tunimanov. T. 7. SPb.: Nauka, 2004. 776 s.
2. *Lermontov M.Yu.* Mczy'ri // Lermontov M.Yu. Poln. sobr. soch.: v 5 t. / red. teksta i komment. B.M. E'jhenbauma. T. 3: Poe'my' i povesti v stixax. M.; L.: Academia, 1935. S. 431–454.
3. *Nedzvezckij V.A.* Pechal'naya letopis' I.A. Goncharova («Neoby'knovennaya istoriya») // Stat'i o russkoj literature XIX–XX vekov, nauchnaya publicistika, vospominaniya. Nal'chik: Tetragraf, 2011. S. 171–190.
4. *Nedzvezckij V.A.* Filosofiya i real'nost' lyubvi («Obry'v») // Nedzvezckij V.A. Romany' I.A. Goncharova. M.: MGU, Prosveshhenie, 1996. S. 60–78.
5. *Turgenev I.S.* Dvoryanskoe gnezdo // Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. 2-e izd., ispr. i dop. T. 6. M.: Nauka, 1981. S. 5–158.
6. *Shhukin V.G.* Mif dvoryanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoj klassicheskoj literature // Shhukin V.G. Rossijskij genij prosveshheniya: issledovaniya v oblasti mifopoe'tiki i istorii idej / gl. red. S.Ya. Levit. M.: ROSSPE'N, 2007. S. 155–458.

Д.С. Медведева,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.
E-mail: medvedeva.dasha@mail.ru

Райский как читатель в романе И.А. Гончарова «Обрыв»

В статье рассмотрен вопрос о читательском опыте Бориса Райского. Отдельное внимание уделено метафоре «книга жизни», которая развивается в романе И.А. Гончарова «Обрыв» в двух взаимосвязанных планах, когда герой выступает, с одной стороны, как читатель, с другой — как романист и художник.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Обрыв»; роман; персонаж; читатель.

D. Medvedeva

Raisky as a Reader in Goncharov's Novel «The Precipice»

The article deals with Boris Raisky's experience as a reader. The metaphor «book of life» which unfolds in Goncharov's novel «The Precipice» is highlighted in the article. The metaphor illustrates two interrelated levels, where the character appears as the reader on one hand, and as a novelist and artist on the other.

Keywords: I.A. Goncharov; «The Precipice»; novel; character; reader.

Проблема читающего персонажа в романах И. А. Гончарова в науке затрагивалась, однако исследования на эту тему немногочисленны (Н.В. Володина [4; 5], Л.В. Чернец [9]). Тем не менее книга и сам процесс чтения, а также читательские предпочтения главных героев и нецентральных персонажей¹ в романе «Обрыв» образуют сложную семантическую структуру. Героев следует разделить условно на две группы — читающих и нечитающих.

¹ В статье специально не разграничиваются понятия «герой» и «персонаж», а последний станет универсальным обозначением всей персонажной сферы романа.

Гончаров точно прописывает в характеристике своего персонажа его общение с книгой, очерчивая круг произведений, которые тот прочел или нет. Райский — «герой читающий», и именно ему доверено «возглавлять» круг себе подобных персонажей-читателей, к которым можно отнести Леонтия Козлова, Веру, отчасти Марфиньку. Бабушка Татьяна Марковна к чтению и книге причастна, но Гончаров говорит об этом косвенно, не уделяя особого внимания чтению в характеристике героини. Отношение к книге у Марка Волохова резко отличается от других, хотя и его стоит отнести к группе читающих персонажей.

Райский с самого детства был окружен книгами, «читал со страстью историю, эпопею, роман, басню, выпрашивал, где мог, книги» [6: с. 44]. Ключи от отцовской библиотеки были переданы ему Бабушкой². Библиотека будет фигурировать в романе как важнейшее место действия, а также точка пересечения интересов читающих персонажей и героев, не очень признающих чтение. Она источник культуры, связывающий между собой несколько поколений.

Райский становится страстным читателем, но отбора книг для чтения, какой-либо определенной читательской стратегии у него не было: он «проглатывал» книги одну за другой и «читал жадно, почти не переводя духа» [6: с. 47]. Чтение для Райского — это «вторая реальность», в которую он с удовольствием окунался, вместе с героями воевал, умирал и вновь возрождался, именно поэтому так «разрывался от волнения» [6: 47]. Книги помогали воображению Райского создать мир фантазии, в которой он чувствовал себя намного увереннее, чем в настоящем, «он бросался к Плутарху, чтоб только *дальше уйти от современной жизни*» [6: с. 47] (курсив мой. — Д. М.).

Отношение Райского к книге можно назвать несерьезным, переменчивым. Герой не сосредоточен на содержании. В любви и в дружбе Райский ведет себя так же: «Между товарищами он был очень странен: они тоже не знали, как понимать его. Симпатии его так часто менялись, что у него не было ни постоянных

² Вслед за Гончаровым (статья «Лучше поздно, чем никогда») используем «бабушка» как имя собственное, поэтому пишем с заглавной буквы.

друзей, ни врагов» [6: с. 47]. Создается ощущение, что у Райского не было ничего постоянного или устоявшегося.

И все же круг чтения Райского нельзя назвать уж слишком хаотичным. Конкретные произведения Плутарха или Тацита, которые читал Райский, не названы, но важно, что ими же серьезно увлекался и Леонтий Козлов, который изучил древнюю жизнь и углубился в нее настолько, что не замечал настоящей. Вообще знакомство Райского с древней литературой произошло лишь на втором курсе университета, когда тот сблизился с робким и «забытым бедностью» Козловым, который и посвятил друга «в тайны разумения древнего мира» [6: с. 85].

В противоположность Леонтию Козлову, Райский ругает классиков, считая прошлое прошлым, но в то же время не стремится примкнуть к каким-то современным движениям и направлениям. *«Книги? Разве это жизнь? Старые книги сделали свое дело; люди рвутся вперед, ищут улучшить себя, очистить понятия, прогнать туман, условиться поопределительнее в общественных вопросах, в правах, в нравах; наконец привести в порядок и общественное хозяйство... А он глядит в книгу, а не в жизнь!»* [6: с. 207] (курсив мой. — Д. М.), — возражал Райский Козлову, хотя для него самого не так давно книга и была целой жизнью. В ответ Козлов очень верно замечал: «Чего нет в этих книгах, того и в жизни нет или не нужно!» [6: с. 207]. Козлов тверд в своем убеждении и в своем отношении к жизни.

Удивление может вызвать высказывание Райского о книгах, которые, казалось бы, навсегда стали верными спутниками его жизни: «Оставим римлян и греков — они сделали свое. Будем же делать и мы, чтоб разбудить это (он указал вокруг на спящие улицы, сады и дома). Будем превращать эти обширные кладбища в жилые места, *встряхивать спящие умы от застоя!*» [6: с. 210] (курсив мой. — Д. М.). Представляется, что желая изменить общество — «встряхивать умы от застоя», Райский имеет в виду прежде всего себя. Это ему нужно стать «проснувшимся» [2: с. 195] Райским и уже не засыпать никогда, подобно Обломову.

Одновременно с этим Райскому не хватает внутренней твердости или устойчивости. Он, талантливый человек, остается

«дилетантом» [5: с. 158] во всех видах деятельности, которыми успел увлечься в детстве или в пору учения в университете. Дилетантизм, видимо, положен в основу всей жизни Райского, что дает о себе знать в отношении к людям, друзьям, искусству. Быть дилетантом (человеком без профессиональной подготовки в той или иной области³) Райскому доводилось не единожды. Он специально приехал в Малиновку для того, чтобы писать роман.

Д.С. Мережковский отметил: «Райский — воплощение и развитие созерцательной, артистической стороны обломовского типа. Такие мягкие, впечатлительные и ленивые натуры — благодарная почва для художественного дилетантизма» [7: с. 623]. В связи с дилетантизмом Райского Е.А. Краснощекова размышляет о мотиве скуки в романе. Исследовательница, ссылаясь на мнение Вс. Сечкарева, пишет: «Гончаров делает скуку “доминирующей философской проблемой, главной движущей силой деятельности Бориса Райского, и возводит ее в статус основного вопроса как жизни, так и искусства”» [7: с. 332]. То есть скука — одна из причин дилетантизма Райского.

Из всех жанров Райский предпочитал роман: «В романе укладывается жизнь, и целиком, и по частям», именно в романе представляется уникальная возможность «смешать свою жизнь с чужою, занести эту массу наблюдений, мыслей, опытов, портретов; картин, ощущений, чувств» [6: с. 375]. Райский считал, что петербургская жизнь, лишенная боренья страстей, не может дать пищи для такого монументального и многообразного по форме романа. И впервые в Малиновке герой знакомится с лицами, драматическая история которых составит сюжет гончаровского «Обрыва» и послужит Райскому материалом для задуманного им романа.

Гончаров устами Райского представил своего рода «теорию романа». Писатель как будто бы создает свой роман следом за своим же героем, который собирает материал для собственной книги, или даже вместе с ним. В конечном счете «Обрыв» оказывается способом реализации гончаровской идеи романа, но это не могло состояться *без* Райского. Он кропотливо работает над рома-

³ В современной трактовке этого слова.

ном, бросает его и снова возвращается, не особенно понимая, как соединить между собой разные зарисовки.

Богатая фантазия Райского была направлена на жизненно важные вещи, которые и создавали *роман жизни* Райского. По мысли Гончарова, Райский обладал множеством возможностей реализовать себя в искусстве, но виной всему его неусидчивость, неуспокоенность и неудовлетворенность только одним видом творческой деятельности.

Сложившаяся в литературе о Гончарове тенденция видеть в Райском исключительно дилетанта представляется все же не вполне справедливой. Гончаров делает своим героем обыкновенного человека, при этом очень талантливого и увлекающегося, но именно потому, что Райскому бесконечно интересна жизнь во всех ее проявлениях. Для него творчество, музыка, рисование — это жизнь, и *процесс чтения* также есть сама жизнь, состояние души, смысл движения, «неуствания» от жизни.

Стремясь написать роман, Райский тем самым одновременно читает и пишет свою книгу жизни, свой роман каждый день, каждый миг. Райский был дилетантом в профессиональной сфере, не смог написать книгу в виде текста, но, как отмечает И.А. Беляева, «он видит свою собственную жизнь как книгу и творит ее как романист» [3: с. 225]. Гончаров предлагает читателю следовать за Райским и научиться, подобно его герою, быть и читателем, и писателем: смотреть на свою жизнь как на текст, который порой очень непросто не то чтобы писать, но даже читать. И в этом смысле метафора «книга жизни» становится в романе Гончарова практическим руководством для читателя: пробуждает его душу, ум и сердце и побуждает к жизнетворчеству.

Литература

1. *Балашова Е.А.* Литературное творчество героев И.А. Гончарова // Гончаров И.А.: материалы Междунар. конф., посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологич. продвижения, 2003. С. 179–185.

2. *Беляева И.А.* Генезис русского классического романа: («Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете как истоки жанра): учеб. пособие: в 2 ч. Ч. I. М.: МГПУ, 2011. 279 с.

3. *Беляева И.А.* Роман как жизнь и жизнь как роман: мотив пробуждения в романе И.А. Гончарова «Обрыв // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 219–226.

4. *Володина Н.В.* «Эстетическое сознание» персонажей романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» // Володина Н.В. Литературный герой как читатель: (на материале рус. лит. 1860-х годов). Череповец: Черепов. гос. ун-т, 1997. С. 22–39.

5. *Володина Н.В.* Герои романа И.А. Гончарова «Обрыв» как читатели // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 154–163.

6. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997 — издание продолжается.

7. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.

8. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной истории. М.: Республика, 1995. 623 с.

9. *Чернец Л.В.* Читатели и критики в художественном изображении: Очерк И.А. Гончарова «Литературный вечер» // Читатель в творческом сознании русских писателей: межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 133–148.

References

1. *Balashova E.A.* Literaturnoe tvorchestvo geroev I.A. Goncharova // Goncharov I. A.: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashhennoj 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. Ul'yankovsk: Korporaciya texnologij prodvizheniya, 2003. S. 179–185.

2. *Belyaeva I.A.* Genezis russkogo klassicheskogo romana: («Bozhestvennaya komediya» Dante i «Faust» Gete kak istoki zhanra): ucheb. posobie: v 2 ch. M.: MGPU, 2011. Ch. I. 279 s.

3. *Belyaeva I.A.* Roman kak zhizn' i zhizn' kak roman: motiv probuzhdeniya v romane I.A. Goncharova «Obryv» // I.A. Goncharov: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashh. 200-letiyu so dnya rozhd. I.A. Goncharova: sb. rus. i zarub. avtorov. Ul'yankovsk: Korporaciya texnologij prodvizheniya, 2012. S. 219–226.

4. *Volodina N.V.* «E'stetcheskoe soznanie» personazhej romanov I.A. Goncharova «Oblomov» i «Obryv» // Literaturny'j geroy kak chitatel': (na materiale rus. lit. 1860-x godov). Cherepovecz: Cherepov. gos. un-t, 1997. S. 22–39.

5. *Volodina N.V.* Geroi romana I.A. Goncharova «Obry'v» kak chitateli // I.A. Goncharov: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashh. 190-letiyu so dnya rozhd. I.A. Goncharova: sb. rus. i zarubezh. avtorov. Ul'yanovsk: Korporaciya tehnologij prodvizheniya, 2003. S. 154–163.

6. *Goncharov I.A.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. / I.A. Goncharov. Spb.: Nauka, 1997 — izdanie prodolzhaetsya.

7. *Krasnoshheкова E.A.* I.A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.

8. *Merezhkovskij D.S.* Vechny'e sputniki. Portrety' iz vseмирnoj istorii. M.: Respublika, 1995. 623 s.

9. *Chernecz L.V.* Chitateli i kritiki v hudozhestvennom izobrazhenii: Oчерk I.A. Goncharova «Literaturny'j vecher» // Chitatel' v tvorcheskom soznanii russkix pisatelej: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr. / Kalininsk. gos. un-t. Kalinin, 1986. S. 133–148.

В.В. Коротаева,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: viktorykorotaeva@yandex.ru

Лес в структуре художественного пространства в романе И.А. Гончарова «Обрыв»

В статье лес рассматривается как важнейший уровень художественного пространства в романе И.А. Гончарова «Обрыв». Определяются природные «границы» леса и смежные с ним пространственные топосы (роща, сад, обрыв), которые влияют и во многом определяют его сакральную семантику, отражающую национальную ментальность. Зооморфные сравнения персонажей с лесными и степными обитателями животного мира также исследуются в свете их соотношенности с пространством леса.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Обрыв»; лес; пространство; этнопоэтика.

V. Korotaeva

Forest in the Structure of Space in I.A. Goncharov's Novel «The Precipice»

The article deals with forest as a primary level of art space in I.A. Goncharov's novel «The Precipice». There are defined the natural boundaries of forest and adjacent spatial toposes (copse, garden, precipice) which influence and largely determine its sacred semantics, reflecting the national mentality. The zoomorphic comparisons of characters with forest and prairie inhabitants of the animal world are also studied in the light of relating them to the forest space.

Keywords: I.A. Goncharov; «The Precipice»; forest; space; ethnopoetics.

Художественное пространство является неотъемлемой частью бытия литературного произведения. Однако последнее существует в пространстве культуры, что также находит отражение в тексте (М.В. Лескинен и Г.П. Мельников [11]; Ю.А. Веденина

и М.Е. Кулешова [4]). Изучению национальной специфики (или в современной терминологии «этнопоэтики»: Ю.Г. Гладких [5], Н.П. Крохина [10]) текстов И.А. Гончарова посвящены научные статьи и монографии В.Г. Щукина [13], М.В. Глазковой [6], И.А. Беляевой [2, 3], Н.А. Гузь [7], Н.В. Мироновой [12], К. Hansen Love [14], которые стали важной частью теоретико-методологической основы нашего исследования.

В романе Гончарова «Обрыв» лес, наряду со степью, образует особый уровень художественного пространства — природного, которое, в свою очередь, вступает в оппозицию, а иногда и смыкается с пространством города.

Обратимся к тому, как устроен «лесной» уровень пространства в романе «Обрыв», чем репрезентирован и с какими смежными природными рядами соотнесен.

Лес представляет собой что-то таинственное и нередко манящее. Недаром Веру так тянет в рощу (*малый лес*), за реку к падье, поближе к лесу. Лес притягивает к себе и Райского: ему тоже нравится ходить в рощу, после захотелось поехать к Тушину, посмотреть на «его лес». И только Марфенька опасается лесного пространства. Не случайно в народной культуре лес воспринимается как «пространство небытия», опасный мир, демонический локус» [1: с. 97–100]. К тому же в романе Гончарова лес напрямую связан еще с таким видом *слова горизонтали*, как обрыв, поскольку именно на пути в рощу и возникает преграда в виде обрыва. «Чем далее от домов, тем сад был запущеннее <...> там шла кучка лип, хотела было образовать аллею, да вдруг ушла в лес и *братски* перепуталась с ельником, березняком. И вдруг все кончалось обрывом, поросшим кустами» [8: с. 59] (курсив мой. — В. К.).

«Нестрашным» вариантом леса в романе оказывается роща, которая неразрывно связана с усадьбой Малиновкой и с садом, примыкающим к роще. Однако сам сад отчасти похож на лес. Границы между этими природными пространствами оказываются размытыми. А определение «братски» свидетельствует о какой-то родственной сущности этих разных топосов — дикого леса и окультуренного сада. Причем именно родством своим с лесом

сад и преобразается — подчеркивается интонационно (приподнятая интонация) и, как уже отмечалось, лексически («братски»). Можно предположить, что сад, трансформируясь в лес, передает ему часть своих значений, своего символического смысла. И если сад воспринимается как Рай (как ощущает его и сам Райский), то лес, находясь в прямом взаимодействии с ним, обретает эти же свойства, становясь священным местом, и в качестве природного пространства едва ли не обожествляется.

В тексте романа неоднократно упоминается, как Вера, Райский и Марк «срываются в рощу с обрыва» [8: с. 259, 282, 424, 463]. В русских мифах высокие берега считаются делом рук Бога и черта одновременно [11: с. 49]. Интересно такое упоминание о спуске Веры с обрыва: она, «как дух», пропадает «с обрыва в рощу» [8: с. 500]. Героиня оказывается сродни сверхъестественному существу, что отсылает читателя к мифологии. К тому же обрыв может восприниматься как сакральный локус, место расположения культовых строений и *священных рощ* (см.: [11: с. 50]). Обрыв в романе Гончарова именно лесистый, переходит в рощу, а та, в свою очередь, становится «священной» благодаря свойствам, которые она переняла у сада. Но еще есть упоминание о часовне, расположенной на краю этого «малого леса»: «Между рощей и проезжей дорогой стояла в стороне, на лугу, уединенная деревянная часовня» [8: с. 463]. Часовня и становится тем «культовым строением», к которому обращаются герои (Вера и бабушка) в минуты потери веры.

Итак, мотив «падения» героини связан не просто с обрывом, но с обрывом лесистым (священная роща), что изначально подразумевает возрождение и пробуждение. Когда Вера спускается с обрыва, то достигает крайней точки, дна, с которого начинается восхождение (как у Данте — нужно дойти до дна, которое оказывается дорогой на чистилищную гору). И «переворот наверху обрыва», который случился с Верой, когда она поднялась по нему, и есть путь ее восхождения. Этот путь осуществлялся с помощью общения с Богом. Райский неоднократно заставлял Веру молящейся около часовни, расположенной на краю рощи. Она служила ей путем душевного восстановления, возрождения, который окончательно

завершился «наверху обрыва», где начинается роща как вариант расположенного к человеку спасительного леса.

Таким образом, локусы обрыва, рощи, на краю которой располагается часовня, приобретают в романе сакральный смысл и свидетельствуют о «восстановлении» павшего человека.

Сад, переплетаясь и соединяясь с рощей, передает ей свои «райские» свойства. Лес, расположенный на другом берегу Волги, где живет Тушин, оказывается также не лишенным этих свойств, несмотря на водную границу. Так, Вера ее легко и неоднократно преодолевает, а Тушин едва не примиряет две стихии — леса и воды. Тушина в романе называют хозяином леса: «Ивана Ивановича “лесничим” прозвали потому, что он жил в самой чаще леса, в собственной усадьбе, сам занимался с любовью этим лесом, растил, холил, берег его, с одной стороны, а с другой — рубил, продавал и сплавлял по Волге» [8: с. 454]. Тушин очень гордился лесом, ухаживал за ним, берег его, но и жил им и одновременно для него.

В романе усадьбу Тушина под названием Дымок Райский иронически именуется «берлогой», а самого Тушина многие персонажи сравнивают с «медведем». Гончаров наделяет героя медвежьими повадками: «медвежья крепость организма», «перемогая с медвежьей силой внутреннюю муку», «он вцепился бы своими медвежьими когтями» [8: с. 738, 715, 746, 753]. Все перечисленное указывает на физическую силу Тушина. И не зря: в славянской мифологии медведь является символом здоровья и силы [9: с. 4].

Зооморфное сравнение Тушина с обитателем леса вступает в «лесо-степную» оппозицию этого персонажа к Марку Волохову, чья фамилия и повадки соотнесены с волком. В поведении, мимике Марка часто прослеживаются волчьи черты: «Он свирепел, скалил зубы, как “волк”, <...> рыча про себя, ложился смиренно у ног ее, чуя победу и добычу впереди» [8: с. 661]. Таким этот герой предстает в воображении Веры. Как только она убедилась в том, что сравнение Марка с волком удачно, Вера начала находить в нем и звериные повадки. «Что теперь он делает, этот волк? — думала она иногда, — торжествует ли свою победу. <...> Про великодушие нечего ему говорить: волки не знают его!...» [8: с. 663, 704]. Вера приписывает Марку только негативные стороны волчьего поведения.

Таким образом, пространство леса и составляющие его элементы в романе «Обрыв» образуют топос, в котором персонажи романа переживают как падение, так и возрождение. Лес оказывается миром, органичным для русской души, способной к мощным метаморфозам вертикали (от дурного до великого). Лес, в отличие от степи с ее горизонталью, со всеми его лесными обитателями (медведями и волками — отчасти и степными жителями), вмещает в себя разные краски бытия и способен быть мощным источником жизненных сил.

Литература

1. *Агапкина Т.А.* Лес // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. (К – П). М., 2004. С. 97–100.
2. *Беляева И.А.* О «психологической» функции пространства и времени в прозе И.А. Гончарова и И.С. Тургенева // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Ф. Киров. М.: МГПУ, 2008. Вып. 3. С. 116–129.
3. *Беляева И.А.* «Сон Обломова» из романа И.А. Гончарова «Обломов» и его национальные коды // Русская литература: комментарии, анализ, художественные тексты: учеб. пособие / сост. и ред. И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2013. С. 72–87.
4. *Веденина Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: Наука, 2004. 629 с.
5. *Гладких Ю.Г.* Этнопоэтика художественного и фольклорного текста: учеб. пособие / Ю.Г. Гладких, Е.М. Гордеева, И.А. Подюков; Пермск. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2013. 91 с.
6. *Глазкова М.В.* Топос сада в романном мире И.А. Гончарова: (На материале романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») // Православная культура в России: прошлое и настоящее: (По материалам Вторых Св.-Филарет. чтений). М., 2007. С. 125–129.
7. *Гузь Н.А.* Пространственная организация романов И.А. Гончарова [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18277546> (дата обращения: 12.01.2016).
8. *Гончаров И.А.* Обрыв // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 772 с.
9. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1992. 459 с.
10. *Крохина Н.П.* Литургическое слово и этнопоэтика: монография. Шуя: ФГБОУ ВПО ШГПУ, 2012. 123 с.

11. *Лескинен М.В., Мельников Г.П.* Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 352 с.
12. *Миროнова Н.В.* Пространство в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Гончаров И.А.: материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова / сост. М.Б. Жданова, А.В. Лобкарёва, И.В. Смирнова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 20–25.
13. *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей / [гл. ред. С.Я. Левитг]. М.: РОССПЭН, 2007. 607 с.
14. *Hansen Love Katharina.* The Structure of Space in Goncharov's «Oblomov» // Russian Literature. XXVIII (1990). С. 174–210.

References

1. *Agapkina T.A.* Les // Slavyanskije drevnosti: E'tnolingvističeskij slovar' / pod obshh. red. N.I. Tolstogo. T. 3. (K – P). M., 2004. S. 97–100.
2. *Belyaeva I.A.* O «psixologičeskoj» funkcii prostranstva i vremeni v proze I.A. Gončarova i I.S. Turgeneva // Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st. / otv. red. E.F. Kirov. M.: MGPU, 2008. Vy'p. 3. S. 116–129.
3. *Belyaeva I.A.* «Son Oblomova» iz romana I.A. Gončarova «Oblomov» i ego nacional'ny'e kody' // Russkaja literatura: kommentarii, analiz, hudozhestvenny'e teksty': ucheb. posobie / sost. i red. I.N. Rajkova. M.: MGPU, 2013. S. 72–87.
4. *Vedenina Yu.A., Kuleshova M.E.* Kul'turny'j landshaft kak ob'ekt naslediya. SPb.: Nauka, 2004. 629 s.
5. *Gladkix Yu.G.* E'tnopoe'tika hudozhestvennogo i fol'klornogo teksta: ucheb. posobie / Yu.G. Gladkix, E.M. Gordeeva, I.A. Podyukov; Permsk. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm', 2013. 91 s.
6. *Glazkova M.V.* Topos sada v romannom mire I.A. Gončarova: (Na materiale romanov «Oby'knovennaya istoriya», «Oblomov», «Oby'v») // Pravoslav'naya kul'tura v Rossii: proshloe i nastoyashhee: (Po materialam Vtory'x Sv.-Filaret. chtenij). M., 2007. S. 125–129.
7. *Guz' N.A.* Prostranstvennaya organizaciya romanov I.A. Gončarova. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18277546> (data obrabshheniya: 12.01.2016).
8. *Goncharov I.A.* Oby'v // Goncharov I.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 7. SPb.: Nauka, 2004. 772 s.
9. *Gura A.V.* Simvolika zhivotny'x v slavyanskoj narodnoj tradicii. M.: Indrik, 1992. 459 s.

10. *Kroxina N.P.* Liturgicheskoe slovo i e'tnopoe'tika: monografiya. Shuya: FGBOU VPO ShGPU, 2012. 123 s.
11. *Leskinen M.V., Mel'nikov G.P.* Landshafty' kul'tury'. Slavyanskij mir. M.: Progress-Tradiciya, 2007. 352 s.
12. *Mironova N.V.* Prostranstvo v «Oby'knovennoj istorii» I.A. Goncharova // Goncharov I.A.: materialy' Mezhdunar. konf., posvyashh. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova / sost. M.B. Zhdanova, A.V. Lobkaryova, I.V. Smirnova. Ul'yanovsk: Korporaciya tehnologij prodvizheniya, 2003. S. 20–25.
13. *Shhukin V.G.* Rossijskij genij prosveshheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoe'tiki i istorii idej / [gl. red. S. Ya. Levit]. M.: ROSSPE'N, 2007. 607 s.
14. *Hansen Love Katharina.* The Structure of Space in Goncharov's «Oblomov» // Russian Literature. XXVIII (1990). C. 174–210.

А.А. Семакина,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.
E-mail: Lenor495@mail.ru

Женские образы в романе И.А. Гончарова «Обрыв» и «фаустовский сюжет»

Гончаров полагал, что существует родство между творческими типами в литературах разных народов. Эта идея в полной мере воплотилась в художественной антропологии писателя. Из творчества Гете Гончаровым был более всего востребован «фаустовский сюжет»: в своих героинях писатель воссоздавал «фаустовские» черты, что придавало многим его женским персонажам объемность и человеческую глубину.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Обрыв»; женские персонажи; «фаустовский сюжет».

A. Semakina

Female's Characters in the I.A. Goncharov's Novel «The Precipice» and «Faustian Plot»

Goncharov supposed that there is a connection between creative types in the literatures of different nations. This idea is fully embodied in the writer's artistic anthropology. «Faustian story» was mostly demanded from Goethe's creativity. Goncharov created «Goethe's features» in his characters, which gave many of his female characters human depth.

Keywords: I.A. Goncharov; «The Precipice»; female characters; «Faustian plot».

В статье «Лучше поздно, чем никогда» И.А. Гончаров писал о «наследственном родстве» между «творческими типами» [3: с. 77], которые неизменно появляются в художественных произведениях разных эпох и народов. Таков и тип «Фауста» из одноименной книги великого немецкого писателя.

Влияние Гете на творчество Гончарова отмечают такие исследователи, как Е.А. Краснощекова [5], В.И. Мельник [7], М.В. Отрадин [8], Ю.М. Лошиц [6], И.А. Беляева [1], З. Хайнади [9] и др. Речь в этих исследованиях идет прежде всего о цитациях, аллюзиях и реминисценциях из «Фауста» Гете, а также об освоении русским писателем опыта «романа воспитания».

Мы обратимся к проблеме «фаустовского сюжета» в романе Гончарова «Обрыв», понимаемого, вслед за И.А. Беляевой, как определенная сюжетная модель, в которой важен «фаустовский» тип героя, готового ради познания и обретения гармонии экспериментировать «над собой, над жизнью» и стремящегося «достигнуть исковой полноты бытия через любовь» [1: с. 9, 10]. В романе Гончарова красота явлена в образе земной женщины, именно поэтому в нашей работе в связи с «фаустовским сюжетом» акценты будут сделаны на женских образах.

В романе «Обрыв» Гончаров не дает прямых указаний на родство свойств и черт героинь с женскими персонажами из «Фауста» Гете, прежде всего с Гретхен, однако присутствует общая интонация в содержании образов. Есть точное и емкое определение сущности характера Гретхен, предложенное И.С. Тургеневым: «она мила, как цветок, прозрачна, как стакан воды, понятна, как дважды два — четыре» [10: с. 211]. Это описание напоминает Марфиньку («Обрыв»), одним из архетипических источников образа которой можно считать гетевскую Гретхен.

«Ясен, открыт, понятен сразу» [2: с. 77] облик Марфиньки, которая, по мнению Гончарова, относится к «положительному» женскому типу, вмещающему в себя все лучшее, что дала эпоха. Гретхен, как и Марфинька, воплощает собой мир простых чувств, естественного, здорового существования. Героини действительно похожи, но герой Гончарова, впрочем, как и Фауст, ищет не этого, он ловит красоту в разных ее жизненных проявлениях. Фауст под действием настойки, которую получает из рук ведьмы по наущению Мефистофеля, видит в Гретхен Елену Прекрасную, хочет соблазнить ее. Роль соблазнителя и искусителя Райскому, подобно Фаусту, присуща, ведь он хотел «попробовать разбудить

сон» [3: т. 7, с. 231] героини, изменить ее детские представления о жизни. Но Марфинька, чистая и светлая натура, не поддавалась на провокации брата.

Думается, Гончаров не просто показывает, что Райскому не удастся ничем «испортить» Марфиньку, которая является воплощением «чистой девической скромности» [3: т. 7, с. 386], но предлагает нетрагическую вариацию на тему гетевской Гретхен, признавая свою правду и силу в той жизненной позиции, что представляет собой эта героиня.

В образе Веры также немало общего с Гретхен. Обе героини поставлены в схожую ситуацию искушения, их отчасти сближает ее трагический исход (в случае с Верой не реализующийся). У Веры, в отличие от Гретхен, есть близкие люди рядом, которые готовы помочь, поддержать ее. Она открывает свой «грех» Тушину и, самое главное, Бабушке, от которой ждет не снисхождения и жалости, но очистительного огня. Она готова работой всех сил ума и сердца очиститься от греха. Для Гретхен этот путь закрыт. Предпочтя мученическую смерть, Божий суд и искреннее раскаяние побегу, героиня спасла свою душу.

Итак, Вера и Марфинька представляют как бы две разные ипостаси Гретхен. Одна — трагическую ее сторону, другая — идиллическую. При этом обе сестры оказываются, каждая по-своему и в силу своего личностного масштаба, «больше» Гретхен: они в силах бороться с искушениями. Однако во многом соотнесенность с образом Маргариты и сближает двух сестер, столь разных по характеру.

Образ Веры как искательницы истины, однако, содержит в себе немало фаустовского. Стоит обратить внимание на ситуацию пары: у Фауста есть Мефистофель, у Веры их как минимум два — Марк и Райский. Подобно Фаусту, Вера не хочет мириться с бессмысленностью мгновения. Ее душа противится смертности чувства, на котором настаивает Марк со своей теорией «любви на срок». Таким образом, фаустовская ситуация в случае с Верой связана с ключевым звеном, которое присутствует как у Гете, так и у Гончарова: это — оппозиция мгновения и вечности. Фауст хочет, чтобы мгновение не проходило, т. е. было вечным. Вера же

хочет вечной любви. Фауст доверяет свою душу темным силам (Мефистофелю), Вера — Волохову. За этим незамедлительно следуют страдания.

Обратимся к эпизоду строительства плотины во второй части «Фауста». Невидящего героя Гете можно сравнить с Верой, которая слепа в любви. Занимаясь трудом, Фауст понимает, что он счастлив. Это и есть то самое мгновение, которое он желает остановить, после чего умирает. На наш взгляд, для Веры этим мгновением является близость с Марком, ведь на секунду она подумала, что возлюбленный переменил свои взгляды на любовь.

Мефистофель желает завладеть душой Фауста, но ангелы уносят ее. Марк также хочет завладеть Верой, предлагает ей бежать. В роли ангела-хранителя в данной ситуации выступают не посланники небес, но близкие люди: Бабушка, Райский и Тущин, которые помогают Вере найти свой путь. Здесь мы говорим о ситуации «спасения», которую Гончаров просто переносит в реальную плоскость, ведь он считал, что спасение должно происходить непременно на земле, а не на небе, иначе нельзя достигнуть «вечного Правосудия» [4: с. 185]. Если у Гете Фауст спасен ангелами и прежде всего молящейся о нем Гретхен, то у Гончарова спасители Веры-Фауста — живые, из плоти и крови.

Подводя итог, хочется отметить, что в романах Гончарова фаустовские литературные архетипы перекликаются, даже в чем-то объединяются. По нашему глубокому убеждению, смысл подобного явления состоит в освоении писателем «фаустовского сюжета» на русской почве, применительно к новому времени и к национальным традициям духовной культуры. Из «Фауста» Гончаров берет общие ситуации — и предлагает своим персонажам в этих ситуациях побывать (испытание любовью, искушение, поиск гармонии и т. д.). На примере Веры писатель показал, что одна и та же героиня может быть и Фаустом, и Гретхен. Но это не самое главное: жизнь предлагает многогранные испытания для современной женщины. И лучшие ее представители, героини «самобытные и самодеятельные», в своих исканиях и требованиях к жизни уравнились с Фаустом, а может быть, оказались и сложнее его.

Литература

1. *Беляева И.А.* Обломов и проблема «русского Фауста» // Русистика и компаративистика. Вып. VIII: Вильнюс; М.: Edukologija, 2013. С. 7–19.
2. *Гончаров И.А.* Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952–1955. С. 64–113.
3. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 772 с.
4. *Гончаров И.А.* Письмо Романову К.К., 6 марта 1885 г. С.-Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: ТриТэ: Рос. Архив, 1994. С. 184–186.
5. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
6. *Лоциц Ю.М.* Гончаров: 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1986. 367 с.
7. *Мельник В.И.* И.А. Гончаров в контексте русской и мировой литературы. М.: ГАСК, 2012. 355 с.
8. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 168 с.
9. *Хайнади З.* Обломов как Анти-Фауст // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 360–386
10. *Тургенев И.С.* Фауст, траг. Соч. Гете / перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1978–1990. С. 197–235.

References

1. *Belyaeva I.A.* Oblomov i problema «russkogo Fausta» // Rusistika i komparativistika. Vy'p. VIII: Vil'nus; M.: Edukologija, 2013. S. 7–19.
2. *Goncharov I.A.* Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskij'e zametki) // Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 8 t. T. 8. Stat'i, zametki, recenzii, avtobiografii, izbranny'e pis'ma. M.: Gos. izd-vo xud. lit., 1952–1955. S. 64–113.
3. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 7. SPb.: Nauka, 2004. 772 s.
4. *Goncharov I.A.* Pis'mo Romanovu K.K., 6 marta 1885 g. S.-Peterburg // Rossijskij Arxiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvax i dokumantax XVIII–XX vv.: Al'manax. M.: TriTe': Ros. Arxiv, 1994. S. 184–186.
5. *Krasnoshheкова E.A.* I.A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.

6. *Loshhicz Yu.M.* Goncharov: 2-e izd., ispr. i dop. M.: Molodaya gvardiya, 1986. 367 s.
7. *Mel'nik V. I.* I.A. Goncharov v kontekste ruskoj i mirovoi literatury'. M.: GASK, 2012. 355 s.
8. *Otradin M.V.* Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 168 s.
9. *Xajjadi Z.* Oblomov kak Anti-Faust // *Voprosy' literatury'*. 2010. № 4. S. 360–386.
10. *Turgenev I.S.* Faust, trag. Soch. Gete / perevod pervoi i izlozenie vtoroj chasti. M. Voronchenko // *Turgenev I.S. Sobr. soch.:* v 30 t. T. 1. M.: Nauka, 1978–1990. S. 197–235.

Е.В. Баев,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

Особенности употребления темпоральной лексики в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв»

Статья представляет компаративное исследование темпоральной лексики в двух романах, написанных Иваном Гончаровым. В ней рассмотрены некоторые закономерности употребления темпоральной лексики на примере номинативной темпоральной лексики. Описаны главные отличия в употреблении слов «секунда», «минута» и «час» с помощью метода частотного анализа. Отличия рассмотрены с позиции семантики лексем и их синтаксической роли. Темпоральная лексика в романах Гончарова склонна присоединять качественные характеристики и частично утрачивать темпоральную семантику и (или) семантику точного времени. Роль номинативной лексики со значением точного времени возрастает в романе «Обрыв» по сравнению с романом «Обломов».

Ключевые слова: история русского литературного языка; семантика слов со значением времени; темпоральная лексика.

Е. Ваев

Features of the Usage of Temporal Lexis in the Ivan Goncharov's Novels «Oblomov» and «The Precipice»

The article presents the comparative research of the temporal lexis in the two novels written by Ivan Goncharov. It examines some of the patterns of use of temporal lexicon on the example of nominative temporal words. It describes the main differences in the use of the words «second», «minute» and «hour» using a frequency analysis method. Those differences are analyzed from the perspective of studying words' semantic and their syntax roles. Temporal lexicon in the novels Goncharov inclined to attach qualitative characteristics and partially lose temporal semantics and (or) semantics of the exact time. The role of the nominative lexis with precise time semantics increases in the novel «Obryv» in comparison with the novel «Oblomov».

Keywords: history of Russian literature language; lexica of time semantics; temporal words.

Творчество И.А. Гончарова занимает одно из центральных мест в русской литературе XIX века, что делает изучение языковых особенностей его произведений чрезвычайно актуальным и интересным в рамках исследования проблем становления и развития современного русского литературного языка. Романная трилогия Гончарова (1847 — «Обыкновенная история», 1859 — «Обломов», 1869 — «Обрыв») как нельзя лучше позволяет проследить тенденции этого развития в текстах, рожденных одним и тем же языковым сознанием, но значительно разнесенных во времени и, по сути, представляющих три временных языковых среза центральных десятилетий XIX века. Целью данной статьи стало изучение особенностей отражения в двух романах трилогии одного из лексических пластов — номинативной темпоральной лексики. Был поставлен ряд взаимосвязанных задач: во-первых, проследить особенности отражения данной лексической группы в конкретном тексте в соотношении с нормативным употреблением, зафиксированным в словаре 1847 года; во-вторых, сравнить наполнение группы и семантику лексем в «Обломове» и «Обрыве» и на той основе, в-третьих, изучить отражение эволюции русского литературного языка в языковом сознании автора этих романов как носителя русского языка.

С грамматических позиций темпоральная лексика (лексика с временным значением и ролью временного показателя) в «Теории функциональной грамматики» (ТФГ) А.В. Бондарко (во втором томе, в главе первой «Темпоральность») рассмотрена в рамках изучения функционально-семантического поля темпоральности, более конкретно — его периферии, еще более конкретно — дальней периферии. В ТФГ данная лексика объединена под общим названием «лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений» [1: с. 53]. Лексемы, характеризующие временной дейксис, но не имеющие устойчивой структурной (синтаксической) характеристики (как обстоятельственная роль у вышеназванной группы лексем) были выделены А.В. Бондарко в особую, отдельную группу лексем как средства передачи темпоральных отношений с пометой «контекстуальные» [1: с. 55]. Для лексических обстоятельственных конкретизаторов А.В. Бондарко выделяет следующие два типа

функций [1: с. 53]: функцию дополнительной конкретизации дейктических темпоральных отношений, которые выражаются грамматическими формами времени, и функцию основного обозначения темпоральной отнесенности в тех случаях, когда предикат не имеет собственной устойчивой предикатной характеристики. Несмотря на свою «периферийность», темпоральная лексика играют важную конкретизирующую роль по отношению к «обобщенным дейктическим значениям глагольных форм» [1: с. 54–55], позволяя грамматическим формам времени выполнять художественную функцию, т. е. задействовать те формы времени, которые кажутся автору речи наиболее подходящими в рамках поставленных им задач, без потери реального временного плана, и как следствие — смысла. Семантическая классификация темпоральной лексики традиционно восходит к логико-интуитивному анализу лексики, где исследователь опирается или на слова, выражающие время, или на слова контекстуально передающие значение времени [4: с. 245].

При анализе были использованы методы классификации лексики, описанные В.В. Морковкиным. Для этого был отобран комплекс слов, выражающих значение точного времени, — слова, служащие для обозначения времени, употребляющиеся в качестве единиц измерения времени и выражающие так называемое определенное время, выраженное лексемами с семантикой определенной длительности [3: с. 89–91]. Лексемы данной семантической категории могут выполнять как роль субъекта действия, так и обстоятельственную роль.

Лексема «секунда» в тексте «Обломова» не употребляется ни разу. Это связано с ее достаточно поздним заимствованием из немецкого языка (XIX век). Лексема «секунда» в тексте «Обрыва» уже употребляется, но всего лишь два раза. Явственно проявляющееся коннотативное, качественное значение, приложенное к слову «секунда» во втором его употреблении (секунда необычна, она выделяется субъектом действия из прочих секунд), тем не менее еще не сопровождается устойчивой характеристикой. Сама частота употребления также указывает на то, что лексема еще не успела войти в совокупность художественных средств,

в частности — так и не стала привычным для Гончарова лексическим обстоятельственным конкретизатором времени. Словарь 1847 года определяет лексему «секунда» как «шестидесятую часть минуты», не выделяя никаких дополнительных значений, связанных со значением времени [5: с. 116], что вполне соответствует семантике употреблений в романе «Обрыв».

Лексема «минута» в тексте «Обломова» в общей сложности употребляется 75 раз и более всего склонна к утрате значения точной меры времени (4 случая употребления), в противовес приобретенному значению неопределенно короткого периода времени (50 случаев употреблений, например: «еще минута — и сознание улетело бы Бог знает куда»; «я сам через минуту Бог знает что дал бы...»). [2: Т. IV, с. 95, 209]). Словарь 1847 года выделяет несколько значений для лексемы «минута» [5: с. 305]: первое значение не имеет темпоральной характеристики и относится к шестидесятой части градуса круга; второе значение описывает «минуту» как шестидесятую часть часа, и наконец, третье значение определяет «минуту» как «самое короткое время», т. е. темпоральную лексему со значением сверхкраткости. Таким образом, употребление лексемы «минута» в «Обломове» в значении сверхкраткого периода времени соответствует языковой норме на момент написания романа, а употребление с утратой действительного компонента, вероятно, является результатом формирования в языковом сознании носителей языка того времени новых представлений о возможностях данной лексемы.

В тексте «Обрыва» она употребляется много чаще — 216 раз. По сравнению с текстом «Обломова», в тексте «Обрыва» заметно увеличение количества употреблений лексемы «минута» в значении периода времени больше чем сверхкраткий период времени. Заметно расширение ряда числительных, которые формируют значение неопределенного долгого периода времени (в добавление к выражениям «минут пять», «минуты две» добавляются выражения «минуты три», «минуты две, три», «минут десять», «минут двадцать», «минут семь»). Почти вдвое увеличилось количество употреблений слова «минута» с приложенными к нему

качественными характеристиками. Одним из наиболее часто употребительных методов для придания лексеме значения «приблизительности», «неточности» является ее употребление с предлогом «с» («с минутой»).

Словарь 1847 года дает три основных значения темпоральной лексемы «час» [5: с. 426]. Это, во-первых, «одна двадцатичетырехчасовая часть суток», во-вторых, «определенное к чему-либо (т. е. для чего-либо) время» и, в-третьих, «неопределенное продолжение времени», где выделяются частные значения, в том числе устаревшее значение «боевой час» (час от одного боя часов до другого), и «час» как неопределенно долгий момент времени, в том числе момент времени, равный историческому настоящему («сей час (же)»). Любопытно, что словарь не дает значений определенного момента времени на оси времени, привязанного к определенной системе отсчета, зато (в противоположность совокупности определений слова «минута») отмечает способность утраты временного дейктического компонента («в добрый час») [5: с. 426]. Тексты романов Гончарова реализуют значения определенного (точного) времени, определенного для чего-либо времени, момента на оси времени, периода на оси времени (в том числе и с качественной характеристикой).

Принцип разделения двух главных и противопоставленных друг другу случаев употребления значительнейшей части всех примеров темпоральной лексики, употребленной вместе с числительными, можно проиллюстрировать цитатой из романа «Обрыв»: «Напрасно я сказал так определительно — в десять **часов**, — подумал он, — надо бы было сказать **часов** в десять...» (*Полужирный шрифт мой*. — Е. Б.) [2: т. VII, с. 516]. Перестановка местами темпоральной лексемы и приложенного к ней числительного неизменно дает один и тот же результат — обретение сочетанием либо значения точного физического времени, либо значения «условного», «примерного», «неточного» времени. Подобная особенность фразеологии используется Гончаровым в качестве художественного приема: когда *она* просит зайти «часов в шесть», *он* после сидит и ждет «шести часов».

Из рассмотренных примеров следует, что темпоральная лексема «минута» в тексте Гончарова выходит за пределы собственно темпоральной семантики, приобретая качественные характеристики. В ряде примеров дейктический компонент лексемы «минута» ослабляется или вовсе утрачивается; чаще всего лексема при этом играет роль субъекта предиката. Как обстоятельство конкретизатор времени лексема «минута» употребляется гораздо чаще, но склонна утрачивать семантику точного времени. Формы множественного числа уступают формам единственного в частотности, исключение составляют примеры употребления лексем «минута», попавшие в блок «краткий момент времени, обладающий качественной характеристикой» («минуты счастья», «минуты торжественной тишины», «горькие минуты»), и лексем семантического типа неточного времени, употребляющиеся вместе с числительными («минуты две», «минут пять»).

Теорий, объясняющих столь быстро открывшуюся и реализованную в текстах Гончарова возможность присоединять к темпоральной лексике качественные характеристики (даже при отсутствии закреплённой в словаре нормы такого употребления), на данный момент не выдвинуто, однако мы полагаем, что здесь прослеживается влияние русского языкового сознания данного периода, очевидно, предполагающее наличие в семантике временных единиц качественного компонента.

Литература

1. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики, темпоральность, модальность / под ред. А.В. Бондарко М.: Наука, 1990. 255 с.
2. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / ред. кол.: В.А. Котельников, Е.А. Краснощекова, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, К. Савада, Н.Н. Скатов, П. Тирген, В.А. Туниманов. Т. 4. [Обломов: роман в четырех частях]. Т. 7. [Обрыв: роман в пяти частях]. СПб.: Наука, 1998.
3. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики, анализ слов со значением времени в русском языке. М.: МГУ, 1977. 168 с.
4. *Потаенко Н.А.* Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 3. С. 242–248.

5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: в 4 т. СПб.: В тип. императорской Академии наук, 1847. 487 с.

References

1. *Bondarko A.V.* Teoriya funkcional'noj grammatiki, temporal'nost', modal'nost' / pod red. A.V. Bondarko. M.: Nauka, 1990. 255 s.

2. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / red. kol.: V.A. Kotel'nikov, E.A. Krasnoshheikova, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, K. Savada, N.N. Skatov, P. Tirgen, V.A. Tunimanov. T. 4. [Oblomov: roman v chety'ryox chastyax], T. 7. [Obry'v: roman v pyati chastyax]. SPb.: Nauka, 1998.

3. *Morkovkin V.V.* Opy't ideograficheskogo opisaniya leksiki, analiz slov so znacheniem vremeni v russskom yazy'ke. M.: MGU, 1977. 168 s.

4. *Potaenko N.A.* Temporal'naya leksika kak ob''ekt lingvisticheskogo izucheniya // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1979. T. 38. № 3. S. 242–248.

5. Slovar' cerkovnoslavyanskogo i russskogo yazy'ka, sostavlenny'j Vtory'm otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk: v 4 t. SPb.: V tip. imperatorskoj Akademii nauk, 1847. 487 s.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ / INTERVIEW

Беседа с Ононгийном Чинбаяром, президентом Союза переводчиков Монголии¹

A Conversation with Onon Chinbayar, President of the Union of Mongolian Translators

Редакция: Господин Чинбаяр, расскажите, пожалуйста, когда и с какой целью был создан Союз переводчиков Монголии.

О. Чинбаяр: Наш Союз переводчиков был создан в 1991 году. Это произошло, можно сказать, благодаря Демократической революции 1990 года в Монголии. Нашим переводчикам трудно было объединиться в Союз, как, например, это сложилось с Союзом писателей Монголии. До указанного периода времени трудно было знать и учить иностранные языки, тем более заниматься переводами. Тогда переводчиками в нашей стране были бывшие и действующие дипломаты, преподаватели вузов, институтов и т. д. Труд переводчиков подвергался цензуре со стороны Главлита. Так что формирование Союза переводчиков Монголии стало долгожданным событием.

Главными целями нашей организации являются защита прав переводчиков, воспитание подрастающего поколения переводчиков, расширение внешних контактов с миром (в том числе с международным Союзом переводчиков), завязывание дружеских профессиональных связей с переводческими организациями разных стран, организация конкурсов по переводам художественной литературы. Для меня как президента Союза переводчиков Монголии важно расширить круг молодых переводчиков, которые в последние три-четыре года, приходящиеся на время моей работы на этой должности, «проснулись от спячки». Сейчас в Монголии стало даже модно считаться переводчиком художественной литературы, особенно когда ты переводишь крупных авторов зарубежной литературы.

¹ Беседа состоялась в апреле 2016 года в Москве.

Редакция: В Вашем профессиональном «багаже» большое количество переводов русской классики — как из области золотого века русской литературы, так и из области Серебряного века. Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом направлении Вашей деятельности.

О. Чинбаяр: Сперва я хочу сказать несколько слов о моем творческом наставнике Цэндийне Нямаа. Ц. Нямаа — преподаватель, обучавший меня в литературном кружке во Дворце пионеров, куда он пришел работать, окончив учебу в Литературном институте им. А.М. Горького. Говорят, что он за пять лет преподавания подготовил около трехсот учеников.

Я пошел по его стопам и закончил Литинститут. Когда мы позже вместе с Ц. Нямаа работали в нашей центральной газете «Ардын эрх» (Народное право), он мне сказал, что из его учеников я один закончил Литинститут, что я расцениваю как похвалу. Во время занятий в кружке Ц. Нямаа говорил не раз, что поступить в Литинститут сможет не каждый. Я рад, что закончил это замечательное учебное заведение, и благодарен за то, что Литинститут дал мне. Сейчас я иду по дороге своего учителя, а он был талантливым писателем. Думаю, что мой учитель теперь смотрит с небес и радуется моей деятельности как переводчика и писателя.

Будучи студентом Литинститута, я начал заниматься переводами русских поэтов, в основном периодов золотого и Серебряного веков, поскольку их творчество близко мне с малых лет. Я начал глубже читать произведения русских классиков и переводить понравившиеся мне стихотворения на родной язык. Среди этих имен можно назвать такие, как Ф. Тютчев, И. Бунин, А. Фет, Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Блок, С. Есенин, К. Бальмонт, В. Ходасевич, М. Лохвицкая, Д. Ратгауз. Наряду с переводами я писал стихи и делал подстрочные переводы своих произведений для дипломной работы в Литинституте, где получал профессию переводчика художественной литературы.

Редакция: Чем определен Ваш интерес к русской литературе? Как и когда сформировался этот интерес?

О. Чинбаяр: Я думаю, что мой интерес к русской литературе сформировался еще в детстве. В 1989 году я закончил русскую спецшколу № 23 города Улан-Батора. Я начал писать стихи, еще совсем детские, уже в третьем классе. А в девятом, помню, пытался переводить, среди других, стихотворение А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...». Интерес к русским поэтам-классикам определяется моей любовью к их творчеству, тягой к русским поэтам, которым я подражал в юности.

Конечно, я должен выразить глубокое уважение своим учителям русского языка и русской литературы. Они приезжали к нам в Монголию в командировку из разных концов Советского Союза. Наши русские учителя работали с нами, учениками школы, и смогли привить монгольским детям любовь к русской художественной литературе, помогли узнать много интересного о своей удивительной стране. Это, по-моему, первое, что определило мой интерес к русской литературе, к России.

Редакция: Чем, по Вашему мнению, вызван стойкий и последовательный интерес к русской литературе в монгольском обществе — в среде читающей публики?

О. Чинбаяр: По моему мнению, интерес монгольского общества к русской литературе возник еще со времен первых переводов классических произведений на монгольский язык. Думаю, что русская литература во многом, т. е. в широком смысле слова, повлияла не только на читателей, но также и на наших писателей — художников слова, мыслителей. Этого не сможет оспорить никто, так как это факт истории наших двух стран.

Но после Демократической революции 1990 года в отношении с Россией в политическом плане обнаруживается похолодание. И это, в частности, отрицательно повлияло на переводческую сферу деятельности. Практически до начала XXI века работа по переводу произведений русских классиков была приостановлена. Но в последние несколько лет в этом плане идет потепление. Монгольские читатели, в основном молодежь, с интересом знакомятся с новыми переводами русских классиков, и даже проходят обсуждения прочитанных произведений не только

зарубежных, но и русских писателей. Читающая публика требовательна и может критически высказываться по поводу переводов, осуществляемых нашими специалистами. Критика переводной литературы, которая в 1990-е годы замерла, сегодня, в XXI веке, расцвела по воле верных читателей, которые не боятся публично высказывать свои мысли.

Редакция: Широким слоям филологов, безусловно, интересна Ваша переводческая «лаборатория». Поделитесь, пожалуйста, профессиональными секретами — тем, какие трудности возникают в процессе работы, чем эти трудности обусловлены, как Вы их преодолеваете.

О. Чинбаяр: Прежде чем говорить о моих профессиональных секретах перевода, нужно, безусловно, сказать несколько слов о моем выборе того или иного произведения. В 1997 году вышел первый сборник авторских стихов и переводов русских поэтов «Только тебе». В это время я выпускал газету, работал над переводами девяти книг Далай-ламы XIV.

На сегодняшний день из зарубежной литературы мною переведены на монгольский язык такие произведения, как повесть Г. Гарсия Маркеса «Полковнику никто не пишет» (2003), роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (2006), роман Франца Кафки «Процесс» (2007), роман Джеймса Джойса «Улисс» (2009), сборник рассказов Джеймса Джойса «Дублинцы» (2011), пьеса Питера Шиффера «Амадей» (2011), роман Германа Мелвилла «Моби Дик» (2013), роман Джеймса Джойса «Портрет художника в юности» (2014), роман Германа Гёссе «Степной волк» (2015).

Самым трудным переводом для меня был «Улисс» Джеймса Джойса. Чтобы перевести столь громадное, грандиозное произведение XX века, мне пришла в голову одна мысль. Сперва я скопировал весь текст романа, затем начал переводить почти каждый день по 10–12 страниц. Психологически было намного проще делать перевод со скопированного листа. Главной моей целью было стремление сосредоточиться на переводе и осуществлять его без сторонних забот и помех, даже все семейные дела и остальные проблемы были решены до начала перевода «Улисса».

Над переводом этого выдающего романа я работал в среднем по 10-12 часов в день. По-моему, главное для переводчиков — это умение работать каждый день в одном и том же темпе. Если бы я занимался чем-нибудь другим и одновременно делал перевод «Улисса», то, думаю, перевод этого романа остался бы незавершенным до сих пор. Психологическая подготовка и поддержка со стороны семьи, друзей сыграла важную роль для завершения работы над переводом этого романа. В вечернее время я сидел над словарями, узнавал незнакомые мне слова, которые должны были встретиться при завтрашнем переводе «Улисса».

Редакция: Как Вы видите перспективы русско-монгольских и монгольско-русских культурно-литературных взаимосвязей? В чем, по Вашему мнению, они состоят?

О. Чинбаяр: Интерес к России, к русской культуре и литературе возрождается в нынешнее время в Монголии размеренно и неуклонно. Нельзя сказать, что в этом процессе есть скачки, какие бывают в финансовом мире. Но есть сдвиги в положительную сторону. В этом деле главную роль должны играть мы, переводчики. И мы это делаем. Например, читающая публика в эти дни впервые знакомится с рассказами С. Довлатова в переводе О. Чинзорига. Говоря о себе, могу сказать, что монгольские читатели в конце 2016 года наверняка смогут прочитать на своем родном языке знаменитый роман А. Платонова «Чевенгур».

Наши переводчики, знатоки русского языка работают над теми или иными переводами произведений русских классиков, ранее не переведенных на монгольский язык. Но с переводом произведений современных русских писателей дела обстоят не очень хорошо. Для такой работы нужны усердные молодые профессиональные переводчики с русского языка, и мы ищем пути решения этих вопросов. Сейчас монгольские издательства начинают заказывать работу по новым переводам современных русских авторов, тогда как прежде большинство читателей не имело возможности ближе познакомиться с русской литературой нового тысячелетия. Это на данный момент одна из главных проблем культурных связей между российско-монгольскими издательствами

и переводчиками. По-моему, решать ее нужно на уровне высоких представителей министерств по культуре или образованию обеих стран, а также негосударственных организаций, как, например, союзы переводчиков России и Монголии. Эти министерства и союзы должны в ближайшем будущем найти общее решение этих вопросов, что, в свою очередь, поможет и «обратному движению» — знакомству читателей России с произведениями современных монгольских писателей.

Редакция: Спасибо, господин Чинбаяр, за интервью! Примите пожелания успехов на пути избранного Вами высокого служения делу взаимопонимания между народами!

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

С.А. Джанумов,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия.
E-mail: DjanumovSA@mail.ru

Рецензия на книгу: Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: сб. ст. и материалов / отв. ред. С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева (М.: ГИИ, 2015. 456 с.)

S. Dzhanumov

Book Review: P.G. Bogatyrev's Functional and Structural Method in Modern Folklore Researches: Collected Articles and Materials (Moscow, 2015. 456 p.)

Рецензируемый труд посвящен памяти выдающегося русского фольклориста, этнографа, исследователя народного театра и переводчика П.Г. Богатырева (1893–1971). Сборник статей и материалов состоит из шести разделов: «Становление функционально-структурального метода и его рецепция», «Поэтика фольклора в свете идей П.Г. Богатырева», «Театр и театральность в народной культуре», «Проблемы этнографии и народного искусства», «П.Г. Богатырев и его современники (архивные находки, документы, воспоминания)», «Из научного наследия П.Г. Богатырева (материалы и библиография)». Книга в большой мере является обобщением и итогом многолетней работы большого отряда исследователей над научным творчеством ученого.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению перечисленных выше разделов сборника, зададимся вопросом: что же такое структурально-функциональный метод П.Г. Богатырева и чем

он отличается от других методов фольклористики? Ответ на этот вопрос дал сам ученый в нескольких статьях: в статье «Фольклор как особая форма творчества» (впервые опубликована на немецком языке в 1929 году), написанной совместно с другим участником Пражского лингвистического кружка — выдающимся филологом Р.О. Якобсоном, в статье «Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики» (впервые опубликована на чешском языке в 1935 году, хотя изначально была написана по-русски) и др.

Уже не раз отмечалось, что указанный выше метод П.Г. Богатырева основан на признании важности синхронного анализа структуры фольклорных текстов и пропагандирует синхронное изучение народного искусства — вербального (словесного), музыкального, изобразительного, танцевального, театрального. В статье «Фольклор как особая форма творчества» П.Г. Богатырев и Р.О. Якобсон, говоря о соотношении в народном творчестве индивидуального начала и коллективного, о типологии фольклорных форм, отмечают: «Очередной задачей синхронистической фольклористики является характеристика системы художественных форм, составляющих активный репертуар определенного коллектива — деревни, округа, этнической группы. При этом должны учитываться взаимоотношения форм в системе их иерархии, различие между продуктивными формами и такими, которые утратили свою продуктивность, и т. д. По своему фольклорному репертуару различаются не только этнографические и географические группы, характеризующиеся определенным полом (мужской и женский фольклор), возрастом (дети, молодежь, старики), профессией (пастухи, рыбаки, солдаты, разбойники и т. д.) (Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 381–382).

В статье «Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики», приводя весомые аргументы в пользу тех ощутимых результатов, которые дает применение этого метода в изучении искусства и материальной культуры народа, П.Г. Богатырев пишет: «Функциональный метод помогает нам объяснить, почему возникает экспансия того или иного этнографического, фольклорного или социального факта в определенной

географической области и почему эти отдельные факты не могут проникнуть в другую область. С помощью функционального метода, исследуя этнологическую карту, мы можем понять, почему, например, в некоторых областях сохраняется народный костюм и почему, с другой стороны, в других, на первый взгляд подобных, областях такой костюм исчез [...]; далее — почему народное сказание в одной области живет, а в другой исчезает?» (Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / сост., вступ. статья и комментарии С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 153–154).

Правда, во введении к рецензируемому сборнику статей и материалов член-корреспондент РАН А.Л. Топорков отмечает: «Функционально-структуральный метод Богатырева доказал свою результативность, хотя он ныне воспринимается скорее не как особый и самостоятельный метод, а как интегративная часть научных подходов к народной культуре» (с. 12). Но это не отменяет важности и актуальности метода П.Г. Богатырева для современного комплексного изучения фольклора и этнографии, хотя, как справедливо замечает в том же введении А.Л. Топорков, «метод Богатырева <...> не является универсальным, как не имеют универсального характера и другие методы, разрабатываемые в рамках этнографии и фольклористики» (с. 12).

Первый раздел рецензируемого сборника открывается концептуальной статьей А.Л. Топоркова «Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева и проблемы истории русской фольклористики», в которой поднимается вопрос «о междисциплинарных связях фольклористики и их отражении в этнографии» (с. 19), о формировании и становлении фольклористики как самостоятельной научной дисциплины, активном участии П.Г. Богатырева сначала в Московском лингвистическом кружке (1915–1924), одним из учредителей которого и был сам ученый (с. 25–28), а затем в Пражском лингвистическом кружке (с. 28–31). В статье А.Л. Топоркова устанавливается также происхождение и место метода П.Г. Богатырева в истории фольклористики, говорится о значении его работ «в истории гуманитарной науки XX века» (с. 31–32).

Ряд важных и актуальных проблем, связанных с научным наследием ученого, поднимается в статье «Подход П.Г. Богатырева к изучению фольклорного театра на фоне театральной теории и практики начала XX века» С.П. Сорокиной, которой принадлежит заслуга введения в научный оборот многих ранее неизвестных или малоизвестных работ П.Г. Богатырева, в том числе напечатанных в зарубежных изданиях 1920–1930-х годов. В указанной статье она рассматривает основные положения книг ученого «Чешский кукольный и русский народный театр» (Берлин, 1923), «Народный театр чехов и словаков» (Прага, 1940), на целом ряде примеров доказывает очевидное «новаторство подходов П.Г. Богатырева на фоне историко-театральных изысканий начала XX века» (с. 38).

В известной мере проблемы, поставленные в статье С.П. Сорокиной, развивают на обширном и зачастую ранее неизвестном материале в содержательных статьях Л.П. Солнцева («Идеи П.Г. Богатырева в исследованиях и сценической практике чехов и словаков») и А.Ф. Некрылова («Театр кукол в трудах П.Г. Богатырева»). В своей статье Л.П. Солнцева справедливо отмечает, что «история чешской и словацкой культуры XX века не может быть адекватно понята без привлечения творческого наследия П.Г. Богатырева» (с. 43), а А.Ф. Некрылова, говоря о непреходящем интересе П.Г. Богатырева к чешскому и русскому народному кукольному театру, приходит к следующему выводу: «Рассматривая театр кукол как неотъемлемую часть фольклорно-этнографической культуры, ученый закономерно применял к нему те методы, которые были разработаны и апробированы им в отношении разных видов и жанров народного искусства» (с. 65).

Центральное место в сборнике занимает раздел «Поэтика фольклора в свете идей П.Г. Богатырева». Обращаясь в своей статье к мотиву «виселица — свадьба», С.В. Алпатов подчеркивает, что «обозначенные П.Г. Богатыревым и разработанные О.М. Фрейденберг соответствия “украшенная виселица” — свадебное / похоронное деревце и “виселица — свадьба” получают глубинное подтверждение не только на синхронном славянском, средневековом европейском и позднеантичном материале, но и на материале индоевропейского ритуала и мифа» (с. 75).

Особого внимания заслуживает статья доцента кафедры русской литературы ИГНиУ нашего университета И.Н. Райковой «Рассказы-воспоминания о детстве: между фольклором и индивидуальным творчеством», в которой автор, соотнося свои полевые наблюдения XXI века с идеями П.Г. Богатырева о народных рассказах и о собирании фольклора и опираясь на многочисленные записи детского фольклора от взрослых, убедительно и достоверно определяет «зависимость текста от индивидуальности исполнителя и ситуативного контекста» и доказывает, что «рассказы о детстве, родителях и детях, бытовании детского фольклора, переданные устным, письменным и электронным способами, представляют собою живую традицию и благодатное поле для исследователя» (с. 225).

Большая заслуга других двенадцати авторов (всех их невозможно даже перечислить в силу ограниченного объема рецензии) указанного выше раздела состоит в подробном рассмотрении отдельных мотивов и образов, поэтических формул эпоса русского народа и других народностей России, книжных легенд, устных рассказов, в выявлении соотношения традиции и импровизации в различных жанрах фольклора (краткий обзор этих статей дан во введении к рецензируемому сборнику А.Л. Топоркова (с. 14).

О своевременности и актуальности обращения к научному наследию П.Г. Богатырева свидетельствуют третий раздел сборника «Театр и театральность в народной культуре». Авторы статей А.Л. Налепин, М.Г. Матлин, И.П. Уварова, Т.Н. Суханова детально рассматривают сложные процессы, происходящие в народном театре, и приводят новые материалы, связанные с бытованием народной драмы «Царь Максимилиан», с ролью смеховой театрализации обрядов в традиционной русской свадьбе XIX–XX веков, предлагают новые гипотезы о природе и происхождении балагана, рассматривают актуальные формы «творческого самовыражения в Сети», мотивированные «тягой к игре, перевоплощению» (с. 251) на примере «Балагана троллей».

Статьи четвертого раздела сборника посвящены проблемам этнографии и народного искусства. П.Р. Гамзатова в своей статье

анализирует материалы, связанные с понятием «украшение», его значением и функцией в народном прикладном искусстве, В.Е. Добровольская рассматривает знаковые функции в прошлом и настоящем народного костюма и современной одежды, З.К. Куцаеву интересуют выявление архетипических образов и мифопоэтического элемента в народном хореографическом искусстве осетин, а Н.А. Мусянкова в своей статье обращается к сложным и до конца не проясненным взаимоотношениям «высокого» и народного искусства на примере эпатажной группы «Бубновый валет» (1910–1917).

Пятый раздел составили статьи, раскрывающие тему: «П.Г. Богатырев и его современники». Он охватывает архивные находки, документы и воспоминания об ученом. Приведем перечень материалов, размещенных в этом разделе: это неизвестные ранее письма П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона к Б.М. и Ю.М. Соколовым с сопроводительной статьей В.А. Бахтиной, которая еще до своей смерти подготовила эту публикацию; это статья Т.Г. Ивановой «П.Г. Богатырев и Пушкинский Дом», которая вводит в научный оборот новые документы, свидетельствующие о том, что ученый имел довольно прочные и длительные связи с фольклористами Института русской литературы АН СССР в 1930–1960-е годы, особенно с А.М. Астаховой и Б.Н. Путиловым; это статья О.О. Микитенко, посвященная автографам украинского поэта М.Ф. Рылского и единственному письму к нему П.Г. Богатырева от июня 1952 года. Венчают этот раздел интереснейшие воспоминания В.Г. Смолицкого о П.Г. Богатыреве, которые живо и увлекательно рассказывают о некоторых неизвестных фактах жизни и деятельности Петра Григорьевича. Переработка такого большого пласта архивных материалов открывает новые стороны творческой и житейской биографии ученого.

Особую ценность рецензируемому изданию придает завершающий раздел сборника «Из научного наследия П.Г. Богатырева (материалы и библиография)», в котором опубликованы две статьи ученого «Что такое фольклор?» и «Кукольный театр в Мюнстере», впервые напечатанные в Германии в начале 1930-х годов на немецком языке и переведенные Т.В. Говенько; некролог Б.М. Соколова,

опубликованный П.Г. Богатыревым в журнале «Slavia» (Прага) в 1931 году (публикация и комментарии С.П. Сорокиной). В раздел включен также библиографический список работ П.Г. Богатырева с 1971 по 2015 год, список публикаций архивных материалов за 1988–2007 годы, а также список работ об ученом с 1968 по 2013 год. Все эти библиографические списки также подготовлены и составлены С.П. Сорокиной.

Появление рецензируемого сборника свидетельствует о непреходящем интересе к личности и научному наследию П.Г. Богатырева.

Е.С. Ярыгина,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: es1957@mail.ru

**Рецензия на учебник:
Борисова Е.Г., Геймбух Е.Ю. Стилистика
и литературное редактирование
(М.: Юрайт, 2016. 275 с.)**

E.S. Yarygina

**Review of the Textbook:
Borisova E.G., Gaymbukh E.Yu. Stylistics
and Literary Editing (M.: Yurait, 2016. 275 p.)**

В 2016 году в издательстве «Юрайт» вышел учебник для высшей школы Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух «Стилистика и литературное редактирование» (рекомендован Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям). Предназначенный, как сказано в подзаголовке, для прикладного бакалавриата, учебник может использоваться (и, как показал опыт 2015/16 уч. г., успешно используется) для студентов магистратуры направления «Филология» профиля «Спичрайтинг и литературное редактирование». Причина подобной «универсальности» — в характере отбора теоретического и практического материала. Включение в учебник собственно языковедческой составляющей (глава 2 «Как говорить и писать правильно») позволяет студентам нефилологического профиля (не только кафедры массовых коммуникаций, но и студентам магистратуры кафедры русского языка, среди которых есть и филологи, и представители иных гуманитарных направлений) активизировать знания основ русского языка (например, параграфы «Нормы литературного языка», «Нормы устной речи», «Лексика и фразеология как материал для создания текста» и другие параграфы главы 2). Этой же цели служат комплекс заданий

(упражнения, вопросы для проверки, контрольные работы) и система сопроводительных материалов (например, словарь-справочник лингвистических терминов).

Однако, как и следовало ожидать, основная часть «Стилистики и литературного редактирования» посвящена описанию «русского языка в действии» (В.Г. Костомаров). Тем самым учебник Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух органично вписывается в ряд других, продолжая и развивая традиции отечественной учебной литературы.

Для того чтобы продемонстрировать специфику рецензируемого учебника, обратимся к его структуре. Уже на первый взгляд видно, что материал располагается по трем основным направлениям: первая часть (глава 1) дает представление о редактировании как профессиональной деятельности, вторая часть (главы 2 и 3) посвящена отбору и функционированию в речевом произведении языковых средств, оптимальных для коммуникативной ситуации, а третья (главы 4 и 5) — собственно продуцированию текста и редактированию тех типов текстов, которые в учебной литературе практически не представлены (PR-тексты, новые формы рекламы, интернет-сообщения).

Обратим внимание на то, что глава 1, посвященная специфике редакторской работы с текстом, предваряется ссылками на законодательство Российской Федерации, в частности, на статьи об авторском праве, основные положения которых определяют взаимоотношения между автором и редактором. Профессиональная и этическая стороны этих отношений также нашли отражение в учебнике. Остается только надеяться, что будущие редакторы привнесут в свою деятельность то уважительное отношение к автору и бережное отношение к тексту, о которых идет речь в «Стилистике и литературном редактировании», и мы больше не будем находить в своих статьях чужие цитаты, неизвестно откуда взявшиеся ссылки и — главное — все исправления и изменения, которые собирается внести в текст редактор, будут, как это и положено, согласованы с авторами.

Кстати, отметим, что в рецензируемом учебнике навыки профессионального отношения к тексту отрабатываются на всех уровнях: в «Практикуме» есть задания, которые позволяют студентам

закрепить навыки проверки фактического материала и правильность цитат и их атрибуции; осознать значимость расположения фактов для выражения воздействующей функции; увидеть важность начальных фраз и концовки для соответствующего замыслу восприятия текста и его запоминания и *мн. др.* Наиболее интересным, думается, будут для студентов примеры, взятые из личного опыта общения авторов с редакторами.

Отметим наличие в учебнике Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух некоторых параграфов, которые на первый взгляд кажутся принадлежащими не столько филологической, сколько полиграфической направленности: параграфы 1.2.5 «Оформление (таблицы, иллюстрации)», 1.3.5 «Издательская и корректорская правка», 1.3.6 «Маркировка композиционной правки». Однако если учесть, что в учебных планах кафедр массовых коммуникаций и русского языка нет никаких других дисциплин, более близких реальному процессу редакторской работы над текстом, то знакомство с корректорскими знаками, правилами составления и оформления схем и таблиц оказывается вполне оправданным.

Глава 2 «Как говорить и писать правильно» построена как описание норм устной и письменной речи на всех уровнях языка — от фонетики и лексики до грамматики. Отметим, что авторы, указывая на нарушения норм, обращают внимание не только на ошибки словоупотребления, но и на возможность использовать отступления от узуса как средство речевой выразительности. Особое внимание в учебнике уделяется работе со словарями разных типов как источниками языкового материала — проблеме даже посвящен отдельный параграф 2.3.9 «Словари как отражение лексической системы» и фрагмент параграфа 2.3.10 «Словари коллокаций». Студентам в качестве заданий предлагаются различные виды работы со словарями, в том числе и семантическими, тематическими, как правило, малоизвестными студентам, но значимыми при продуцировании и редактировании текста. (Например: Прочитайте словарную статью слова «доброта» из «Русского идеографического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой. Используя слова из данной статьи, напишите три портрета: 1) портрет действительно доброго

человека с точки зрения того, для кого добро — безусловная ценность; 2) портрет доброго человека с точки зрения того, для кого добро — непростительная слабость; 3) недоброго человека, который старается казаться добрым. Объясните отбор и характер употребления слов в каждом тексте.)

Значимым для редактирования текста является введение понятия коллокации, что позволяет разрушить сложившийся у многих студентов стереотип, что все (или, во всяком случае, многие) устойчивые выражения относятся к разговорному стилю и не могут употребляться в книжной речи. Фрагмент из «Словаря коллокаций» Е.Г. Борисовой и система заданий к нему помогают осознать коллокации типа «принимать меру», «придавать значение», «глубокое понимание» и др. как важнейший источник языкового материала для продуцирования и редактирования книжных текстов.

Большая часть главы 3 «Функциональные стили» представляет собой «Практикум», задания которого предъявляют речевой материал для анализа на разных уровнях: от словосочетания до текста. Теоретический материал главы представляет тот фокус, в котором объединяются и синтезируются, обобщаются сведения из собственно языковых глав и который делает возможным переход к более высоким уровням организации текста — его композиционно-речевой структуре и жанровой специфике.

Глава 4 «Составление текста» представляет собой описание основных этапов построения речевого произведения. Первоначальный этап предполагает отбор информации как аргументов в доказательстве основного тезиса, затем эта информация располагается таким образом, чтобы обеспечить интригу и привлечь читателя. Этой же цели — привлечению внимания — служит оформление таких фрагментов текста, как заголовки, вводная, врезка. Особое внимание авторы уделяют различным факторам, обеспечивающим внимание к тексту, а также способам достижения скрытых задач автора, и прежде всего — оформлению зачина и концовки текста, средств выделения наиболее важной информации. Отметим, что иллюстративный материал в учебнике (как в теоретических описаниях, так и в практических заданиях)

весьма разнообразен и по характеру информации актуален, что вызывает интерес студентов и способствует оптимизации образовательного процесса.

Тот же принцип отбора материала реализован и в главе 5, посвященной редактированию рекламных и PR-текстов, а также интернет-сообщений.

Отметим, что особое место в учебнике уделено творческим заданиям — продуцированию текстов определенной содержательной, оценочной и эмоционально-экспрессивной направленности. Задания такого рода позволяют почувствовать сложность написания текстов по заданным параметрам и способствуют выработке уважительного отношения редакторов к авторам, что, безусловно, значимо для учебника по литературному редактированию. (Например: Опираясь на предложенные слова, напишите заметку: 1) серьезного плана; 2) ироническую. Почему при наличии одних и тех же ключевых слов можно добиться противоположного звучания целого текста? Распределите предложенные этикетные формулы по стилям. <...> Придумайте примеры использования предложенных выражений с учетом ситуации высказывания. Дополните структуру пресс-релиза конкретными деталями, чтобы вызвать интерес потенциальных клиентов. Составьте информационную заметку на тему «Посвящение в первокурсники». Что вы сделаете основным тезисом? А что — скрытым посланием? Сделайте предложенную информационную заметку аналитической статьей, включите в нее приемы усиления заинтригованности читателя.)

Таким образом, теоретическая основа и практическая составляющая учебника Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух «Стилистика и литературное редактирование» обеспечивают возможность освоения и совершенствования навыков редактирования текста.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORS

Авина Наталья — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и межкультурной коммуникации Литовского эдукологического университета. Сфера научных интересов: современный русский язык, языковые контакты.

Avina Natalja — Ph.D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian Philology and Intercultural Communication of the Lithuanian University of Educational Sciences. Field of scientific interests: modern russian language, language contacts.

E-mail: natalja.avina@leu.lt

Белошاپкова Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, синтаксис простого предложения, русский язык как неродной (РКН).

Beloshapkova Tatiana — Ph.D. (Doctor of Philology), Docent, Professor of Department of Russian language of the Moscow City University. Field of scientific interests: cognitive linguistics, syntax of simple sentence, Russian as Second Language.

E-mail: beloshapkovat@mail.ru

Бирней Мария — доктор гуманитарных наук, филология; Литовский эдукологический университет, кафедра русской филологии и межкультурной коммуникации. Сфера научных интересов: когнитивная семантика, лингвистическая концептология.

Marija Birney — PhD (Humanities, Philology); Lithuanian University of Educational Sciences, Department of Russian Philology and Intercultural Communication. Field of scientific interest: Cognitive Semantics, Linguistic Conceptology.

E-mail: solnce_2002@yahoo.com

Девятова Надежда Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: синтаксис, лингвистика текста, преподавание русского языка в школе.

Devyatova Nadezhda — Ph.D. (Doctor of Philology), Docent, Professor of Department of Russian language of the Moscow City

University. Field of scientific interests: syntax, text linguistics, teaching Russian language at school.

E-mail: deviatovan@mail.ru

Джанумов Сейран Акопович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: история русской литературы XVIII–XIX веков, фольклористика.

Dzhanumov Seyran — Ph.D. (Doctor of Philology), Professor, Professor of the Department of Russian literature of the Moscow City University. Field of scientific interests: history of Russian literature of the XVIII–XIXth centuries, study of folklore.

E-mail: DjanumovSA@mail.ru

Захарова Мария Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: история русского языка, психолингвистика, лингвокультурология.

Zaharova Maria — Ph.D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian language of the Moscow City University. Field of scientific interests: history of Russian language, psycholinguistics, cultural linguistics.

E-mail: mary-zaharova@yandex.ru

Карпачева Татьяна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: Достоевский, история русской литературы XIX века, право, права человека.

Karpacheva Tatiana — Ph.D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian literature of the Moscow City University. Field of scientific interests: Dostoevsky, history of Russian literature of the XIXth century, law, human rights.

E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru

Лоскутникова Мария Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: теория литературы, история русской литературы XIX–XX веков, компаративистика.

Loskutnikova Maria — Ph.D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian literature of the Moscow City University. Field of scientific interests: theory of literature, history of Russian literature of the XIX–XXth centuries, comparative studies.

E-mail: maria.loskutnikova@mail.ru

Михайлова Ирина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: морфемика и дериватология, активные процессы современного русского словообразования, компаративистика, лингвистическое краеведение.

Mikhaylova Irina — Ph.D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian language of the Moscow City University. Field of scientific interests: morphemics and word formation, active processes of modern Russian word formation, comparative linguistics, linguistic study of local lore.

E-mail: m_irina17@list.ru

Полтавец Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: история русской литературы XIX века, миф в литературе, творчество Л. Толстого.

Poltavets Elena — Ph. D. (Candidate of Philology), Docent, Docent of the Department of Russian literature of the Moscow City University. Field of scientific interests: history of Russian literature of the XIXth century, myth in literature, Leo Tolstoy's works.

E-mail: nedzvetsky@bk.ru

Чинбаяр Ононгийн — президент Союза переводчиков Монголии.

Chinbayar Ononaiyn — President of the Union of Mongolian Translators.

E-mail: chiborino@yahoo.com

Ярыгина Елена Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Московского городского педагогического университета. Сфера: синтаксис простого и сложного предложения, синтаксическая семантика, коммуникативная грамматика.

Yarygina Elena — Ph.D. (Doctor of Philology), Professor, Head of the Department of Russian language of the Moscow City University. Field of scientific interests: syntax of simple and complex sentences, syntactic semantics, communicative grammar.

E-mail: es1957@mail.ru

**Участники «Школы молодого исследователя» /
Young Researchers Workshop**

Баев Евгений Владимирович — студент Московского городского педагогического университета.

Baev Evgeniy — student of the Moscow City University.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

Гребенщиков Юрий Юрьевич — студент Московского городского педагогического университета.

Grebenshchikov Yury — student of the Moscow City University.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

Дамирбекова Азиза Ровшан кызы — студентка Московского городского педагогического университета.

Damirbekova Aziza — student of the Moscow City University.

E-mail: aziza-magnit@yandex.ru

Коротаева Виктория Викторовна — студентка Московского городского педагогического университета.

Korotaeva Viktoria — student of the Department of Russian literature of the Moscow City University.

E-mail: viktorykorotaeva@yandex.ru

Медведева Дарья Сергеевна — магистрант Московского городского педагогического университета.

Medvedeva Daria — magistrant of the Moscow City University.

E-mail: medvedeva.dasha@mail.ru

Семакина Александра Андреевна — аспирантка кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Semakina Alexandra — postgraduate of the Department of Russian literature of the Moscow City University.

E-mail: lenor495@mail.ru

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XI

Главный редактор:

Мария Борисовна Лоскутникова (Москва)

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Объем 12,25 усл. печ. л.

Тираж 100 экз.

Московский городской педагогический университет

Научно-информационный издательский центр

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4